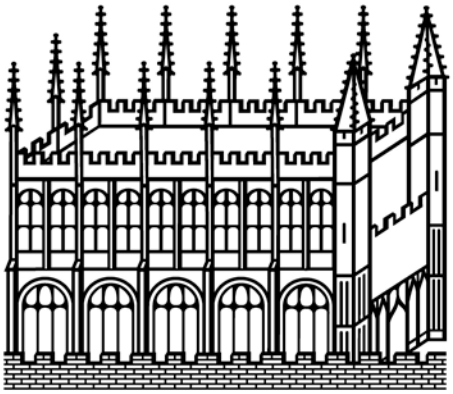


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

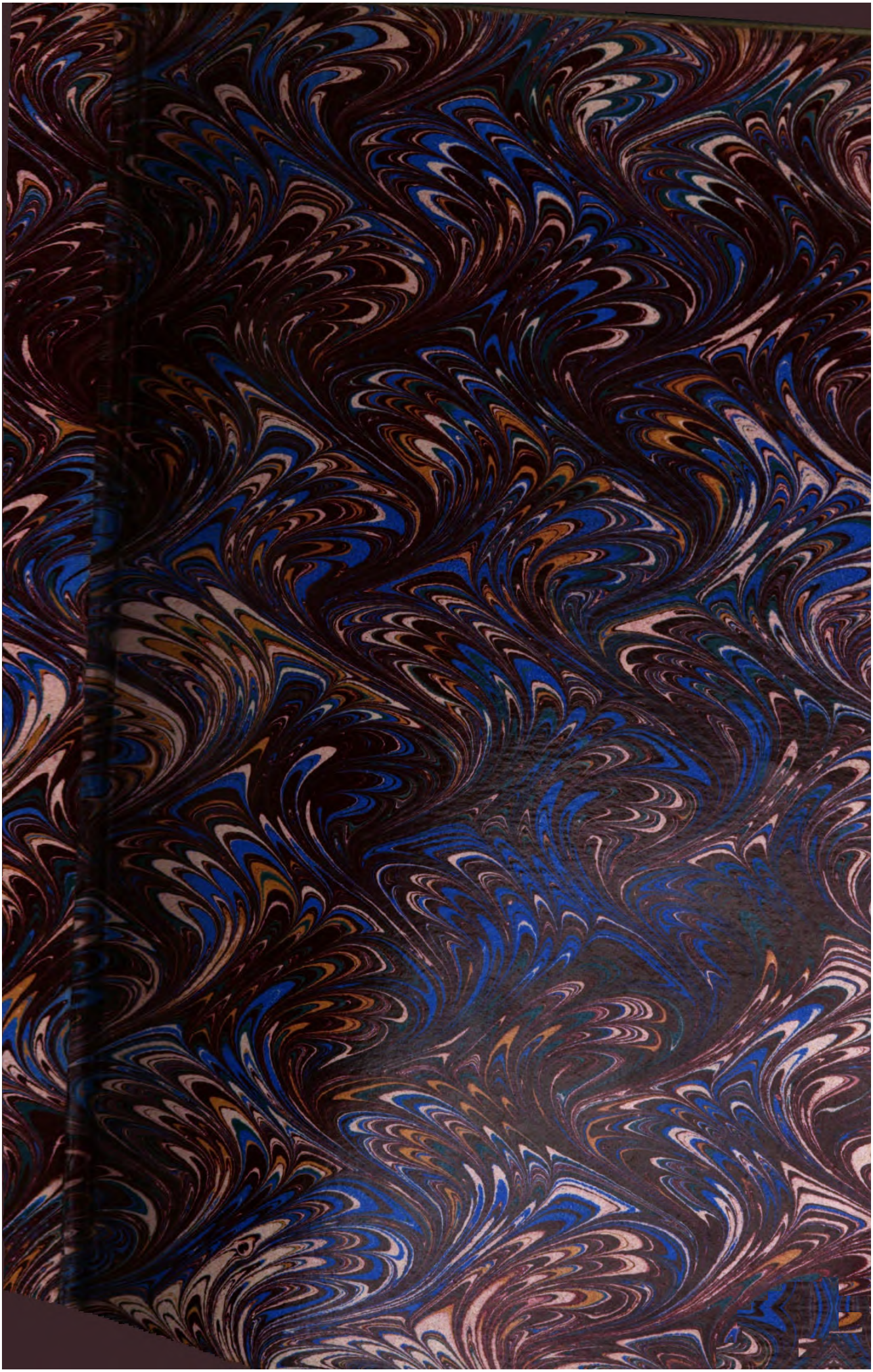
For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

~~270 a 6~~
~~301 c 13~~
Confined to Library

Vet.
PG1520.02.A1.1833



TAYLOR
4 MAR 1970

90
Д 120
ПЛАТА
ЗАВОД ЗА ЗАШТИТУ ПРИР.
У БЕОГРАДУ
South Observatory: Bust.

1.

ОРАО И ЛИСИЦА.

Орао и лис а учине међу собомъ дружство, и што бы было свагдашнѣ и постояно, договоресе согласе, да живе у комшилуку; да бы у п беби єданъ другомъ могли помоћь дати. то изберу єданъ великій растъ, на коегъ г ама орао начини себи гньиздо, ди снесе и излеже пилиће. Лисица, при пљини истога древа начини себи одъ ... стелю, и трудна будући, ту жоти лисичиће своє. Ова єдномъ, по обычаю изиће у ловъ: а орао не имаюћи тай данъ шта єєти, ни съ чимъ свою фамилію наранити; и видећи лисичиће подебеле, слети доле, узме ии и однесе у гньиздо. Мало по томъ врати се лисица и упази жалостно позорище, крвь, коя іоште врућа изъ гньизда тече, бѣдни лисичићи плачевне гласе даю, а орао имъ ногтима утробу дере, и клюномъ имъ очи вади. Како є лисицы было на то оздо гледаюћи, свакъ себи ласно представити може: да одъ кога другога то страда, небы іой ни по жалости было, но одъ пріятеля и комшіе ога. Не могући ништа друго; чинила є то ... слаби творе, кадъ имъ одъ силніи ... роклинѣ и правосудно небо на

освету призивлѣ. По мало дана пастири су пекли на полю месо, отъ коега орао ограби парче съ прилеплѣнымъ на нѣму углѣномъ; по случаю тада вѣтаръ дуваше: упалисе орлово гньиздо, спадну доле орлићи полакъ по пржени: како ли ти намъ ии є лисица радо дочекала! како є съ ньима предъ орловимъ очима о растъ ударала, серце изъ ньи іоште живы чупала и прождирала! свакъ то ласно погодити може.

Наравоученіе.

Не дружисе, съ кимъ се ниси кадаръ почупати: вели єдна стара пословица. На кога се найвыше люди туже, него на комшіє и на пріятелѣ. Данасъ се любе и друже, а сутра се псую и руже, неки страдаю за злобу и неправду свою а неки за незнанѣ и будалаштину. Не дружисе съ кимъ се не познаєшъ, и не пріятельисе съ силніимъ одъ себе: а навластито, не примай никога себи за пріятеля пре него добро сазнашъ, како є съ прежньи свои живіо пріятельи. Правда изискуе, да никоме ни найманю обиду не творимо: добродѣтель хоће, да другима помажемо и добро творимо: а здравый намъ разумъ крепко налаже, да се здраво чувамо, да намъ нико зла не учини: и башъ ако бы и хотео, да нипошто не може; ово є найбезбѣдніе и безбрижніе. Докле намъ годъ ко може учинити зло, ако хоће, дотле нисмо на найбольой нози. Мы ћемо видити у многимъ баснама, да се є лисица у различнимъ обстоятелствама паметно и хитро владала, но овде се є сасвимъ осрамотила. Она є добро знала, да орао зецове и лисичиће радо єде; ко іой рече съ ньимъ дружитисе и у комшилуку стаи

ти? но холо славолюбіє! колике є паметне обезпаметило, и островидне ослепило? Орла за пріятеля имати, ніє шала, то лепо звечи! Но найлеппе чему насъ ова басна учи, ово єсть, да се силный не узда у силу свою, ибо

Ἔξι δίκης ὀφθαλμὸς, ὃς τὰ πάνθ' ὁρᾷ. Естъ судбине око, коє све види. Кажу да се чуде Турцы, што имъ много ишту, но ако имъ се све стане искати, што су они одъ други отели, мало ће имъ што и остати.

2.

ОРАО УСТРЕЛЂНЪ.

Орао сѣђаше на єдномъ высокомъ месту, обзирућисе, небы ли што себи за ручакъ уловити упазіо. Но, како се често случава, ко друге лови, и самъ уловлѣнъ буде; и ко за туђомъ вуномъ пође, савъ остриженъ дома дође. Ловацъ, негде ту сакривенъ, устрели Орла. А мой горкій лову, тебе ли я овде чекамъ! начне, полумртавъ Орао себи говорити. А кадъ упази на краю држка стреле орлова пера; о бѣдный я! издишући рече, моя ли ме иста убіяю пера. Ніє ми толико ни на стрелу жао, колико на моє перѣ!

Наравоученіє.

Човекъ неправеданъ и зао, подобанъ є ове басне орлу. Све мысли и измышлява, како ће другогъ озлобити, докъ самъ у зло падне; пакъ

се онда тужи и яуче. Мили Родительи, опростите ми ово примѣчаніе: кадъ се отацъ и мати међу собомъ не любе и не почитую, одъ кога ће чада ньіова научити да іи любе и почитую? Подайте децы вашой, изъ прве младости примѣръ добродѣтельи, ако желите да вамъ добра буду: а навластито, *τοιοῦτος γίνου περὶ τοὺς γονεῖς, οἵους ἂν εὔξαιο ἔχειν παῖδας*, такавъ буди къ родителѣмъ своимъ, какву желишъ самъ имати децу. Право се орао на своє перѣ тужи. Ништа ніе жалостніе човеку, него кадъ одъ свои сродны страда! одъ кога ће дакле помоћи чекати? Но испытаймо сами себе, нисмо ли сами криви, кадъ насъ сродни и пріятельи не любе. Ко є самомъ себи на свету пріятель, никадъ неће вѣрна пріятеля стећи. И ко самомъ себи угађа и служи, луда са свимъ има господара.

3.

ЛАВЪ И ЛИСИЦА.

Лавъ дуго живећи оматори и врло остари, и не могаше нити брзиномъ ни снагомъ своіомъ, као у младо доба, другу животиню надячиваюћи прождирати. Мыслећи дакле, и на сваку руку размышляваюћи, у тако бѣднимъ обстоятелствама, шта ће одъ нѣга найпосле быти; дође му на паметь, да често, овде на земльи, оно што сила и снага не може, майсторія и хитрость учини. Претворисе болестанъ, уђе у свою пештеру, и колико є годъ дугъ простресе и пружи. Пукне гласъ и сву-

да се пронесе, да се оный страшный и на гласу лавъ съ душомъ мучи, и да є при концу. Ко што жели, то ласно вѣруе: млога животиня, єдно друго не чекаюћи, навали коє ће пре, подъ именемъ посещенія, издисанѣмъ лава своє очи насладити. А овый ти, кадъ єдно кадъ друго дочепаваюћи, себи као болеснику на понуду посвештава. Найпосле ето ти намъ и лисице, коя крозъ врата вирећи: како си стриче? пыта. Зло, моя мила ћерко, та оди ближе, да ме нагледашъ. Прости чико, немамъ кадъ, ити ми се, одговори мудра зверка, а и неће ми се, єръ видимъ многе трагове къ теби, а ни єданъ одъ тебе.

Наравоученіе.

Свакъ ће себи, врло ласно, у овой басни науку наћи. Люди пакостни и неправедни, што немогу съ силомъ и снагомъ, то съ хитростію, лукавствомъ и съ притворностію чине. Кажу за онога искуснога политика, Папу Сикста, да є, пре него Папомъ постане, све погрблѣнъ ходіо, и на чаршаву одъ мреже ручао; а како ти га учине Папомъ, исправисе и укочи, болѣ него и єданъ Кардиналъ. Нашли смо Светога Петра кључе. рекне єдномъ своме пріятелю, кои се овой премени чуђаше, не треба намъ выше сагнутымъ одити. А кадъ упази мрежу на своєй трапези, почне псовати свога слугу старца Онуфріа, видишъ да си безъ мозга, говорећи, што ће ти выше мрежа, кадъ є сва риба уловлѣна? Проворливъ и лукавъ човекъ по времену се влада, и преобличисе кадъ у курячію, кадъ у лисичію, а кадъ є до потребе, и у овчію кожу, и самога Свеца. Чувай гуске, кадъ ih лисица исповеда, и кадъ

имъ курякъ проповеда! вели єдна Инглизка пословица. Мы смо таки у овой нашой кожи, да и сами себи не валя са свимъ да вѣруємо. Не веруй куме, пася су уста, и лакоме су очи при погачи. Ово мы сви, фала Богу, знамо, нити є потреба да я топрвъ кажемъ. Блажено и Богомъ благословлѣно чистосердечіе! но опетъ, нека съ памећу и разумомъ быва, а навластито съ онима, коє не познаємо. Коя файда, што ме є мой отацъ учіо, да я никога не преварамъ, кадъ ме ніє научіо, како ћу учинити, да и мене другій не превари, вели Жилъ Блазъ. Лисица намъ овде паметну науку дає, да не итимо у нашимъ предпріятіяма: прости чико, немамъ кадъ; трагови ме плаше. Мучно є човека познати! и колико су кога глаће речи и слаће, толико выше валя стаяти на опазу, и добро сматрати, какви су око нѣга трагови, сирѣчъ, ко є? како поступа? и како се є пре владао. Има выше одъ две хіляде година, како се Еврипидъ тужи, да є мучно човека познати, говорећи,, *Τὶδὴχρυσοῦὸς κἰβδηλος ἦ τεκμήρὶ ἀνθρώποισιν ὥπασε θεὸς, ἀνδρῶν δ' ὅ τῷ χρη τὸν κακὸν διειδὲναι ὰδεὶς χαρακτηρὲμπ ἑφυκε σωματι?* Зашто є злату коє є лажно, знаке людма дао Богъ, а мужу, съ чимъ валя зла разазнати, никаква белега не стои на тѣлу? Нека ми ко не прими за голу суєту, што Еллински гдигди мешамъ, овый ми є єзикъ одъ младости міо, и радъ бы да се многима одъ наши младића смили, зато гдишто примѣшавамъ, ако ништа на срећу; често малена варница велику ужеже ватру.

4.

ЛАВЪ, КУРЯКЪ И ЛИСИЦА.

Лавъ, првый и найстаріи одъ свію Лавова, и царъ свію животиня, наодећисе слаба здравля, не излазаше изъ своє пештере. Многи лавови, царски министри, и прочи звериня кнезови и поглавари, и самый маймунъ, маймунскій Бировъ, кроме єдне лисице, сакупесе за посетити и нагледати Лава, цара свога. Курякъ, првый курячкій Муселимъ, одавно паметозлобствоваше на єднога комшію свога, старога Лисца, зато што овый найдеблѣ гуске фатаюћи, себе самога чашћаше безъ найманѣгъ куряку пешкеша. И тако овый непрестанно вребляше способно време, како ће лисцу скувати попару. Сада дакле не видећи га у скупштини, почне на нѣга клеветати, говорећи: да самъ онъ, не само не поштує, но и презире и за поруганіє држи Лава Господара. У то време приспе и лисацъ, и чує съ врата курячю похвалу; но чинећисе као да ништа не зна, дерзновенно уђе, стане на средъ пештере, и учини Лаву понизнѣйшу ревенцію. Лавъ савъ разяренъ, не гледаюћи на нѣговъ поклонъ и комплименте, съ громовитымъ гласомъ: Тако ли є то! начне говорити, кадъ самь я здравъ, ты си првый при мени, а кадъ самь болестанъ, онда си последныій. Сама любовь и вѣрность моя къ ТЕБИ, и попеченіє о твоємъ здравлю, причина су што я касно долазимъ, и лѣкарство ти носимъ. Коє є то казуй, и не сумняй о моєй благодарности, рече Лавъ. Жива ку-

ряка заповеди одерати, одговори лисъ, и врућомъ се нѣговомъ обложи кожомъ, и у мало времена тако ми лисца и нѣгове коже! бы ће ТИ лакше. Макне царъ главомъ, скоче лавови на куряка, счепаю ти намъ га, и начну га дерати. Бѣдный курякъ стане курячки дречати, а лисацъ къ нѣму: како си свирао, комшія, тако садъ играй.

Наравоученіе.

Ово исто быва людма, коихъ умъ ніе просвештенъ чистомъ наукомъ, кои живе у глупости и варварству, и коихъ су качества и склонѣнія, свойствама четвероножны животиня подобна.

Царъ, кои не обилази землѣ своє, и не тражи далеко одъ себе даже до самы найодалѣніи граница прогнату и сакривену истину, кои не иште да позна оне кои га окружаваю, и вѣрує ономъ ко пре дође, и ономъ кои уме лепше говорити, хитріє лагати и искусніє ласкати; подобанъ є ове басне лаву, кои вѣрує све што му курякъ каже. А кадъ дође лисацъ, само уме ли онъ болѣ сладкословити и лагати, некъ се онда држи курякъ. Човекъ любокористанъ и лакомъ, приличанъ є нашемъ куряку, кои злоби на лисца, не зато што онъ краде и туђе отима, него, што нѣга краће своє участникомъ быти не удостоява. Лисацъ намъ овде не игра сасвимъ достойну осужденія персону; и онъ лаже, како найболѣ зна и може, алъ валя му простити, єръ му є до главе. Кадъ виле дођу къ очима, тешко ономъ ко не уме шеврднути. Мало є Сократа и КАТОНА на свету, кои у овако критическимъ окрестностима, небы овогъ истога лисца себи за прикладъ узели. Но овога се ономъ народу ніе

бояти, коимъ правдолюбивъ и просвештенъ владѣтель управля, и гди праведни закони сву силу имаю. Гди су и сами поддани и просвештени и добродѣтелни, и знаду шта су они своmъ цару како общему оцу дужни, и шта є ньіовъ царъ ньима како своимъ синовомъ и фамиліи дужанъ. Пытали су єдногъ старца Инглеза, гди люди найболѣ живе? Онде, одговори старацъ, гди се слабый не бои силнога, нитъ селянинъ плаши предъ спаиомъ, гди се сирома богата не стиди; нити поштенъ човекъ мари, што непоштенъ о нѣму говори, и гди явный непоштенъ, жигъ на челу носи. Єданъ Босанскій Везиръ пытао є старце Бошняке: Хе кметови! кажите ми право, кои вамъ є найболыій быо Паша, одъ кадъ є царъ Босну освоіо? Честитый везиру, оный кои є отудъ пошао, а къ нами не дошао, одговоре простосердечни старцы.

5.

ЛАВЪ И МАГАРАЦЪ.

Лавъ и магарацъ пођу у ловъ; магарацъ своіомъ викомъ поплаши и узбуни многу животиню, и учини ю бежати изъ шуме: на кою Лавъ нападаюћи нафата силу. Онда магаре поносећисе упыта Лава, хе садъ ми кажи, што ти се чини одъ моега гласа? Пакъ іоштъ пыташь, одговори лавъ, и я самъ, да те не зиамъ ко си, бы се одъ твое вике уплашіо.

Наравоучніє.

Ова басна приличествує онима, кои се чине страшни, докъ іи люди не сазнаду, а потомъ нико се на ньи и не обзире, и колико они выше вичу, толико се већма други смею. Простакъ и дете одъ свашта се препадаю, и малодушанъ човекъ у свагдашнѣмъ живи страху као зецъ. Ея кадъ гди завиче, плашесе баке, єръ то значи да ће ко умрети. А гди се люди рађаю а не умиру? іоште се то место ніє нашло. Да и нема совуляга на свету, и опетъ бы люди умирали. Не валя децу плашити, єръ се многи изъ самога обычая до глубоке старости ужасаваю, и єжи имъ се кожа одъ оны стварій, коє нитъ су кадъ видли нити ће видити. Ако се у помрчини боє да о што главомъ не лупе, и да у какву яму не упадну, имаю разлогъ, нека се боє и чуваю. Ако ли се пакъ плаше, да што у мраку не виде, лудо мысле; шта ће видити, кадъ се у помрчини не види. Али старе баке кажу то и то и друго. Наше се баке у томъ люто вараю, и болѣ є некъ ћуте. Некъ ћуте? ласно є то рећи, али баба Чава зна и каже толике примѣре, како се є привидило томе и томе пролазећи ноћомъ покрай гробля на месечини, и како се вештице преобраћу у кокошке. Не вѣруйте моя децо, све су то голе лажи. Но слушайте како то быва. На гроблю су велики крстови, одъ кои се на мѣсечини виде сѣни, пакъ ко се є научіо изъ младости плашити, пролазећи туда, види те сѣни, или каква пса да туда протрчи, или мачка комъ се у ноћи сіяю очи, или кои изтрунутъ крстъ гди се сія и пламти, онда ти му се ужеже мечтаніє и узбуни крвь, ужасъ нападне на нѣга, а іоштъ кадъ є самъ. Ево како су постала сва привидѣнія и

страшилища, летући змаєви, виле и аждае. Єдну ноћь на месечини наша стара слушкиня Угринка уплашисе одъ своє сѣни, яо ньой кукавицы, викне, пакъ бѣжи колико игда ноге могу; по срећи изиће неко предъ ню са свећомъ, позна и сама одъ шта є бѣжала. Свећа є просвештенъ разумъ, кои намъ показуе истину, а мрачно суєвѣріє чини насъ боятисе слабе кокоти, и покойны у гроблю костію, коє нису кадре никомъ никада зла учинити. Премудро насъ учи ПИѲАГОРЪ у златны свои стиховы, чега се валя бояти и чега не; *πρῆσσε δε τᾶυθ'ἅ σὲ μὴ βλαψη λογισάι δεπρὸ ἔργου δειλὰ μὲν ἐκπρήξας φοβῦ χρηϛα δὲ τέρπου.* Дѣлай то што те неће увредити, и размышляй пре дѣла; зло кадъ учинишь, бойсе, а о добру веселисе. Буди добродѣтелянъ, буди разуманъ, пакъ ћешь онда рећи къ свимъ суєтнимъ страшилищама оно, што є наше басне лавъ магарету рекао, и я да те не знамъ ко си, бы те се уплашio.

6.

ЛАВЪ, МАГАРАЦЪ И ЛИСИЦА.

Лавъ, магарацъ и лисица пођу скупа у ловъ, съ уговоромъ, што улове да разделе. А кадъ довольно лова налове, лавъ рекне магарцу, да добытакъ паметно раздѣли; овый разложи све на три єднака тала, дозволяваюћи другимъ да изберу, шта се коме люби, придодаюћи да ће онъ съ коимъ му драго таломъ што остане, задоволянъ быти. Єли? то ли се зове паметно делити? почекай мало, да

те научимъ памети, одговори му срдитъ Лавъ. Пакъ онда тресне съ њимъ о землю, и распара му трбу. Дели ты садъ, рекне лисицы. Ова натовари све у єдну гомилу, а за се остави само єдногъ зеца; па каже лаву, шта є чіє. Ай! ай премудра лисицо, ко те научи тако паметно дѣлити? магарећа будалаштина господару, одговори ова.

Наравоученіє.

Τὰ τῶν ἀνοήτων παθήματα τῶν φρονίμων ἐἰο μαθήματα. Безумныхъ страданіє, разумнима є ученіє. Смысленъ и разуманъ човекъ не само учи одъ паметніи одъ себе, него и одъ самы луды има чему научитисе; зашто гледа добро што они чине, и како злопате, пакъ све то узима себи за науку и чувасе, а будала неће ништа одъ паметна да прими, ибо, при прочей лудости ово му є найвећа, да се самъ себи найпаметніи чини, и за срамоту држи, одъ другога што научити. Малоуманъ човекъ и высокоуманъ, оно што не зна, о томъ ни понятія не могући имати, оно што зна, чинимусе да є то све што се може знати; зато, што є себи єдномъ завртіо у главу, ако ће быти и криво и недостаточно, оће да тако остане. Ако є леньивъ, неће себи да разбія главу да далѣ постигне; ако є слабоуманъ, а онъ ніє кадаръ; ако ли є пакъ (то што є найгоре) высокоуманъ, а онъ неће нипошто себе да понизи, да одъ другога што прими, а іоште што є црнѣ и опачніє, оће силомъ и на люту срамоту и друге да научи, пакъ говори пустъ, што му годъ на паметъ дође. Ступа напредъ, нити се обзире као слепацъ, кадъ по блату бѣжи, иде само на срећу кудъ пуче да пуче. А разуманъ човекъ, ако ће колико знати, опетъ

слуша съ великимъ вниманіємъ, што други говоре. Оно што зна, радъ є и болѣ знати, а оно што не зна, не мысли да зна; радо и весело, што є добро и паметно, и слуша и прима одъ когъ му драго, и тако одъ данъ до данъ паметніи и разумніи быва. Но да дођемо къ нашой басни. Лавъ овде представля неправедна и силовита човека, коме ништа ніє право ни паметно, што нѣму ніє користь. Съ таковымъ безсовестнымъ и безчеловѣчнымъ звéромъ правду тражити, то значи себи погибаль на главу навлачити. Простосрдечно и бѣдно магаре увѣщава насъ, да се съ силнымъ не дружимо: чему насъ лисица учи, то оставлямъ нека свакъ погоди.

7.

ЛАВЪ И МЕДВЕДЪ.

Лавъ и Медведъ пођу по єдной дубрави, одъ глади лекарство тражећи; намересе заєдно на єдно дебело єленче, коє єданъ съ єдне стране а другій съ друге ласно увате и убію. Да га разделе на полакъ? свакій есапећи по празнини трбуа свога, види да ће му полакъ мало быти; свакъ бы радъ све имати; почну се дакле око нѣга чупати и дерати, докъ оба изнемогу и у несвесть падну. Лисица видећи іи тако разположене, лагано одвуче єленче. Ай, ай! зла намъ срећа и съ нашимъ лакомствомъ, (рекну они єдва крећућисе) за лисицу ли мы мал' главе не изгубисмо?

Наравоученіе.

Неситость и лакомство хиляду зала на люде навлаче, сею свуда раздоръ и несогласіе; заваћаю и разделяваю сродну браћу и драге пріятелѣ. *Νήπιοι! οὐδ' ἴσασιν ὅσῳ πλεον ἥμισυ παντὸς.* Будале! нити знаду, колико є выше полакъ одъ свега; виче жалећисе стараць Исіодъ. Блажена речь! коєй, кадъ бы люди слѣдовали, счастльиви бы были. Полакъ, съ согласіемъ и съ правдомъ више є и напредачніе, єръ є съ благословомъ божіимъ, него ли све съ неправдомъ и съ проклетствомъ. Farina de diavolo va presto in semola. Брашно ћаволѣ иде брзо у мекинѣ, патетно вели таліанска пословица. Ко съ неправдомъ тече, съ врагомъ растече: ко съ туђимъ уздисанѣмъ кућу зида, неће му унуцы у ньойзи живити. Ово су истине тако явне и тако познате, да ніе потреба о ньима выше говорити.

8.

ЛАВЪ И ЗЕЦЪ.

Лавъ тражећи што за ручакъ, упази здрава зеца у међи заспата, могаше га ласно спачати, но видећи по далѣ єлена, пустисе за ньимъ. Зецъ се пробуди и побегне, а єленъ утече, онда се лавъ врати къ зецу, алъ наће место чисто, почне лизати устне и маати главомъ: ето ти моє памети! оћу єлена, нећу зеца.

Наравоученіе.

И ово є противъ лакомства; избирачъ ніє свагда погађачъ, и ко оће свагда веће, губи често изъ вреће. Болыій є єданъ зецъ у чанку, него два у полю. Правда, да ова правила, нити су за свакога, нити за свако време. Ко се свагда бои, да не изгуби, мало ће кадъ добыти. Audacem fortuna juvat. Слободногъ срећа помаже, веле Латини; ко се одвећь ветра плаши, некъ не иде на море, и ко се мраза бои, некъ не сади виноградъ. Пакъ што бы было? ништа, него скудость и недостатакъ. Чему насъ дакле ова басна учи? μηδὲν ἄγαν ништа преко мѣре. Уфати зеца, пакъ онда трчи за єленомъ; разуманъ човекъ нити є страшивъ, нити пакъ преко мѣре слободанъ. Ко бы радъ да никадъ ништа не изгуби, мучно ће што добыти. Велика є различность съ разумомъ или безъ разума што изгубити, што други вредни и паметни чине, зашто небы и мы чинили? ако ли намъ се пакъ што противно случи, нико паметанъ неће намъ се ругати. Предосторожность и разумъ нека свачимъ управляю. Ты учини све што надлежи, пакъ се уздай.

9.

ЛАВЪ И ЧОВЕКЪ.

Лавъ и човекъ почну се инаћити о своимъ преимуществама, човекъ фали люде, говорећи да су вредніи и юначніи одъ лавова, а лавъ неће то ни пошто да призна. Но на

противъ утврждава, да є єданъ лавъ ячіи одъ неколико людій. Ньіово преніє потезалосе задуго, докъ по случаю намересе негде на икону Херкулову, гди бияше изображенъ овый, како дави лава. Видишъ то? рекне човекъ. Видимъ, а ко є то написао? упыта лавъ. Човекъ; а да ко ће написати? - - - Хе мой брайко? видишъ да си - - - малъ не реко, рече лавъ: да лавови умеду писати, као вы, я бы теби сто икона за єдну показао, како лавови люде даве.

Наравоучєніє.

Не валя ласно вѣровати,, што єданъ човекъ или народъ о себи говори и пише; єръ свакъ себе описує како лепше зна и може. Валя слушати што други о ньима мысле и утврждаваю. Правда да є не само лавъ но и конь и воо много ячій одъ човека, но и неимаюћи человѣческе хитрости и разума, принуђени су покораватисе човеку. Сама храбрость и юначство єднога народа безъ науке и мудрога правлѣнія, подобне су зверской снаги. Бранесе за неко време, алъ найпосле мораю рећи ейвала, и покоритисе. Наука, мудрость, мудро и законно Правлѣніє, искусство, просвештены народа подраженіє, а сврхъ свега, трудолюбно и добродѣтелно єднога обштества житіє, ево што саставля нѣгову праву храбрость и юначство, а безъ тога или є у рабству, или ће съ временомъ быти. Богъ и натура тако су одредили, како човекъ скотомъ, тако и разуманъ неразумнымъ да влада и управля.

10.

ЛАВЪ И ДИВІИ ВЕПАРЪ.

Оба ова у єданъ жаркій данъ летньій, жедни доћу на єданъ изворъ прохладитисе и жеђь угасити. Но лудо высокоуміе съ луђимъ своимъ породомъ инатомъ свуда свой носъ увлаче; доћу и къ овомъ чистомъ и изобилномъ извору, и заваде ова два звера, ко ће пре пити. Одъ речій доћу къ ударцемъ. Вепаръ зубма а лавъ съ ноктима, єданъ другогъ окрваве. Попрестану мало за оданути, и съ већимъ устремлѣніемъ сраженіе обновити. У исто време орли и гаврани, гледаюћи битву и нюшећи крвь долете са сви страна, облећући и радуюћисе. Нисмо ли мы луди, (рекну ова два непріятеля) да се овде деремо и убіямо на радость наши общи душмана? помиресе и напіюсе єданъ съ єдне стране другій съ друге, и оду свакъ своимъ путемъ.

Наравоученіе.

Ништа ніе способніе люде помирити, колико, кадъ сами разсуде, да они са своимъ взаимнымъ разрушеніемъ, общимъ своимъ злотворомъ не само радость но и ползу причињаваю. Неправда, адскій породъ! властолюбіе, несита грабежа жеђа, неразумна освета, колику су витежку и сродну кровь пролиле, коя бы дужна была самомъ отечеству и общей свободи посвећена быти. Жале Мусулмани Хрістяномъ уступити, оно исто што су одъ Хрістяна силомъ похитили, а не мы-

сле да Богъ и правда оће, да съ временомъ опетъ свакомъ своє буде. Ко є пре неколико времена и када чуо, да є Бошнякъ или Арбанасъ икада Турчинъ био? нити су пре были нити ће до последка быти. Но они веле, каква є то правда, да имъ Русси и Немцы отимлю оно што су они одъ други отели? нека само послушаю ово што ћу рећи, пакъ нека сами суде. Што є за све народе болѣ него за само єданъ народъ, то є роду человѣческому во обще, и полезніє и правіє. Гди се наука уводи и распространява, гди поредакъ и закони царствую, гди се куга међу люде не пушта, ту є за све люде болѣ и праведніє. Іоштъ єдно, у свимъ Немачкимъ и Руссійскимъ владѣніяма нико се добаръ ни Хрістянинъ ни Турчинъ солдата не бои; но гледа у нѣму чувара свога, а у Турской земльи, колико є далѣ одъ Цариграда, толико выше бѣдный Хрістянинъ предъ Агомъ и нѣговимъ слугама, предъ спаіомъ и предъ яничаромъ дркће као овца предъ курякомъ. Сада дакле Хрістянинъ и Турчинъ; ко има человѣческо у прсима срце, онъ ће свакій данъ къ небу погледати и рећи, Богъ ће дати што ће болѣ быти.

11.

ЛАВЪ И БИКОВИ И ЛИСИЦА.

Лавъ видећи три бика свагда заєдно у любави и у согласію, не смеяше на ньи ударити. Пошлѣ дакле лисицу, те іи завади и растави; онда Лавъ на свакогъ по на особито ударающи свой троицы доће до главе.

Наравоученіе.

Несогласіе Хрістяна подигло є Турчина: нъіово согласіе понизи ће га. Неслога браће сатире и у срамоту іи погружава, а блажена слога и єдинодушіе возъышава іи и прославлява.

Мусулманскій законъ ньи учи, да се моле Богу, да Богъ не соєдини кршгене Царе и Кралѣ. Молимъ іи некъ ми кажу, каковога Бога они себи представляю, одъ кога просе вражду, несоєдиненіе и неслогу међу люде? Хрістосъ Спаситель Хрістяномъ заповѣда, да просе одъ Бога всеобще согласіе и соєдинѣніе у познаню єдинога преблагога Бога Творца, у правди, поштеню и добродѣтельи. Ево какавъ є хрістянскій Богъ, кога Хрістосъ проповеда. Наполѣ дакле измећу свьı поштены и паметны народа лукаве лисице, коє за человѣческа суєверна измышлѣнія несоєдинѣніе, вражду и мрзость проповѣдаю, и воружаваю брата на брата свога, и поштене комшіе єдногъ на другога. Єдиный Боже! соєдини у име твоє све Царе и Кралѣ, и ако кадъ кои одъ ньıй узхоте неправеднымъ быти, да му други не даду. Соєдини све люде у любави, правди и добродѣтельи.

12.

ЛАВЪ И МИШЪ.

Лавъ утруђенъ легне у ладъ почивати, и ту заспи. Мишъ туда одећи, дође му у главу да претрчи преко лава, лавъ се презне и счепа миша. Нієдна вѣро! На толикомъ полю, пре-

ко мои ли леђа ты путъ себи нађе? што ђешь садъ? казуй! Великоможный Лаву! одговори мишъ съ умилнымъ гласомъ; весма самь сагрешіо, признаємъ и исповедамъ, но молимъ те да ми опростишъ! нећу выше то учинити, ово ће ми быти првый и последньій редъ. А и разсуди молимъ те, каква бы слава Лаву была, да утуче миша? Лавъ се осмене и пусти га безъ вреда. На неколико дана уватисе тай истый лавъ у дебелу мрежу, кою ловцы лавомъ и медведомъ ставляю. Изъ кое Лавъ не могући размрситисе, стане рикати колико игда може. Мишъ чує, притрчи, види и позна благодћеля свога, не отлажући времена почне гристи мрежу, и мало по мало прегризе єдно уже; онда се мрежа разспе, и Лавъ се избави. Чудне ствари, што видимъ на свету! савъ зачућенъ рекне Лавъ. Ко бы икада рекао, да и мишъ Лава одъ смрти може избавити.

Наравоученіе.

Ἐςὶ καὶ παρά μυσὶ χάρις. Јесть и у миша благодарность; прекрасна пословица, коя намъ препоручує благороднћйшу, сладчайшу и краснћйшу одъ свію добродћтелый благодарность, къ благому Богу, къ сладкимъ родителћмъ, къ милостивимъ благодћтелћмъ, къ праведнимъ и трудолюбивимъ царемъ нашимъ, къ разумнимъ и правдолюбивимъ судіямъ и правителћмъ; благодарность! божественый и сладкій чувствителномъ срцу союзъ, кои содржава миліоне людій у согласію и любови, благодарность! Ко фали, на неколико хіляда година после, Сократа, Марка Аврелія и милога Тита, и коће ји фалити довека?

небесна прекрасна кћи благодарность. Чувствованіе ове добродѣтельи учи мало детешце, да се умилява на прсима родителнице своє, и грлећи є съ слабима рукама благодари ранителницы своєй. Страшни звери благодѣяніемъ укрочаваюсе, лавъ и медведъ ласка онога кои іи рани. Во и конь служе господару своме, и вѣрный пасъ умире за нѣга. Коме ніе благодарность довольно награжденіе за учинѣно благодѣяніе, нека га нигда не чини, болѣ. А неблагодаранъ --- уви єли могуће, да є човекъ неблагодаранъ? не дай Боже такога у роду!

13.

ЛАВЪ И БИКЪ.

Старъ Лавъ сретне млада и яка бика, и не уздаюћисе явнымъ сраженіемъ побѣдити га, приступи къ нѣму кротко, и пріятельски поздравивши га, каже му да є сготовіо велику часть, и моли га да му у гости доће. Бикъ, више изъ любопытства него ли части ради, пође да види каква є лавска часть. А кадъ доће на лавовъ станъ, не видећи ту нити какво приуготовлѣніе нити ватре на огньишту, подозре навѣтъ, и види да му се о кожи ради; покаже Лаву своє рогове, пакъ се врати, и безъ остай съ Богомъ. Та причекай пріятелю! оди поседи мало, садъ ће часть готова быти. На часть ти твоя часть, частисе съ кимъ си се и до садъ частіо, одговори паметный бикъ, пакъ оде своимъ путемъ.

Наравоученіе.

Све, овой подобне басне, уче насъ предосторожности и чуваню. Правда, ніе лепо да є човекъ, безъ узрока и преко разлога нити подозрителанъ, нити неувѣрителанъ; но съ онима коє познає. А оне коє не познає, не мыслећи о ньима никакво зло, дозволѣно є не наглитисе, но чекати, за моћи, по ньіовомъ поступку и начину живлѣня, о ньима судити. Добронараванъ и правосердечанъ човекъ ласно вѣрує, алъ се ласно и превари, пакъ ако є у маленой вещи, некъ иде: болѣ се кадъ годь и преварити, него за сваку бездѣлицу и багателу подозреніе имати. Кадъ се обаче чести, или какове нибудь важне вещи тиче, нико паметанъ, неће другому за зло примити, што се ласно у што не упушта, докъ здраво не разсуди, и све окрестности посла добро не позна. Никада се поштенъ човекъ не срди што други изтражую, да га добро познаду, єръ онъ добро зна, да колико га болѣ сазнаду, толико ће га выше любити и почитовати. А мало добаръ човекъ колико выше може, кріе своє трагове, добро знаюћи да є пропао, како га сазнаду. Колико се замршеніи и потаєніи єданъ посао види, толико выше валя стаяти на опазу. Пакостанъ, кадъ о найвећой пакости мысли, онда наймайсторскіе, измышлява речи. Зато излишни компліменти, ласкателства, церемоніе, необычна похвальиваня и улагиваня, предъ паметнымъ людма никадъ нису што добро значила. Chi mi lusinga piu di quel che suole, o m' ha inganato, o inganar mi vuole, весма разумно веле Таліанцы. Ко ме годъ ласка выше него обычно, или ме є преваріо или ме преварити оће. Зато ове басне бикъ врло се паметно влада. Зове га лавъ на часть, иде да ви-

ди, єръ га се не бои. Не види то на што є зватъ? неће выше ништа да зна.

14.

ЛАВИЦА И ЛИСИЦА.

Лисица є похуђавала Лавицу за то што ова редко и по єданъ породъ рађа. Редко и по єданъ, одговори Лавица, али кадъ родимъ, а я Лава родимъ.

Наравоученіє.

Οὐκὲν τῷ πολλῷ τὸ καλὸν. Ніє у многому добро. Колико ова басна, толико и пословица приличествую онима, кои, што чине, добро и совршено чине. На противъ, неки се све врте и окрећу, а кадъ имъ на посао погледашъ, а оно мућакъ. Млого коєшта починю а ништа не свршую: ако ли што кадъ и сврше, а оно не валя, пакъ залуду имъ мука. Зачиню и рађаю неке главе премноге ствари свакій данъ, но чему є све то подобно? Лукавимъ лисичићемъ, или онимъ маленимъ летньимъ мушицама, коє у истый данъ кадъ постану, у тай іи и нестане.

15.

КУРЯКЪ, БАБА, И ДЕТЕ.

Курякъ гладанъ хоћяше коє куда тражећи што да изе. Дође у вече на край села предъ

єдну кућу, и чує дете гди плаче, и бабу гди га страши, говорећи: да ако не умукне и не поће спавати, да ће га нама дати куряку. Овый стане чекати съ великомъ жельомъ, неће ли баба то учинити; докъ се дете утиши, престане плакати, и запыта бабу, оће ли га дати куряку? не бойсе ты рано моя, одговори баба, ако курякъ дође, мы ћемо га набости на оный гвозденый ражань што стои за враты. Онда ти курякъ стане бѣжати, мыслећи у себи: мећеръ бабе у овомъ селу єдно говоре, а друго мысле.

Наравоученіе.

Люди, кои своє пристрастіе и користолюбіе за советъ примаю, подобни су овомъ куряку. Ласно вѣрую оно што желе, ни мало не размышляваюћи, єли то могуће или не. Достойни су не само преваре, но и поруганія, прво, што неправедно, а друго што будаласто желе и закгеваю. А наша насъ бака учи, да ако што у срдитости и страсти и речемо да ћемо учинити, кадъ се гнѣвъ и страсть утоле, о томъ и да не мыслимо. Августъ цесаръ одпуштаюћи одъ себе учителя свога Аполодоріа, запроси га да му даде свой последныій совѣтъ, како ће се владати. Кадъ се годъ разсрдишъ, одговори му учитель, немой ништа ни учинити ни заповедити, докъ не очиташъ греческо азбуки одъ алфа до омега. Алъ докъ я то очитамъ, проћи ће ме гнѣвъ, вели му Цесаръ; то я и ћу, одговори учитель. Плутархъ, за неку велику погрешку весма разгнѣватъ на свога слугу: иди ми съ очію, рече му, да нисамъ овако срдитъ, бы те здраво избіо. А Платонъ, моли комшію, да му протуче слугу. Туцы га

самъ, вели му оный. Не могу, єръ самъ одвећь срдитъ. Гнѣвъ уподоблява човека зверу; а човекъ, ништа не валя да чини као зверъ безъ разсужденія.

16.

КУРЯКЪ И ЖДРАЛЪ.

Курякъ ждерући овцу стане му кость у грлу; стане завіяти и якати, молећи свакога ко туда пролазаше, да му извуче кость, обћщаваюћи велико награжденіе. Дугошіястый ждралъ полакомисе на плаћу, завуче главу у курячіе грло, и извуче кость, пакъ онда летећи выше нѣга искаше плаћу. А курякъ, показуюћи му свое курячке зубе, каже му: Заръ ти є то малена плаћа, што си изъ ваки зуба извукао главу здраву и читаву?

Наравоученіе.

Κακοὺς εὖ ἔρδοντι μεταιοτάτι χάρις, Злимъ благотворящему суєтнѣйша благодарность, вели Ѳеогнидесъ. Ко познатомъ злочинцу помаже и доброгвори, шта ће одъ нѣга чекати? Зао човекъ међу добрима, ништа друго ніе, него курякъ међу овцама, коєму нико конака не валя да да; но како га гди упази, куря! нека виче. О зломъ сажалѣніе имати, то є на погибель мирнимъ и добримъ людма. Зато, право веле наши стари, да є горый ятакъ одъ пустаіе. Кадъ се човеку прстъ на зло да, ради свакояко да га излечи, а

кадъ види, да сва рука одъ нѣга бѣдствує: режи бржеболѣ, виче, и за избавити сву руку, не мари за кои му драго прстъ. Бѣдни су онде люди, гди зли већу силу и власть имаю, и принуђени су као она бака говорити: мой синко, добро є и предъ сотону кадкадъ свећицу ужећи! єръ є зао, валя га се бояти. Пытали су єдногъ старца Ерцеговца, кадъ ће злію нестати? Кадъ се сви добри насупротъ њи сложе и подигну, одговори паметный старина.

17.

КУРЯКЪ И ЯГНѢ.

Курякъ піяше на єдномъ извору; ягнѣ не видећи га, далеко ниже на потокъ дође напитисе. Како га оный спази, викне на нѣга: ту си ты дошло мутити ми воду, да одъ тебе не могу съ миромъ ни бистре воде напитисе, єли? Та вода, господару, одъ тебе къ мени тече, како ћу ти ю я замутити? то ніє могуће, одговори ужаснуто ягнѣ. Ха Ха! по гласу те познаємъ, ты ли си онай, кои ми се лане у ово доба ругаше? --- Лане у ово доба? помагай! тада ме ніе ни было на свету, мати ме є овогъ пролећа оягньила --- видимъ, да си ты умно и паметно, и да се умешъ добро одговарати, (рече му курякъ) но за луду, све ти то данасъ предамномъ неће помоћи; скочи на нѣга и прождере га.

Живо и дѣйствително описаніе силна неправедна, и слаба неповинна. Ко те пре? кадія; а

ко ти суди? тай истый кадія. Не пытамъ те вышіе, знамъ шта ће ти быти, веле Бошняцы, то значи, курякъ те пре, а курякъ ти суди. Имати право, онде гди насиліе и неправда влада и суди, то є толико, колико и са свимъ криву быти. Да што надлежи дѣлати у таковимъ окрестностима? я друго средство не знамъ, разве къ небу очи подигнути, и одъ туда правый судъ чекати. А оће ли што быти? оће безъ сумнѣнія. Ибо, неправда превраштава престоле силны. Онай вѣчный и премудрый, кои є све што видимо створіо и содржава, онъ све види и воздати ће свакомъ по дѣлу, ако то насилникомъ и неправеднимъ и ніе драго. Али може помыслити ко: што ће данасъ изеденомъ ягнѣту помоћи, ако сутра куряку кожу сдеру? ягнѣту ништа, нѣму є све єдно, та га курякъ изео та човекъ. Зашто, ни ягнѣту ни куряку ніе никакво понятіе о правди и о неправди дато; а што имъ се ніе дало, то се одъ ныій неће ни искати. А човеку є то дато, зато, ако є колико ко у злу отврднуо и окорео, опетъ га зло мучи и разтрза. Дакле не мора ли лудъ быти, ко мысли да му є ово чувствованіе за луду дато? Ево како о овомъ пре неколико хіляда година старацъ Исіодъ мудруе. *Ἰχθύσι μὲν καὶ θηρσὶ καὶοὶωνοῖς πετεεινοῖς ἔσθειν ἀλλήλους, ἐπεὶ οὐ δίκη ἐξιν ἐπ᾽ ἀυτοῖς, ανθρώποισι δ᾽ ἔδωκε δίκην ὁ θεὸς.* Рибама и зверовомъ и птицама летућимъ дозволѣно є да єдно друго єде, зашто нейма правде надъ ньима, а людма є дао правду Богъ.

18.

КУРЯКЪ И ОВЦА.

Курякъ савъ издрпатъ одъ паса, лежаше при єдной рѣцы, упази не далеко овцу, пакъ є почне молити, да се смилує о нѣму видећи га у такой невольи, и да му донесе мало воде. Я бы то ласно и радо учинила, одговори овца, но ако си и савъ издрпатъ и осакаћенъ, и тако си курякъ, пакъ се боимъ, да ниси гладніи него жедніи.

Наравоученіє.

Ево добытакъ злонаравія и неправде; пакостанъ и сасвимъ зао човекъ, ако ће не знамъ у какву неволю пасти, и ако ће се колико смирити и молити, нико се у нѣга не уверує, и свакій га се одвраћа и гнуша. Нема дакле горе несреће одъ злонаравія и неправде, нити већега благополучія одъ добродѣтельи. Богатство стећи, може и зао и неправеданъ човекъ, може се савъ валяти у сласти и изобилію, высоке науке и достоинства може пріобрести. Али благонаравіємъ и добродѣтелію украситисе, то зломъ и невалялomъ срцу ніє дато. Злотворителянъ човекъ подобанъ є овому куряку, кадъ легне на смертну постелю, савъ раздрпатъ одъ своє совѣсти за неправде и зла учинѣна, нити ће га ко жалити нити о нѣму соболѣзновати; но свакъ ће рећи, ето човекъ, кои ніє положіо Бога помощника себи, но упова на себе и на правду свою.

19.

КУРЯКЪ И КОЗА.

Курякъ упази на высокомъ каменитомъ месту козу гди пасе, и не уздаюћисе да ће ѕ ту моћи уфатити, науми къ себи є домамити, говорећи: сестрице! ту ти ніє найболѣ, стрмено є мѣсто, можешь се убити, а ни паше ти ту доста нема; сиђи у долину, болѣ ће ти быти. Єсть, башъ! не знамъ одъ кадъ су козе курячке сестре! и одкадъ су куряцы тако милосрдни постали! иди, иди слуто, овде ти лажи не пролазе, Огледайсе гди у потокъ, пакъ ћешь видити, стои ли ти лепо, да се чинишъ добаръ.

Наравоученіє.

Куряковъ совѣтъ овде чинисе добаръ и полезанъ, али за нѣга, а не за козу. Зато и коза паметно ради гонећи га одъ себе, нѣговомъ совѣту и притворной доброти ругаюћисе. Курячка наравь кадъ се найболя чини, и найлепшій совѣтъ дає, онда є се валя найвећма чувати.

20.

КУРЯКЪ И ЛАВЪ.

Курякъ ограби негде изъ стада овцу, пакъ пође носећи є далѣ одъ пастира и паса, да

є съ миромъ изе; сретне га лавъ, и отме му є. Онда овый издалека стоєћи рекне лаву: Неправедно моє отимашъ! неће ти пробытачно быти. А лавъ къ нѣму сміюћи се: Е башъ! заръ си є ты съ правдомъ стекао, или одъ пріятеля на даръ получіо!

Наравоученіе.

Ово се допада онима, кои туће силомъ или съ преваромъ узму, пакъ после изгубе.

21.

КУРЯКЪ И КОНЬ.

Старъ курякъ упази добра коня, не поуздасе явно на нѣга ударити боєћисе, илъ да му не утече, или да га неће моћи надвладати. Намысли да га съ преваромъ придобыє. Приступи кротко и упыта га за здравлѣ. Конь подозре лукавство, и науми съ клинцемъ клинацъ истерати: каже му да се у осталомъ добро наоди, но да се є стражньомъ ногомъ на иверъ набоо, и да га нога люто боли. То є найлакше, оди да ти зубма извадимъ иверъ. Стане конь и подигне ногу, а кадъ види куряка близу, лупи ти намъ га у губицу, те му све зубе разпрска, пакъ одскаче преко поля. А курякъ остане яучући, и себи говорећи: досадъ си лагао, а садъ си башъ долагао.

Наравоученіе.

Овако се најпосле свакому догоди, ко се у неправду, лажь и превару, узда.

22.

ЛИСИЦЕ.

Єдной лисицы упадне репъ у шкрипацъ; она за избавити осталу кожу, прегризе себи репъ и утече. А потомъ за сакрити свою срамоту, сазове проче лисице изъ комшилука и начне іи увѣщавати, да и оне одрежу себи репове; говорећи да є лакше и лепше лисицы безъ репа него ли съ репомъ. Онда єдна одъ старіи и искусніи лисица придосетивши се нѣзиномъ лукавству, одговори: докъ си ты репъ свой имала, ниси насъ на то совѣтовала; а сада, гди си ты безъ репа остала, хотела бы да и мы наше одрежемо, єли? Видишъ ты памети? Оће єдна лисица млоге да превари.

Наравоученіе.

По свой прилицы већь су се люди были почели одавно варати, будући да є Езопъ принужденъ био толике басне противъ преваре измышлявати. Ко є какавъ, радъ бы да су и други таки. Чивути Турски и Польски срдесе на Немачке Чивуте, и држе іи за Єретике, што ови свудъ наоколо подбріяваю браде. Што слепо не чини суєвѣріє! Жидъ ако ће найзгадніи бы-

ти, онъ, изъ суда изъ коєга Хрістянинъ єде и піє, неће ништа окусити. А зашто? Беда га зна-ла. А расколникъ сирома крепко вѣрує, докъ ко обріє браду, сасвимъ изгуби образъ и подобіе божіе. И не сумня ни мало, да Богъ не седи на небу съ великомъ брадомъ. Ово я овде не споминѣмъ само за шалу, нипошто! Но радъ самъ да се людма починю давати разумнія понятія о непостижимомъ божеству, да не приписую неразумно, неописаному Существу человѣческо подобіе тѣлесно. Има маймуна у Африки, кои су млого већи одъ човека, управъ на две ноге ходе и браду имаю, словомъ, по тѣлу подобни су човеку, осимъ разума и словесности. Ако ли оћемо да што у човеку нађемо по образу и по подобію божію, то не валя тражити у тѣлу, коє онъ подобно има съ неки маймуны, но у разумной словесной души, способной мудрости, правди и божественой добродѣтельи; коя преимущества никакавъ орангхутангъ (сирѣчъ африканскій маймунъ) нейма. Ову разумну словесность узми одъ човека, онъ већь ніе словесный човекъ, но безсловесна животиня. Лифландски селяни, ако су и луторани, изъ обычая носе браду; ако га упыташь, зашто? а онъ каже право: волимсе напити ракіе за оно што бы дао за бріянѣ; а нашъ Ерделянъ вели: о ласъ яка коля къ нумъ фаче нимикъ. Ово пролази, єръ има некій разлогъ. Али Турчинъ, кадъ оће да му се све вѣрує што каже, зато што онъ носи браду, ту намъ не торна конатъ. Плутархъ имао є прекрасну браду (право валя казати, има и брада весма лепы) но онъ врло виче и изобличава неке лажльиве філософе свога времена, што се за саму велику браду издаю за то што нису. Лепо є слушати моєга доброга пріятеля Софополитскога Епіскопа,

кадъ га ко запыта, єли нужно Епіскопомъ имати браду? одговара: давнашньій є обычай, зато є морамо носити; я себе чувствуємъ, да бы безъ браде могао быти Епіскопъ како годъ и съ ньомъ, но садъ, за нѣнъ атаръ я не остави мою епархію. Некде садъ чуємо Дисидемоскаго Владику, кои већу часть памети у брады држи, како онъ резонира: Брада є честна и света вещь, коя чини човека іошть толико честнымъ и преподобнымъ. Света, велимъ! и доказа ћу: Пророцы, Христосъ и Апостоли сви су браде носили; сме ли ко противъ Христа и Апостола што рећи? Та не сме господине, помагай! Али Анна и Каіафа и Иродъ и Юда и они су браде имали, пакъ зато нису ни длаке больи были; онда є то у Жидова общій обычай быо, како годъ и данасъ, А да што ће мо садъ? да обріємо браде? Не; нека оне стоє съ миромъ онде гди су іошть у обычаю, но валя казати већъ єдномъ людма, да съ брадомъ или безъ браде быти, то не придодає човеку најмањ мрве ни памети ни науке ни добродѣтельи, слѣдователно, нити честности ни достоинства. Ето ти намъ наше лисице, коя, сама безъ репа, оће да и друге, своє одрежу! Може и то гди быти, но овде башъ ніє тай догађай. Ибо лисицы одрезати репъ, толико чини, колико човеку носъ, єдно и друго ужасно боли. А натура є у тому премудрый учитель. Оно, што она ніе учинила да се реже, не може се одрезати безъ люте болѣтиде, а оно за што она не мари ил' се резало или не, него одъ самога обычая завыси, оно се реже пакъ и не осећашъ, како све власи на тѣлу и нокти.

23.

ЛИСИЦА И ДРВЕНА ГЛАВА.

Лисица уђе у дућанъ древосѣчца, и нађе ту између осталы вещій и єдну дрвену главу, весма майсторски садѣлану, кою є позадуго гледала и тамо амо преметала; но не чуюћи одъ нѣ никакве речи, тури є говорећи: о чудне главе безъ мозка!

Наравоученіє.

Ово приличествує онима, кои све своє достоинство у внѣшномъ украшенію полажу. Ово говорећи, не похуждавасе, свакога по нѣговомъ чину и состоянію, пристойно одѣяніє и украшеніє. Безъ нужде издрпате и измрляте альине носити, то є скупость или худость, достойна негодаванія и сгадности! Но само за внѣшнѣ украшеніє старатисе, велико нешто у тому полагати, и съ округлы мустаћи, или обрвама, или калпакомъ, или перукомъ или златоизвезенимъ альинама поноситисе, а о украшенію душе и памети, срца и нарава свои ни мало не марити, ту управъ принадлежи: о чудне главе безъ мозка!

24.

ЛИСИЦА И ГРОЖЂЕ.

Лисица видећи на єдной высокой лози грожђе, покушаваласе свакояко, како бы га дова-

тила; а кадъ види, да ни на кои начинъ не може до нѣга доћи, онда отиде говорећи: іоштъ є кисело, ништа не валя, трну одъ нѣга зуби. - - - Оно шта ко не може имати, некъ се чини као да неће, ако хоће да му ко не рече: мацъ!

25.

ЛИСИЦА И МАЙМУНЪ.

Четвороножна животиня сакуписе да избере себи поглавара, и одсуде, да ко се одъ ньій покаже найпаметніи и искусніи, ономе да даду началство. Онда маймунъ толико є своимъ игранћмъ, окретанћмъ и скаканћмъ све проче у удивлћніе привео, да сви єдинодушно реку, да є онъ достоянъ примити жезалъ правлћнія. Лисица є томе весма негодовала, но шта ће єдна прама толикима, онда ућути: а како негде упази парче меса у шкрипцу, доведе ту маймуна, и каже му да є она нашла то сокровище, но да га не сме узети, будући да по закону то владћтелю принадлежи. Имашъ право мудра лисицо, одговори, пакъ отрчи да га узме и уфатисе у желћзо. Играй садъ, рече му лисица, посмеяваюћи му се. Паметъ требує а не окретанћ, ономъ ко оће многима да влада и управля. Ове лисичине речи довольно доказую, што ова басна оће.

26.

ЛИСИЦА И КУПИНА.

Лисица прелазећи преко плота поклизне, и за не пасти уфати се за купину, раздере и окрвави све своє шапке о купинино трнѣ. Чемерна мы твоя помоћь! почне се тужити на купину, болѣ бы ми было, да самь пала него што самь одъ тебе помоћи искала! мени кукавной, како си ме осакатила! ко ти є кривъ? одговори купина. Ко ти се рече за ме фатати, и одъ мене помоћи искати? кадъ ты добро знашъ, како я помажемъ.

Наравоученіє.

Добро треба гледати, одъ кога ко помоћь ише и благодѣяніє чека. Овде лепо приличествує и она басна, коя каже, да є конь пре био свободанъ, пакъ се завади съ єленомъ о єдну ливаду, и за изагнати єлена зовне човека на помоћь, да себи метути узду и на се узяати: и тако истера єлена, али остане за вавекъ робъ човеку. Многи инатећисе за єдну стварь, айде у процесъ, пакъ се затру. Болѣ є кадшто и изгубити, него увредити добра пріятеля, и одъ добра комшіє учинити себи зложелателя. Коя полза съ срамотомъ што придобыти, и зло име заслужити? Тешка є стварь туђе благодѣяніє, али се не може иначе у обществу живити; мы другима валя да помажемо колико можемо, и у потреби одъ други помоћь да ишемо. Узаймio самь што кому, а онъ ми є вратio и заваліо, што оћу одъ нѣга выше? али бы я хотео, да

онъ по томъ све по моєй ћуди живи, и за мой атаръ да лаже? ако ли неће, а онъ є неблагодаранъ: нипошто! я самъ неправеданъ, кои одъ нѣга изискуємъ, што онъ не може или му не пристои. Данасъ самъ ти учиніо добро, а сутра си ми неблагодаранъ; но у такой вещи, гди правда и честь изискує да си ми неблагодаранъ. Поштенъ си човекъ, не бойсе! Ако ли те я неблагодарнымъ наричемъ, я самъ самъ зао и неправеданъ, слѣдователно н недостоянъ твоє благодарности. Зато опетъ повторавамъ, да добро валя гледати, одъ кога се помоћь и благодѣяніе ише. Преблаженъ оный човекъ, кои свакій данъ добро твори, само зато што себе предъ Богомъ дужна къ тому чувствує, не престає благодарећи вѣчному Творцу, што га є у состояніе положіо, да то може чинити; и наоди пребогато награжденіе у внутреннѣмъ своє совѣсти свидѣтелству, да є исполніо честна и боголюбива човека дужность.

27.

ЛИСИЦА И КРОКОДИЛЪ.

Лисица и крокодилъ почну се инатити о благородству. Крокодилъ стане казивати, какова су мужества нѣгови прадедови чинили, по тому доказуюћи, да є онъ найблагороднїи одъ свію животиня. Доста већь! одговори му лисица. И по кожи се познаєшъ, да си одъ старине.

Наравоученіє.

Валя знати, да є крокодилъ єдна страшна зверь, коя живи у води и на суву. По виду подобанъ є гуштеру, али є ужасно великъ. Неки су тридесетъ ногу дугачки. У Египту у рѣки Нилу има іи премного, и прождиру люде и другу животиню. Кожа му є скаредна видити, покривена съ дебелимъ люскама, и тако тврда, да ю є весма мучно пробити. Ова басна принадлежи онима, кои се одвећъ фале и поносе съ благородствомъ свои прародителя, а сами ни нашто нису способни. Похвална є вещь благородство у вредномъ, разумномъ и благонаравномъ младићу; а невалялу и строптивонаравну више на срамоту служи. Колико є ко више одъ отечества приміо и ужива, и колико више отмѣнности одъ нѣга изискує, толико му є више дужанъ служити, и нѣму на ползу живити. Ако ли ко оће да до подне спава, а до поноћи коєкакве бездѣлице и безчинія да твори, онъ нека зна да се є на срамоту свои благородны родителя родіо. Ништа ніє хуће и горе него благородна младића съ таковымъ мышленѣмъ изъ младости напоити, да се є онъ за лѣность и бездѣліє на светъ родіо. По обычаю, дава' ће му се титулъ: благородный„ но онъ кадъ га годъ чує, нека га слободно прима себи на обличеніє, ако нѣгове нарави и дѣла нису благородна. *Εὐγένεια ἐϛὶ ἀρετὴ βροτῶις.* Благородство єсть добродѣтель людма. И паки, *ἀνὴρ ἄριϛος ϰ᾽ ἂν εἴη δυσγενὴς,* Мужъ преизрядный никадъ ніє неблагороданъ. Зато благородни и имући у єдномъ обществу, колико више средства и удобности имаю, толико є већа ньіова дужность, добро и благородно воспитаніє своєй децы давати, коє се состои у науки, трудолюбію и

благонаравію, да имъ се не рече као крокодилу: по кожи се познаєшъ да си благороданъ.

28.

ЛИСИЦА И ЛАВЪ.

Лисица првый редъ сретши лава, тако се ужаснула, да малъ ніе мртва пала. Вторый кратъ устрашисе, но не тако као пре. А трећій разъ толико се ослободи, да приступи и съ ньимъ познанство учини.

Наравоученіе.

Различне ствари чине намъ се страшне, єръ ій не познаємо, коє по томъ чрезъ обхожденіе и познанство весма намъ обычне бываю. Врло є зао обычай плашити децу изъ малена, тако да потомъ у довольномъ возрасту боєсе свашта и укланяюсе одъ странны людій. Лажи, лукавства, и свакогъ неваляла посла, кои быва себи или другому на вредъ и штету, тога ій є потреба учити да се и сраме и боѕ. Но о овомъ смо и на другомъ мѣсту опоминяли, коє за довольно наодимъ.

29.

ЛИСИЦА И ВРАНЪ.

Вранъ нађе негде комать меса, и држаше га у клюну стоећи на древу. Лисица онюши

месо, притрчи подъ древо, и почне фалити врана говорећи: Милый Боже, красне птичице! лепа перя што имаде! Да іоштъ има какавъ гласъ, небы надъ ньомъ птице на свету было! Врану то ніе мило было, да га лисица при толикой нѣговой лепоти за мутава држи, отвори клюнъ, пакъ стане гаакати, падне месо доле, ограби га лисица и прождере, говорећи и посмеяваюћи му се: е мой врану! имашъ свашта, алъ памети неймашъ.

Наравоученіе.

Какви смо мы люди на овой нашой земльи! Айде да се право єданъ другомъ исповедимо, и да већь не таимо, да смо свакояки и чудновасти! како то? Ево овако, слушаймо само. Кадъ насъ ко превари, жао намъ є и тужимосе, а у исто време ништа толико не желимо, него да насъ други вараю. Пакъ ко намъ є вештъ, и ко насъ лепо уме варати, онако башъ како мы желимо преварени быти, то є нашъ човекъ! Кои уме живити и обходитисе съ людма, некъ ште само, даћемо му и кошулю съ леђа. Єсмо ли мы црни, а ради бы быти бели? може ли онъ само майсторски доказати, да смо мы и одъ лабуда бельи, то є пameть: и ако башъ нико то неће вѣровати, оћемо мы, єръ намъ є то драго; то є нами доста, онъ насъ вара, како мы зактевамо. Оћемо ли да намъ онъ много говори, и да насъ чини смеятисе? Нека трпа, некъ се чини будаломъ, некъ не штеди своє сродне и пріятелѣ, само за угодити нама, то мы оћемо. Позна ли онъ, да є нама мило говорити, а да онъ слуша? Нека ћути, нека насъ гледа зебленутъ, нека намъ се чуди, и кадкадъ некъ подвикне: Чуда люди!

ако се мы чему сміємо, (и ако ништа ніє смешно) изъ свега грла некъ се сміє. Рекосмо ли мы да што єсть, ако онъ и не зна шта є то, на ма' некъ повикне: како небы было? Чу ли онъ, да мы што нађосмо да ніє тако, ако онъ и савршено зна да є тако; некъ не губи времена, но нека виче: за главу то не може быти. Но онъ намъ се руга, тако нами похлѣбствующи, онъ насъ за будале држи и вара насъ; ништа зато, то мы и желимо. Ако ли бы нѣму пало на умъ, да онъ за любовь къ истини другояче поступа, да нами противослови, што мы утврждавамо да онъ одриче, и што мы велимо да ніє и да не може быти, да се онъ усуди рећи, да то єсть и да може быти: онъ ніє за насъ, онъ неће да насъ вара, некъ иде кудъ му драго. Ево браћо по вышой части какви смо, или изъ слабости или изъ незнаня, или изъ самолюбія, или што є найгоре изъ высокоумія, зашто она три прва даду се съ временомъ поправити, а ово последнѣ кадъ нами облада, неће већъ да насъ пусти. Да што ћемо садъ? добро, ако само хоћемо. Да почнемо сами себе одваравати *ἀκουσέον καὶ παρὰ τῶν ἐχθρῶν τὴν ἀλήθειαν καὶ διορθωτέον*, совѣтує Плутархъ. Да слушамо што и наши непріятельи о нами говоре; да се не срдимо, но ако у чемъ безъ пристрастія познамо, да они имаю право наше недостатке обличаваюћи, да се исправлямо. Великой души и одъ самога непріятеля истина є драга, а слабый умъ ни одъ пріятеля неће да є прими. Некъ престанемо сами себе варати, пакъ неће смети ни другій, или ако се усуди, а онъ неће моћи, пакъ ће се осрамотити. Не иштимо похвале пре него є заслужимо, и башъ кадъ є заслужимо, не иштимо є, сама ће доћи, ако смо є управъ заслужили. Ко є силомъ хоће, она одъ нѣга

бѣжи. И ово добро да упамтимо, што намъ годъ у другима ніе мило, одъ онога да се свагда чувамо. Ко себе много фали, ніе намъ нимало угоданъ; не фалимосе дакле. Ко оће самъ да говори, а другомъ не да или не слуша, досаданъ є другима. Мѣру дакле у говореню. Ко говори о другима зло предъ нами, и о нами ће предъ њима. Не говоримо дакле зло о другима, разве кадъ є зло явно познато, и кадъ може неповиннима повредити, онда свакъ честный човекъ мора зло за зло признати и противити му се, колико више може. И опетъ ово є лепо правило: што намъ у другима ніе мило, тога да се чувамо. Што у добримъ и паметнимъ людма похвалюємо, за тимъ да настоимо; што годъ видимо да просвештени народи творе на общу ползу, творимо и мы, колико можемо. Не чинимосе паметніи одъ свію, ово є знакъ варварства, и чуваймосе лисичіе похвале.

30.

ЛИСИЦА И ДРЕВОСѢЧАЦЪ.

Лисица бѣжући одъ ловаца, прибѣгне къ колиби древосѣчца, молећи га, да іой допусти сакритисе у колиби; овай дозволи. Алъ етоти стигну и ловцы, и упытаю га, ніе ли гди упазіо єдну лисицу туда да протрчи? овый речма одговори, да ніе ништа смотріо, но у исто време, покаже имъ прстомъ на колибу: ловцы се томе не досете у итости, и отрче далѣ. Лисица коя све то примѣти, како ви-

ди да се ловцы отдале, изиће, и пође на другу страну, ни фала ни съ Богомъ остай. Древосѣчацъ стане є укоравати за таку неблагодарность. Да ти є прстъ съ устма согласанъ быо, умела бы ти я благодарити; а тако ништа, него залуду ти добро, осрамотіо си се.

Наравоученіє.

Тако быва сваконе, ко не чини добро сасвимъ и како валя. Свакъ му вели: или куй илъ не мрчи. Самъ прави, пакъ самъ поквари: за луду му мука: чини као попъ Муждало; кадъ служи, поминѣ свога села ьоглаваре, а како изиће изъ цркве, и дође съ ньима у крчму, а онъ іи пыта: єсте ли чули, како я васъ споминѣмъ? Да васъ є анатема свіо што васъ є годъ! А старацъ ждеривукъ, мало кадъ коє неделѣ не зове комшіє на часть, само да іи се напсує. *Μή μ' ἔπεσι ϛεργε νὸον δ' ἔχε καὶ φρένας ἄλλη.* Немой се речма любити, а умъ и мысли на другу имати страну, вели старый Θеогнидъ. Но са свимъ тимъ, благодарность є лепа добродѣтель, и рађасе изъ благородна срца. Погрешке ближньи наши валя заборављати, єръ смо сви погрешкама подложни, а добро учинѣно, никада.

31.

ЛИСИЦА И ЯРАЦЪ.

Лисица и ярацъ жедни, сиђу у єданъ бунаръ пити. А кадъ се напію, онда ярацъ обзиру-

ћисе рече: што ћемо садъ? како ће се ово изићи? Е о томъ се ты старашъ! не брини се, одговори лисица: само ты слушай мене, пакъ се небой. Стани управъ подупревши преднѣ ноге къ зиду, сагни главу и наклони рогове спредъ. Ярацъ на све готовъ, учини што му се рече: онда лисица, попевши му се на леђа и рогове изскочи на полѣ, и скачући око бунара почне се ругати ярцу, и колико више овый виче и псуе, наричући є лукаву вѣроломницу, толико му се она више сміе говорећи: Мой ярче! да ты имашъ толико мозка колико браде, ты небы ни пошто сишао у бунаръ, пре него бы добро знао, како ћешь изићи.

Наравоученіе.

Σκόπει τὸ τέλος. Сматрай последакъ! Ово є премудрый совѣтъ. У две речи велику науку содержава. Немой ништа починяти ни предузимати пре него довольно не разсудишъ и добро не сазнашъ, какавъ ће чему последакъ быти. Последакъ, не само овога привременнога скоротекућега и краткога времена живота, но и саме безконечно простирућесе вѣчности. Не рецы ништа, чега се можешъ после застидити; не учини ништа, о чемъ се можешъ раскаявати. *Ῥίψας λόγον τὶς οὐκ ἀναιρεῖται πάλιν.* Бацы ли речь ко, не поврати є опетъ: да самъ знала, вели, небы се удала. И ко бы се томе надао? Ово се свакій данъ чує, а мало ко паметніи быва. Проклетъ часъ кадъ самъ то рекао! да самъ вратъ сломіо, кадъ самъ на тай путъ пошао! Ево како млоге чуємо да говоре! А зашто? само зато, што сами нису кадри были разсудити, а паметніе одъ себе нитъ

су хотели пытати ни слушати. Упамтимо дакле мудрога Іисуса Сираха речи: Помышляй последняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши. Ове стихе упамтіо самъ изъ детиньства одъ некудъ, лепи су, нека іи придодамъ овде; Что либо дѣємъ зло или благо, многоцѣнно ли или зѣло драго; вся дѣла наша, добра и лукава, всѣмъ будутъ явна, не молчитъ бо слава.

32.

ЛИСИЦА ЛАКОМА.

Лисица упази у колиби чобанской сиръ, млеко и месо, провучесе крозъ тесно оканце и тако се наждере, да после съ пунымъ трбуомъ нипошто не могаше извуѣисе. Яо ньой и помагай! што ѣе садъ; види є друга лисица, и совѣту є іой, да чека ту докъ іой спадне трбу. Да, ако доѣоше пастири са пси? - - - Яо! Ако они доѣу, знашъ што ѣе ти быти! што ме пыташь? И ова є басна подобна предидуѣей, но при тому приписує се и ономъ, кои се на туѣе лакоми.

33.

ДВА ПСА.

Єданъ човекъ имао два пса, єдноѓа одъ ньи научи ловити, а другога пренебреже дома.

А кадъ бы было до єла, єднако бы давао обоима єсти. Онда ловацъ почне укоравати и жалитисе на другога пса говорећи: то є башъ наопако! Я се мучимъ и ловимъ, а ты смрдишъ дома, а кадъ дође до єла, онда та мени та теби! Мучи брате, одговори му другій пасъ, не говори само у вѣтаръ! я томе ни мало нисамь кривъ, него нашъ господаръ, кои ме ніє научіо трудитисе, него съ туђимъ трудомъ ранитисе.

Наравоученіє.

Ликургъ Лакедемонскій законодавацъ, хотећи своимъ грађаномъ да да познати, какову силу воспитаніє има, не само надъ людма но и надъ скотовы, узме два кучета одъ єдне феле заєдно одъ єдне кучке окођена: пакъ єдно научи ловити зецове, а друго ништа него ждерати и лежати. Сазове єдномъ све граждане у єдну велику салу, гди да поставити чанакъ меса и пустити єдногъ зеца: заповеди пустити и два речена пса у салу, онда ловацъ полети за зецомъ и не обзирућисе на месо, а другій склопи намъ се надъ чанакъ, не марећи да є ту хіляду зецова. Видите браћо моя, два пса єднога рода и заєдно окођена, но какову различность међу ньима воспитаніє узрокує! Не учимо дакле децу нашу изъ малена мекости, сластолюбію и лѣности, но мужеству, воздержанію и трудолюбію. Свему є свету познато, какви су люди Лакедемоняни были, докъ су међу ньима Ликургови закони цветали. Совѣтує єданъ премудрый Инглезъ (лордъ Чистерфилдъ) свогъ деветогодишнѣга сына говорећи: чини ты све што я оћу, докъ ти буде осамнаестъ година, а по томъ за свагда я

ти се обещавамъ, да ћу чинити све што ты будешъ хотео. Младићь кои се паметно влада до осамнаєстъ година, после тога све ће болыій и паметніи быти; а кои се дотле размази и поквари, чудо велико ако се и када поболша, раз ве ако є одвећь одъ природе добра срца. Ю ность (вели премудрый Халлеръ у своєму Ал берту) дає се ласно савіяти, кудъ є мудро воспитаніє управля, нћйзина іоште чиста душа прима, съ подобною готовостію, любовь къ добродѣтельи и къ истини; *καὶ πάνυ ἀγαθὴ γὴ ἀμελληθεῖσα χερσέυεται,* и весма блага земля пренебрежена дивячи, говори Плутархъ. Мужественни и храбри народи безъ воспитанія и науке шта су? шта ли бы могли быти? Али ко ће ово єдномъ народу или обштеству дати? Нико него ныови управителыи и поглавари. А кадъ ће они то дати? онда кадъ сами буду учени, разумни, отечеству прави доброжелателыи, и не само речма но дѣломъ благодѣтелыи и вѣрни служителыи .А докъ они такови не буду, шта ће быти? Све овакове речи и наравоученія бы ће у вѣтаръ.

34.

П С И.

Гладни пси упазе у рѣки коже, одъ табакџія ту метнуте да се киселе; ради быяу єсти іи, но не могући за дубльину воде къ ньима приступити, договоресе да пре испію воду, а по томъ да изеду коже; и тако пукну піюћи пре

него до кожа дођу. Stultum consilium non modo effectu caret, sed ad perniciem quoque mortales devocat. Будаластый совѣтъ не само дѣйствія лишавасе, но и у погибелъ люде привлачи.

35.

ПАСЪ И КУРЯКЪ.

Пасъ спаваше у єдну летню ноћь предъ авліомъ; дође курякъ и хоћяше га изести: а овый му почне говорити, да садъ у нѣга не дира, єръ є одвећь мршавъ, каже му да ће сутра свадба быти у кући, даће се онъ тако наранити, да ће одебляти: дођи, рече му, после четири дана, пакъ ћешь баремъ имати шта изести. Курякъ вѣрує и оде, а кадъ у речено време дође, нема пса на полю, зове га овый крозъ прошће, опоминюћи га о уговору. Кадъ ме другій путъ наћешъ предъ авліомъ, одговори му пасъ, не чекай свадбе. Одъ напасти и зла валя да човекъ гледа, како може, да се избави и курталише.

36.

ПАСЪ КАСАПСКІЙ И КУРЯКЪ.

Псу касапскомъ досадисе све у єдномъ месту живити; зажели му се и далѣ кудъ по-

ћи, и видити што се и по осталомъ широкомъ свету ради. Украдесе єдно вече одъ куће, стане путовати, и дође ноћу у єдну велику шуму. У призорю сретне га єданъ мршавъ курякъ: да удари на нѣга; не сме видећи га велика и здрава, намысли дакле съ њимъ познанство учинити, поздрави га и упыта, далеко ли є наканћнъ? Овый му каже своє намѣреніе. Е мой брайко! одговори му курякъ, нико выше не путуе одъ мене, пакъ ме видишъ какавъ самъ ти; нудеръ послушай ты моє речи, я ти задаємъ мою курячку вѣру, да по свету одити, то є истомъ дангубица. Нема ти болѣгъ света, одъ онога, гди є коме пунъ трбу. Да ты оћешъ мене упутити, гди я могу тако одеблѣти као ты, тамо бы я ишао. Увѣрисе пасъ, и толико выше, што му се почело было већь и гладнити, и одговори куряку: добро, кадъ є тако, а ты айде самномъ, я ћу ти наћи господара у нашемъ селу, кои ће те добро ранити, само да му у ноћи одъ лупежа кућу чувашъ. Нико му є одъ мене неће болѣ чувати, одговори курякъ, и тако пођу. При освитку упази курякъ, да є псу огулѣнъ вратъ, пыта га, шта то значи? - - Ништа, не пытай. - - Та кажи истомъ нека знамъ, свашто є добро знати. - - - Преко данъ вежу ме ланцемъ за вратъ, а обноћь пуштаю ме слободна. Шта то рече яћанъ? ланцемъ за вратъ? Дакле на часть ти твоя господска рана, я се томе нисамь научіо.

Наравоученіе.

Ко бы радъ у єдномъ обществу што добро уживати, потреба му є и своє дужности прилѣ-

жно и вѣрно исполнявати. Човекъ ніє као курякъ за самоћу одъ Бога сотворенъ. Єдна рука безъ друге зло стои, а безъ прстію обадве іошть горе. Благополучіє общества состоисе у єдинодушномъ свакога свои дужностій исполнѣнію; и колико ко выше одъ обштества прима и ужива, толико су веће и важніє нѣгове дужности. Курякъ бы хотео да га другій рани, нѣгова курячка паметь дотле достиже, да є добра стварь пунъ трбу, али му ланацъ ніє по ћуди. О туђой муки умети живити, то є врло ласно, нити изискує млого памети и науке. Кажу Філипу Македонскому цару, да се наоди єданъ човекъ, кои єде за шесторицу. А може ли онъ и радити за шесторицу? упыта царъ, а кадъ чує да онъ ради за єднога; наполѣ изъ царства, нієдну вѣру, и ако се игди опетъ появи, да ћу га обесити, такови бы люди упропастили землю. Ніє лудъ кои три погаче изеде, него онай кои му ін да. Давно се чита у цркви, коме се даде много, млого ће се и искати одъ нѣга. Алъ се є то до садъ разумѣвало, да ће се само на другомъ свету искати, пакъ су се млоги при томъ есапу добро наодили; ћутећи мыслили су у себи, некъ є нами добро овде, а одонудъ се іоште нико ніє дошао тужити да му є зло. Но и томе се већь люди домыслише, пакъ починю башъ и овде изискивати млого одъ онога, коме се даєє млого. Ко оће да га зову светый, или некъ є правый светацъ или некъ не мути. Ко носи пречестно отеческо ИМЕ на себи, нека показує любовь и попеченіє отеческо о чадамъ своимъ. Кадъ се за малу плаћу пристойна изискуе служба, за велику праведно є изискивати велику. Ово напоминѣмъ юности нашей, навластито оной, коя се воспитава на службу обштества, буди црковну

или гражданску, некъ се израна починѣ упознавати съ дужностима своима, кое свакому честному човеку и правому патріоту мораю быти нерушиме и свете: и нека не мысли као некій свештеникъ съ Граова у Босни; кога су пытали, зашто Апостолъ Павелъ вели: ко жели Епископства, добро дѣло жели? А онъ одговори: како ніе добро дѣло, кадъ яше на ату, како истый паша?

37.

ПАСЪ И НѢГОВА СѢНЬ.

Пасъ носећи парче меса пролазаше покрай єдне рѣке, упази у рѣцы сѣнь свою и помысли, да є то другій пасъ съ месомъ, учиниму се оный комать млого већій, залетисе да га ограби, упусти свой комать, те му га однесе вода, пакъ остане чудећисе како у єданъ ма оба комата пропадоше.

Наравоученіе.

Non si vede quel che si possiede, per che si mira quel che si brama. Невидисе оно што се има, зашто се гледа оно што се жели. Мудра натура учинила є човека да съ малымъ може быти задоволянъ; и ко є паметанъ, да у овомъ єстеству слѣдує, може ласно благополучанъ быти. А лакомство принуждава све то выше желити, и привлачи люде къ неправди и къ несрећи. О да ми є іошть то! іошть оно! Пакъ овомъ: о да ми є! нейма ни края ни конца. По-

добно є врућичини, у коєй колико выше ко піє, толико му се већма распалює жеђа. Поштено стећи и паметно уживати: себи, и другима добро творити, ово є добродѣтель. Болѣ є и туђину моћи дати, неголи и одъ свога изгледати и просити; ово є такова истина, да іой нико не може противословити. Но на туђе лакомитисе, богатіимъ завидити, съ неправдомъ добывати, одъ себе и одъ свои безъ нужде штедити, и у свагдашнѣмъ безпокойству живити, ово є злоба коя се овде похуждава, и ово се зове сребролюбіє, коє може быти у малому како годъ и у многому, у сиромау како и у богату.

38.

ПАСЪ, ЛАВЪ И ЛИСИЦА.

Ловскій пасъ види изъ далека лава, и потрчи за ньимъ, лавъ се окрене, стане пакъ рикне, пасъ се уплаши и побѣгне натрагъ. Лисица то видећи рече псу, посмеяваюћи му се: Е луда главо, лава ли се ты усуђуєшь гонити, коєга ни самога гласа не можешъ поднети! Ко бы се надао да онъ тако риче, одговори осрамоћенъ пасъ. Ова насъ басна учи, да пре валя познати снагу наши противобораца, а по томъ изабрати способанъ начинъ, како ћемо се на ньи ополчити.

39.

МАГАРАЦЪ И НЂГОВЪ ГОСПОДАРЪ.

Магарацъ гледаше съ завидльивимъ очима, да нђговъ господаръ толико миловаше єдно своє мало пашче, мыслећи у себи: я се толико мучимъ воду и дрва носећи, пакъ єдва толико ми даю єсти, да одъ глади не погинемъ, а она погань мала са своимъ улагиванѣмъ толико добра ужива. Некдеръ се и я почнемъ улагивати, небы ли што болѣ было. Како упази єдномъ свога господара предъ кућомъ на столицы у ладу заспата, привучесе лагано, наслони му главу на раме кодъ уа, пакъ затегне колико му годъ грло може: Хиаа! Хиаа! тргне се овый, викне слуге, спопадну сви, кои мотку а кои айдамакъ, и измажу здраво нашега пояча. Кога къ чему природа ніє створила, нека се у оно не пача.

40.

МАГАРАЦЪ КОИ ПРОМЕНЮЄ ГОСПОДАРЕ.

Магарацъ служаше у єдногъ башчована, и видећи му се ту одвећь тешко, зажели променити госу. Овый га прода єдномъ циглару, гди непрестанно носећи землю и цигле, и неимаюћи такове зелени као при башчовану, іоштъ выше о промени почне молити.

Цигларъ га прода табакціи, при коєму носећи коже на воду, дома и на вашаръ, рекне самъ себи: садъ самь дошао онде гди ми надлежи! Овай прави коже, онъ ће и мою скоро начинити. Ко є принуђенъ служити, нека не меня често господаре. И комъ є добро на єдномъ мѣсту, нека га добро чува. Ко нейма друге вредности, него товаръ носити, нѣму є кодъ башчована найболѣ.

41.

МАГАРАЦЪ И КОНЬ ОФИЦИРСКІЙ.

Магарацъ гледаюћи официрскога коня, како га добро ране и служе, ублажаваше га; наричући га у добаръ часъ роћенымъ, будући да о маломъ труду толико добра уживаше. А себе са свимъ злосрећна вменяваше, ибо при толикомъ товареню и муцы, ни плеве до изобилія нема. Доће време на войску поћи, падне конь убієнъ: види га магарацъ гди лежи савъ у крви. О! о! рекне, зато ли тебе онако господски раняу! Я самь се дакле у добрый часъ родіо, а не ты.

Наравоученіе.

Врло разумно и справедльиво говори славный латинскій стихотворацъ Виргилій: o fortunatos nimium sua si bona norint agricolas! Срећни бы се землѣдѣлцы звали, своя добра кадъ бы познавали! А навластито кадъ живе подъ мудрымъ и закон-

нымъ правлѣнiемъ, гди се не боє насилiя и неправде; кадъ су разумни и прилѣжни домаћини, да имаю своє потребе. Єдно просто єло ньима є и слаће и здравiє, него богатимъ десетъ. Страсти, попеченiя, гордость, завистъ, ревность, славолюбiє, коє раздиру срца и душе велики фамилiя, ньима су са свимъ непознате ствари. Колико выше землѣдѣлацъ дѣце има, толико є богатiи. Єднымъ словомъ, ако є само трудолюбивъ, паметанъ и поштенъ, онъ є блаженъ човекъ на земльи.

42.

МАГАРАЦЪ, ВРАНА И ОВЧАРЪ.

Магарацъ съ ранѣнимъ леђма пасаше на ливади међу овцами, долети му врана на леђа и почне му клюцати рану. Магарацъ се стане бацати ногама, бѣжати по ливади и дречати: Овчаръ не могаше то гледати безъ великогъ смея. Курякъ одъ некуда на то сматраюћи рекне: О ядни мы куряцы, несрећни ли смо ти на свету! врана му єде живо магаре, а онъ се смеє, а насъ како одъ далека упази, стане га вика, као да се помами.

Наравоучєнiє.

Неке су ствари саме по себи тако смѣшне, да и невесео мора имъ се смеяти. Видити пiяна како се юначи, да управъ иде, а посрће, свакъ се томе смеє, но стару немоћну смеятисе што по-

срће, то є права лудость и знакъ зла срца. На клизавицы падне човекъ, препадне се, скочи на ноге, обзиресе гледаюћи, єсу ли га многи видли, и не само не срдисе ако се ко томе смеє, но и самъ се себи смеє како є пао и застидіосе: али кадъ ко падне и поквари ногу, илъ разбіє главу, ако ће и піянъ быти: ту већь ніє до смея, но до сожалћнія и помоћи. Грбаву, сакату и лишену ума смеятисе, то є знакъ худа и неваляла воспитанія. Шалитисе и просто смеяти, весма су различите вещи, одъ руганя и посмеяваня: прве произходе одъ добра и незлобива срца, а последнь изъ зла и пакосна. Съ плачущими плакати, то смо дужни человћчеству, а са смћющимся не свагда смеятисе, кадъ се они на зло другога смею. Оваковимъ Спаситель нашъ вели: Горе вамъ смћющимся. Беззлобный смеј знакъ є веселя. А ко є достойніи свагда веселымъ быти, одъ благонаравна и добросердечна човека? Златне и сладке речи! Веселися юносте въ юности твоєй, и ходи во всћхъ путехъ твоихъ безъ порока; онда управъ можешъ рећи: sine crimine lusi, безъ грћха самъ се играла.

43.

МАГАРАЦЪ ИДОЛА НОСЕЋЙ.

Магарацъ у данъ празника носаше у литіи идола, коєму савъ народъ кланяшесе као своме Богу. Магарацъ се помами одъ гордости, мыслећи да се то поштенћ нћму чини, пакъ почне скакати. Люди боєћисе да онъ

не сбаци ньіовога Бога; счепаю патарице и почну ти га и уздужъ и попреко, докъ позна, ко є, кога ли носи.

Наравоученіє.

Ко има велико достоинство на себи, не валя да себи дає онакове свободе, коє ни найнижњега реда людма не пристоє. Добаръ и паметанъ, на колико се већа достоинства возводи, толико болыій и паметніи быва, а злу и луду, подай му власть, пакъ ћешъ га онда управъ познати. Разумно наши стари веле: кадъ се цыганинъ оцари, обеси и своіъ оца. А Инглезъ вели: мени є мень клаимсъ онли ту шоо хисъ елеветедъ литлнесъ. Млоги се пенѣ, само да покаже свою узвишену маленость. И паки, епь исъ епь тѳо хи би инь силкь. Маймунъ є маймунъ, ако ће быти и у свили. У варварству и у глупости, сва велика господа страшна су и ужасна, а гди света мудрость и просвештеніє царствує, онде найвећа господа найбольи су люди. Кадъ Цесаръ по Аувартену хода, пакъ чуєшъ малену децу да говоре: овде да станемо, овуда ће ОНЪ проћи! Комъ се небы то мѣсто Рай земныи чиніо?

44.

МАГАРАЦЪ У ЛАВОВОЙ КОЖИ.

Магарцу се досади товаръ носити, нађе негде лавову кожу, замотасе у ню, и пође плашити све што предъ њега изиће; узнемири и

растера сву питому животиню по полю. Скоче люди на оружіє, пакъ изиђу да виде, коя є то беда! кожа лавова! али гласъ магарећій! А кадъ упазе и уши, онда се досете лукавству, оставе оружіе, а попадну коце и лесковце, обколе магарца, скину му лавову кожу, пакъ га науче памети.

Наравоучѐніе.

Сада да се ко попне на амвонъ, и да почне мирне и поштене люде проклетству и анатеми предавати, ако бы видли да му є мозакъ покваренъ, бы га метнули у оситалъ: ако ли бы пакъ познали, да се онъ у некакве коже облачи, да плаши и узнемирує люде, бы га другоячіе научили памети. Одъ превелике су ползе народу паметни, учени и добродѣтелни свештеницы, сматраюћи іи, како мудре совѣтнике, учителѣ и наставнике общества. Зато о воспитанію и науцы на то опредѣлены младића велико попеченіе треба имати. Ужасъ напада на човека, читаюћи Історію, и видећи коликій є немиръ и вражда међу люде уведена, неповинна и праведна крвь проливена, царства и кралѣвства пропала и одъ варвара опустошена была. На место небесне слоге и любови адска вражда, мрзость и гонѣніе међу люде уселилесе, изъ узрока немирны на амвону глава. Оће великій царъ Петаръ первый да просвети и укорени царство своє, а Патріархъ му не да. Виче и у име Божіе заповѣда, да се наука не уводи. Неученъ не може науку трпити, єръ зна да како наука дође, сва власть коя є на суєвѣрію основана и утврђена, да ће пропасти. Бѣжи стрмоглавъ предъ сунцемъ помрчина. Науку дакле свештенству! Кадъ они

буду учени и добродѣтельни, савъ ће народъ добаръ быти, и онда ће се испунити Спасителѣво пророчество: Бы ће єдно стадо сви люди, и єданъ Пастиръ Богъ.

45.

МАГАРАЦЪ, ПЕТАО И ЛАВЪ.

Магарацъ пасаше съ петломъ у дружству, кадъ ето ти одъ некудъ лава. Петао по случаю кукурикне, на лава одъ природе ужасъ напада, кадъ чує петла да пое, ужаснесе дакле и почне бѣжати. Магарацъ помысли да лавъ одъ нѣга бѣжи, пустисе за ньимъ и удалисе одъ петла. Онда лавъ скочи на нѣга, и да му познати, ко є лавъ ко ли магарацъ.

Наравоученіе.

Онда се ко найвећма осрамоти, кадъ себе заборави. Лавъ одъ природе боисе петлова пояня, не стидисе одъ тога и бѣжати. Разуманъ човекъ кадъ види, да єдномъ разговору или послу ніе вештъ, а онъ слуша и сматра што други говоре и чине, и свагда се ползує. А неразуманъ и неразсуданъ то не може. Кажу за некаква ћака самоука, да га нико ніе могао надговорити. То се ласно може вѣровати, єръ ко ће луда надговорити. Рекли су єдномъ философу при пићу, што ћути? Рећи ће, да ништа не зна. Башъ сте погодили! одговори овый, при пићу ко найманѣ зна, найвыше говори. Смы-

сленъ се стиди пачати се у то, чему ніє вештъ: а несмыслену се велика срамота чини, ако онъ свуда свой носъ не увуче. Апелесъ, славный живописацъ, предлагао є народу своє иконе, и слушао бы мнѣніє многихъ о ньима; доѣе папуџія и каже му, да бы та папуча, на овый начинъ болѣ стаяла, послуша зографъ и поправи папучу, онда ти се онъ понесе, пакъ почне нешто и о ноги беседити: доста, отвеща му Апелесъ: Папуџіа некъ не иде далѣ одъ папуче. Мегавизосъ, Персійскій Астрапъ, доѣе къ Апелесу, ѣди овый изображаваше, слуге и оружіеносцы нѣгови блистау се у злату. Ученицы Апелесови сматраху на Господина са удивлѣніємъ, а кадъ овый почне разговаратисе о живопиству, о коєму ништа не знаѣаше, почну ученицы, хи хи хи. Не говори выше о томъ, пришапѣе му майсторъ, єръ видишь, да ти се деца смею, а да знашъ како говоришъ, и самъ бы се себи смеяо.

46.

МАГАРАЏЪ И ЖАБЕ.

Магараџъ преносеѣи товаръ дрва преко баре, упадне у блато, уздисаше и мучашесе, да се извуче: онда жабе почну му се ругати говореѣи: видишъ да си рѣа! А да стоишъ овде свагда као мы, што бы онда чиніо? Мучите будале, одговори магараџъ, заръ мыслите, ѣди є вами мѣсто, да ту свакомъ мора быти.

Наравоученіе.

Ніе се нимало чудити, што нису сви люди єднога начина живота. Наипаче у овоме се види премудро расположеніе человѣческога рода, да се за различна званія люди способни наоде, и свакояка склонѣнія имаю. Ко ніе ковачъ, чудисе како ковачи у лето на великой врућини у ковачницы по ваздань лупаю. А они се томе ни мало не чуде, и да то тако быва, то є велико добро за общество. Кадъ ми коминџія чисти коминъ у ютру, и у нѣму пѣва, радо га слушамъ и видимъ онако црна и чађава, и драговољно дамъ му на напитакъ, размышляваюћи да є онъ весма потребанъ у обществу. Ово, и овому подобно свакій разсуждаваюћи, другољобно гледа на найнижнѣга художества и рукодѣлія люде, и почитуе іи, кадъ они поштено живе и своимъ праведнымъ трудомъ свой хлебъ заслужую.

47.

КОНЬ И МАГАРЕ.

Конь и магаре путоваху заєдно: Бѣдно магаре преко мѣре натоварено, почне подъ бременомъ изнемогавати, моли коня да му помогне и понесе неку часть бремена, єръ иначе онъ є готовъ изданути. Конь гордельивъ, неће ништа да зна ни да чуе; докъ магаре са свимъ не ослаби и падне мртво; онда нѣговъ господаръ натовари на коня не само све бреме, него и магарчеву кожу. Садъ овый по-

зна но безъ времена и ползе, да бы за нѣга млого болѣ было, да є послушао магаре и да му є помогао.

Наравоученіє.

Праведанъ мужъ штеди душе скотова свои, говори Пророкъ. Ко бы радъ да га скотъ служи, а неће да носи о нѣму могуће попеченіє, безсловесніи є одъ скота. Ону исту животиню кою колѣмо за рану нашу, валя є клати колико се брже и лакше може, да се за дуго не мучи. Ко є немилостивъ къ скоту, немилостивъ ће быти и къ човеку, само ако му се власть надъ ньимъ да. А кадъ човекъ има неке дужности къ животиньи, колико выше мора имати къ себи подобномъ словесномъ створеню? Човекъ, кои зна да є маловременанъ на овой земльи, и кои има понятіє о Богу, о правди и о безсмертію душе, може ли какъ быти немилостивъ и немилосерданъ? Оно што у овой басни мрзимо у безсловесномъ коню, како намъ се мора чинити у разумномъ човеку?

48.

КОНЬ И КОНЮШАРЪ.

Коню конюшаръ зобь крађаше и продаваше, а на мѣсто тога чешаше га и праше на данъ по два путь. Ниткове! рече му конь, за луду ты мене толико тарешъ, и око мене лажешъ, кадъ ты мени мою обычну зобь не

даєшъ. Ово пристои онима, кои не исполняваю своє дужности, пакъ истомъ мысле съ лажи мажи другима очи да замажу. Честный и нѣжный човекъ стидисе и своє искати, а безобразный и παχύδερμος дебелокожный, и оно што є дужанъ, и што и може и мора дати, одлаже: сутра, по подне, мало по часъ, и тако све тера напредъ. Чини му се да се толико већма господи, колико му се више иште. Даръ и поклонъ кадъ си науміо учинити, не одлажи: bis bene facit, qui cito facit. Двапутъ добро чини, ко брзо чини.

49.

Є Л Е Н Ъ.

Єленъ дође на рѣку пити, и ту гледаюћи своє рогове, фаляше іи за величину и лепоту, а ноге чинећи му се одвећъ танке, весма похуђаваше. Кадъ ето ти упази ловце са пси; пустисе преко поля и остави іи далеко за собомъ: но улѣзши у густу шуму, ту му се заплету рогови, и тако га стигну и убію. Бѣдный я! издишући рекне, колико касно познаємъ, да су ми ноге одъ рогова много болѣ быле!

Н А Р А В О У Ч Е Н І Є.

Колико се варамо цѣнећи внѣшню тѣла лепоту, а душе и срца красоту, то єстъ, разумъ и благе нарави за ништа, или за мало држећи! Ово не-

разумно мнѣніє навластито женскому є полу штетно и погибелно; ибо оне по вышой части у лепоти сву цѣну свою и достоинство полажу. Да су млоге неразумне за лепоту свою одъ самы древнѣйши времена пропале и до данасъ страдаю, томе се ніє толико чудити. Али кадъ видимо многе премудре и добродѣтелне, да су безъ сваке своє кривице, за саму превелику красоту жалосный живота конацъ имале, као Лукреція, Виргинія! и Кама Галатска, и премноге друге, ово є права жалость! Лепота є безъ разума цветъ у блату. А кадъ ни жени не пристои у самой лепоти сву цѣну свою полагати, мужескомъ полу мора то быти са свимъ срамотно.

50.

ЄЛЕНЪ.

Єленъ ћоравъ, придомыслисе паасти покрай мора, здравымъ окомъ на суво окренутъ, одъ стране морске не боєћисе ништа. По случаю пролазећи туда рибари устреле га. Ай невѣрно море, рече издишући, башъ ты ли ме издаде, одъ кога самъ се я надао да ће ме сачувати! Никадъ нико не може знати, одъ куда га бѣда и напасть може наћи. Многократно избѣгнемо велика бѣдствованія, а онде гди мыслимо да смо у безопасности, изненада и напрасно нађе насъ неволя. Разумно є дакле свагда чуватисе.

51.

ЄЛЕНЪ И ВИНОГРАДЪ.

Єленъ бѣжећи одъ ловаца сакрієсе у зеленъ виноградъ. А кадъ проћу ловцы, онда онъ почне чупати лишће и єсти. Упазе ловцы гди се лоза нія, приступе, виде єлена и убію га. Праведно страдамъ! рекне овый савъ у крви, зашто врећамъ лозу, коя ме є сачувала? Никадъ никога не валя врећати, а найвыше оне, кои су намъ кадъ годъ добро учинили и любовь показали.

52.

ЄЛЕНЪ И ЄЛЕНЧЕ.

Єлена є пытало єленче: Бабо! како то быва; ты си много већій одъ пса, и гледай колики су ти рогови, пакъ зашто бѣжишь како чуєшь пса да лане? Пси су синко кавгаціє, отвѣща старый, а я одъ природе на кавгу мрзимъ, пакъ се волимъ укланяти. Срећанъ є човекъ такова сложенія, кои се ласно не разсрди, и кои може у време срдитости разсуждавати. Ко мрзи на кавгу и укланя се, избѣгава и избавлясе млогогъ зла и немира у животу.

53.

МАЧАКЪ ДИВЉИ И ПЕТАО.

Дивљи мачакъ уфати петла и каже му, да оће зато да га убіе, што онъ у ноћи виче и неда людма съ миромъ почивати. Моє є поянѣ людма у ноћи врло мило, одговори петао, єръ по нѣму познаю коє є доба ноћи, и комъ є потреба устає, а коме ніе, онъ спава спокойно. Вы сте петлови безъ свакога закона, имате выше жена него Турцы, и нимало не гледате на сродство ни пріятельство, вели му мачакъ. То є у нашемъ закону допуштено, одговори овый, и изъ тога се нашимъ домаћиномъ млога яя легу. Хо! не могу се я овде съ тобомъ ваздань инатити, єръ самь я гладанъ, каже му мачакъ, удави га и изе. Зао човекъ тражи узрокъ за учинити зло, а кадъ не може да нађе, а онъ и тако чини што є науміо.

54.

МАЧАКЪ И МИШЕВИ.

Мачакъ дође у єдну стару кућу, гди се наоћау млоги мишеви, почне ловити єдногъ по єдногъ. А кадъ виде мишеви таку напасть, договоресе да не слазе выше доле, но да одаю горе по гредама, гди мачакъ не може доћи. Онда се мачакъ учини мртавъ и пру-

жисе безъ движенія. Не превари, рекне му єданъ старый мишъ. Мѣшину одъ твоє коже да видимо, небы къ ньойзи приступили, некамо ли къ теби іоште неодерату! Кадъ єдномъ совршено познамо лукавство и злоћу неки людій, не валя имъ се выше увѣравати, башъ ако ћемо іи видити да се осуше одъ поста и покаянія, и што' но речь, да се живи посвете.

55.

ПЕТАО, ПАСЪ, И ЛИСИЦА.

Петао и пасъ великій путовали су скупа: омркну на полю, и нађу великій растъ шупаль; петао се попне на гране, а пасъ легне у шупльину за преноћити ту. У ноћи петао по своемъ обычаю запоє, лисица чує и притрчи ту. Но видећи га на высини, каже му да є она одъ старине имала велико пріятельство съ нѣговымъ родомъ, и да бы рада и съ ньимъ загрлитите и поцѣловати. Я самь томе врло радъ, дражайшая лисице, одговори петао. Но уђидеръ у шупльину и пробуди вратара мога. Уђе ова: хее, ко ту спава? викне. Скочи пасъ на ню, счепа є за грклянъ и учини конацъ пріятельству. Кадъ годе ко съ лукавымъ и злымъ има што распачавати, нека гледа да га замрси іоштъ съ кимъ, кои га є кадаръ научити памети. А докъ се ко види слабіи одъ свога противоборца, некъ се съ ньимъ не фата за перчинъ.

56.

ПЕТЛОВИ И ПРЕПЕЛИЦА.

Неко имаѣаше два петла, пакъ купи и препелицу припитомлѣну, и пусти ю међу ньи. Ови є почну клюцати и терати, кои съ єдне кои съ друге стране. Бѣдна препелица сакріє се негде и почне оплакивати злосчастіє своє, коє ю є довело туђу међу туђе, гди є не могу трпити. А кадъ мало почасъ упази и петлове, гди се почну дерати и тући, утѣшисе, говорећи: међеръ су ови зли и проклети, кои и сами себи очи ваде.

Нарвоученіе.

Некъ се не уздамо да ћемо и када мира и покоя съ онима моћи имати, кои између себе нису кадри у миру и слоги живити Ко ће се у оне люде поуздати, кои живе съ сродницы свои у мрзости, вражди, и неслоги. Кои се између себе не любе и не почитую, лудо се уздаю, да ће іи други или любити или почитовати. Зла є птица, коя своє гньиздо скврнави! Разуманъ и вреданъ човекъ, кадъ мысли гди међу странне да се намести, онъ найпре иште да сазна, како они люди међу собомъ живе? У цѣлой Албаніи нећешь учена човека наћи, зашто ту сва мудрость и достоинство у пушки и анџару стои. Землѣ прекрасне! люди здрави, храбри и природно хитри и остроумни; но коя полза, кадъ су имъ сва ова прекрасна дарованія єстества изъ детиньства на зло окренута и упућена? Тешко ту ономъ, ко є миранъ и добаръ! Свакій часъ,

мора свакій готовъ быти убити, ако ніє радъ убієнъ быти. Отети, упалити туђа села, разграбити, убивати, то су ньіови свагдашньи и наймудріи разговори. Мѣста великолѣпна, што' но речь, раю подобна, а у ньима люди дивіи зверови. Гди є найвећа свобода, ту є найгоре смущеніє, єръ є свобода безъ мудры закона и правлѣнія дивя и зверска. Варвари варваре и неучени неучене никадъ нису у добаръ поредакъ довели и поставили; оће се просвештенъ Владѣтель и силни Закони.

57.

ПЕТАО, ЛИСИЦА, И КОКОШКЕ.

У отсутствію петла, види лисица многе кокоши у єдной авліи, и не смеюћи ту на ньи ударити, каже имъ крозъ плотъ, да є миръ учинѣнъ, међу своимъ животиньомъ, и да се одъ садъ неимаю бояти кокоши лисица, да могу слободно по полю шетати. Радо и весело оне чую то, и пођу, кадъ ето ти петла, пыта іи далеко ли мысле, кажу му ове све што су чуле. Видишъ да сте луде, праве кокошке безъ мозка! Ко є икада до данасъ чуо, да ће лисица што добро казати кокошкама?

Наравоученіє.

Τῶν κακῶν καὶ πονηρῶν κακίϛαι εἰσὶν αἱ συμβουλαὶ злыхъ и лукавыхъ злѣйши, єсу совѣти: учени и разумни неће ми за педантичество (гордость о науки) примити, што овый совѣтъ често повторавамъ. Свимъ

намъ є познато, да у неке погрешке повседневно падамо, чрезъ ньи страдамо, и опетъ се одъ ный довольно не можемо сачувати. А то єсть: совѣтъ и увѣщаніе лукавы и користолюбивы людій. Много пута добрый човекъ и любезный пріятель може намъ изъ незнаня недобаръ совѣтъ дати, о овакомъ се овде не говори: нѣму ніе за зло примити; онъ нити є мысліо, нити є имао намѣреніе да насъ превари: но самъ у превари будући, съ найбольимъ своимъ срцемъ и намѣреніемъ морао насъ є преварити. Овде се говори за оне, кои за свою користь, за лукаву што зову політику, изъ злобе и лукавства, съ намѣреніемъ и са знанѣмъ даю намъ таке науке и совѣте, како ће насъ лакше, кудъ они оћею, за носъ вући. А да како ћемо ій познати? Имаймо само єстественный здравый разумъ, пакъ ћемо ій ласно сазнати. Разсудимо какви су люди, кои насъ совѣтую; єсу ли разумни, и єсу ли у животу своме показали такова дѣла, да любе ближнѣга свога како себе. И ако су такови, у добримъ смо рукама, увѣраваймосе имъ безъ сумнѣнія. Ако ли ій познаємо за двоструке, фалишне, корыстолюбиве, чуваймо ій се колико выше можемо. Ако ли пакъ не познаємо ни ньіову доброту ни злоћу, ни разумъ ни неразуміе, остає намъ да изслѣдимо ньіова намѣренія, и да се известимо, зашто намъ они такій совѣтъ даю а не другоячіи? здравый разумъ и проницателно разсужденіе, благородный є и прекрасный даръ Божіи, о коєму смо дужни докъ смо годь живи, старатисе у совершенство га доводити, и безъ нѣга нити мыслити што ни творити.

58.

ЖАБЕ, ПАНЬ, И "VДРА.

Жабе живяу у єдномъ риту, у непрестанномъ несогласію и междоусобной кавги, почну желити себи поглавара, кои бы ім у добаръ поредакъ поставіо, Падне по случаю єданъ велукій пань у ритъ; онда се оне уплаше, и стану за неко време мировати: но видећи по томъ, да се пань не миче, почну опетъ зло живити. Тада имъ се пошлѣ "Vдра, коя ім начне фатати и прождирати; одъ тога времена жабе мирую и до данасъ, и свако вече се совѣтую: но кадъ се годь совѣтую, све говоре а нієдна не слуша; много говоре а ништа не творе, и зато одъ ньіова совѣта ништа се добро не рађа.

Наравоученіе.

Жабе овде представляю такове народе, кои безъ науке и добры закона живе у смущенію. Пань значи лѣниве Поглаваре, кои леже као нечувствени, нити су кадри што добро учинити. "Vдра се приуподоблява мучителю, кои смири люде, али имъ самъ зло твори. Учи насъ ова басна дакле, да родъ человѣческій не може благополучанъ быти нити у безначалству и пустомъ самовольству, нити пакъ подъ владѣтелѣмъ лѣньивимъ, кои за своє поддане нити мари нитъ се стара; нити на конацъ, подъ мучителѣмъ кои ім само прождире. Оће се дакле Царъ! Но Царъ просвештенъ, трудолюбивъ, праведанъ, человѣколюбивый Отацъ, просветитель, и прему-

дрый законодавецъ народа свога. Счастльивъ народъ, коєму милостиво Небо таковога Владѣтеля пошлѣ! но тада є управъ счастльивъ и достоянъ имати га, кадъ га люби како Оца, радо слуша и повинує му се.

59.

ДВЕ ЖАБЕ.

Две жабе пребываху у єдной барицы, а кадъ имъ се ова у лето осуши, пођу далѣ тражити воду: нађу єданъ дубокъ бунаръ, онда млада жаба рекне старой: О прекрасне воде! айде да скочимо унутра. Можемо ласно скочити доле, одговори стара, али ако се и ова вода осуши, оћемо ли моћи на полѣ изскочити? Одавде свакъ себи може ласно наравоученіе вообразити, сиречъ: да ништа не починѣ пре него добро размысли и позна, како ће докончати.

60.

ДВЕ ЖАБЕ.

Две жабе обытаваху на близо у комшилуку, єдна при путу у плиткой, а друга подалѣ у дубокой бари. Ова често совѣтоваше ону другу, да се премѣсти къ ньойзи; предста-

вляюћи іой да є безбѣдніє за жабе у дубльой бари живити, и далѣ одъ пута, кудъ свакій не пролази. Ова іой одговори, да она и сама зна да є то тако, али за луду, кадъ се є тако привикла на томе мѣсту, да га нипошто промѣнити не може. То іоште говорећи, кадъ ето ти кола проћу туда, погазе є и сатру.

Наравоученіе.

Мы смо люди подобни птицама, коє се све у єднакимъ мрежама фатаю, и опетъ неће да се чуваю. Одъ исты погрешака одъ кои су не само наши стари страдали, но и мы, Богъ зна колико смо путій чрезъ ныій злопатили, и опѣтъ нећемо да іи се чувамо. Прасету одрежи репъ и уши у лубеница, некъ оно сутра само место нађе кудъ ће се провући, опетъ ћешъ га ты онде наћи. Но птичице и прасе безъ разума су, ніє имъ се чудити, али мы съ разумомъ будући, право бы было да смо много паметніи. Но НАУКА Є ЗЛА МУКА! и млого гора него ко мысли! Чему смо привыкли и што смо изъ детиньства научили, то и тако оћемо да буде и да остане, ако ће светъ пропасти и мы съ ньимъ. Video meliora proboque, deteriora sequor. Видимъ што є болѣ и припознаємъ, а за горымъ идемъ, вели бѣдна Медеа. Такову ужасну силу има надъ човекомъ наука и обычай. Мы се чудимо другима, што неће да се освесте, а они са своє стране не могу да се довольно начуде нами; а себи неће нико да се чуди. Како се гди састанемо, другима кукулѣ кроимо, свакоме ману наодимо и парчета коєкаква пришивамо, и што нѣму ніє ни на умъ пало, то смо мы кадри измыслити, а сами смо себи чисти и непорочни, колик' да смо данасъ одъ майке

рођени. А да кадъ смо таки, зашто се ово говори? За милу дечицу, и за непорочну и беззлобну юность! Свакій родитель природно жели и настои, да нѣгова мила чада и вреднія и боля и паметнія одъ нѣга буду. Ньима то не може завидити, ибо свето єстество то не да. Мы већь стари, сами себе не можемо тако ласно поболшати, како можемо нашу децу. Ова, коя іошть нису сасвимъ навикла ни злу ни добру, у найспособніємъ су времену, кадъ на зло, на лукавство, на неправду и на сваку будалаштину могу омрзнути, а свакоме добру привыкнути. Ако се изъ дѣтинства не отрую съ злы обычаи, него ако се упоє и напуне съ благонаравіємъ, съ любовію къ поштеню, къ истини и къ свакой благородной добродѣтельи; благо ньима! таки ће за свагда остати, и породъ ће іошть болый по себи оставити! А благо ће предъ Богомъ и онимъ родителѣмъ быти, кои се о томъ постараю и потруде, да ньови унуцы и унука унуцы больи, паметніи, слѣдовательно и благополучніи постану и буду. Ибо истинито и право благополучіє изъ просвештенія ума и добродѣтельи рађасе и произходи. Ево како мудрує сврхъ тога найпросвештеніи у Европи народъ: (некъ ми се дозволи ньовымъ єзикомъ казати) хи деать комюникетсъ труеь уиеь соксесъ мостъ би номбердъ емангъ дее ферсть бенифектерсъ аф менкайндъ. Оный кои спріобщава истину съ успѣхомъ, мора быти причислѣнъ међу прве благодѣтелѣ человѣческога рода. Блаженъ народъ, гди се ово мысли и вѣрує! Обычаваймо дакле юность на добро, одъ тога све завыси.

61.

М У А.

Муа упадне у лонацъ съ масномъ чорбомъ, ту се здраво нарани; хотећи по томъ да изиће, не може, єръ іой угрезну ноге, почне мати съ крилы, помочесе и крила; колико се већма она копрца да се извуче, све то већма види да тоне. Тада почне сама себи говорити: ала самь ядна несрећна на овомъ свету! Кадъ самь се найболѣ у животу наєла, напила, окупала и насладила, башъ ли онда морамъ погинути?

Наравоученіє.

Живо изображеніє сластолюбивы людій. Како имъ се мучно растати одъ свои сластій! Не споминю нимало оно што су уживали, но жале и туже за онымъ што оставляю. Кадъ помысле, шта га имъ є вина у подруму, пуне клете меда и масла и суве крметине, толикіи теоцы и ягањцы што іошть неизедени остаю! ко то живъ прегорети може? Они дукати! одъ кои, ни зрацы божієгъ сунца нису имъ већма очи просвештавали, ни срце услаждавали: а оне иляде раздате комъ у заямъ коме на интересъ! све ли то мора остати? О свету! така ли є на теби правица? Башъ ли онда морамъ скончатисе, кадъ найболѣ мога поживлѣти. Лекаре зовите! плаћайте некъ се по сви црква бденія и молитве творе; Богъ и Свецы за новце чудеса чине! што ћу на другій светъ, гди нити се єде ни піє. И тако одвећь сластима предатъ човекъ, радъ бы као Метусалъ

живити, само да се више наслади. Разуманъ се рани да живи, а безуманъ бы радъ живити, само да се рани и гои. Богатство аще течетъ, не прилагайте сердца. Блаженъ є само оный богатъ, кои обштеству добро твори, и после себе лепо име оставля. А безъ тога ево што му вели Евангеліє: Безумне, у ову ноћь ћею душу твою одъ тебе искати! а што си сабрао, кому будетъ? Оста ће децы? Сыну глупому не помощь богатства, аще не купитъ мудрости изрядства. Богата си сына оставіо, кадъ си га разумна и добра оставіо.

62.

ДВА МИША.

Мишъ грађанинъ пође на село, посетити другога миша свога пріятеля. Овый га радо дочека у єдной сенюшницы, изнесе му и предложи што годъ найболѣ има, ораа, лешњика, сувы дивячица, и комадићъ окорела сира, што є онъ за празникъ штедіо. Све є то грађанину ништа. Кани се, оће ли неће ли, нѣгови господски зуби нису томе научени, закуси што, алъ не може да прогута. Е мой убогій пріяче, (машући главомъ) почне селяиину говорити. То ли є ваша на селу рана! та оди брате у градъ, ако си радъ знати, шта є животъ. Овый готовъ, пођу, къ вечеру стигну. Уведе грађанинъ свога госта у подрумъ богата домаћина, гди онъ живляше; ту су шунке, сиръ пармезанъ, и свакояка печеня за ве-

черу оставлѣна. Чудисе селянинъ, и своимъ очима не верує. Кадъ ето ти домаћина съ лова, загрми авлія одъ лупе коня и лаяня паса, ужаснесе гостъ, бѣжи по буцацы, невештъ мѣсту, не зна гди ће се сакрити: єдва га утиши другій говорећи му: то є ништа, не бойсе! почну нешто окушати, кадъ етоти у подрумъ слуге, слушкинѣ, кадъ по печенѣ а кадъ по што друго; а мишеви свакій часъ бѣже стрмоглавице кудъ кои може. Почне сирома селянинъ заклињати граћанина, да га изведе изъ града говорећи му: Фала ти брате и аратосъ на господству, съ толикимъ немиромъ.

Наравоученіє.

Beatus ille qui procul negotiis, ut prisca gens mortalium, paterna rura bobus exercet suis. Блаженъ онай, кои далеко одъ метежа, на подобіє првогъ рода людій, оца свога ньиве съ свои оре воловы! Да є и ко другій на свету ово рекао, не бы му се тако вѣровало, како высокосладкопоющему Орацію. Онъ, любезникъ Августа Цесара, срце и душа МЕЦЕНЕ, Августова првога министра, онъ! кои да є хотео, могао є свагда съ Августомъ живити и соцарствовати, не само овако є говоріо, него овый истый живота начинъ за себе є избрао. Валя овде примѣтити, да често они кои нису богати, богате осуждаваю, како и ружне, наодећи лепшима одъ ньій коєкакве пороке о ньіовомъ се трошку смею; они кои нису у каквомъ званію и достоинству, съ великимъ проницателствомъ изтражую и наоде коє нибудъ у господи недостатке, да іи могу само съ єдне или съ друге стране понизити, и къ себи (ако є икако могуће) ближе привући. Зато добро пога-

ђа некій Италіанъ говорећи, non è bella che detesti una brutta. Нема лепе, коя мрзи на ружну; зашто свака завиди лепшой одъ себе. Но єданъ кои пише и жели поправити нарави людске, са свимъ валя да є чистъ одъ овога порока, кои се рађа изъ зависти. Зато надлежи добро знати, да богатство, власть и господство прекрасне су вещи, у ономъ паметномъ и добродѣтелномъ мужу, кои іи употреблява како на свою, тако и на свога отечества ползу. А у ономе се опорочаваю и осуђую, кои іи има само да се више мучи. А съ друге стране, оне селяне нашъ Орацій ублажава, кои су трудолюбиви и паметни, коихъ су чисте кућице у коима живе, и судови изъ кои се ране. Живити заєдно съ говечетомъ и съ крмчетомъ, съ кокошкама и съ паткама, ово є скотски а не људски. У свакомъ состоянію людій, потребно є разпознавати и разделявати разумна одъ неразумна, вредна и поштена селянина одъ ленштине и здрава читава безъ нужде просяка. Ко ово различіє ніє кадаръ учинити, онъ меша добро са злымъ, и превраћа єстества редъ, изъ чега се ништа добро не може родити. Ово расположеніє вещій свакоме є нуждно, а за найвише оному кои за многе пише. Тешко ономъ коме реку: врачу исцѣли себе, и учителю, научи найпре себе. Слепацъ слепца кадъ води, што ће имъ быти, може свакъ ласно погодити. Али валя и ученоме гдишто опростити. Єръ є самъ господинъ Богъ на Карару! вели Карамустаф'ага. И право има.

63.

МИШИЋЪ И МИШИЦА.

Мишићъ кадъ прирасти и почне изъ рупе нзтркивати, упази првый путъ у животу мачка. Пыта мишицу, каква є то стварь? не пытай мой синко! зла и опака! Зовесе мачакъ. Само то добро упамти, да кадъ га годъ видишь у кући, не излази изъ рупе, да те чудо не нађе. Мачакъ Мамо! Та и име му є страшно. А гледай га како съ миромъ стои, никоме се и невештъ не чини, само се лиже и глади. Не вѣруй му, велимъ ти, да ти злоютро не дође; и кадъ се онъ найневештіи чини, онда га се найвећма чувай! Лудый мишићъ неможе да мирує, извирує, провирує, радъ бы га болѣ видити: кадъ га види одъ яме окренута, промолисе, іоштъ малчицо ближе, да га болѣ видимъ; пâфъ мачакъ съ шапомъ. Ци! Ци! Циу! Ха Цию! вели му мати: нећешъ да слушашъ; сврбе те леђа, нашао си ко ће те чешати! Овако быва маленой децы, кадъ оца и матерь не слушаю.

64.

ЗМІЯ И ЗЕМЛѢДѢЛАЦЪ.

Змія живляше у єдной ями близу куће землѣдѣлца; овый изъ некаква суєвѣрія много-

кратъ могући не хотяше є убити. Нѣгово дете неотице згази на змію а она га уєде; врисне дете, счепа отацъ сикиру да утуче змію, но она брзо увучесе у рупу, само што іой човекъ одреже репъ. Умре дете и закопаю га предъ кућомъ. По довольномъ времену изнесе земледѣлацъ предъ зміино обиталище хлеба и соли, и почне звати змію дасе помире; но не знамъ чиняше ли то съ добрымъ или съ злымъ намѣреніємъ. А змія му одговори: Све є то залуду мой комшія! догодъ ты гледашъ гробъ сына твога, а я мой отсѣченъ репъ, правый миръ међу нами не може быти.

Наравоученіе.

Люди, кои єданъ другомъ велико зло учине, ако се кадъ и помире, опетъ некъ се єданъ другога чуваю. Ово є зміино мудрованѣ. И по несрећи и за люде служи, догоѣь су іоште неправедни: али кадъ бы хотели да одъ неправедны постану праведни, и одъ злы да буду добри, онда ова зміина политика небы за ньи была. Мы, како словесни и разумни, правду божію предъ очима имаюћи, у свачему здравый разумъ валя да слѣдуємо. Познаюћи да одъ вражде међу комшіяма, и одъ паметозлобія за прве обиде никакво се добро не раћа, него зло и несрећа и ньова и наша: а одъ блаженога мира, сладке любови и согласія, обще комшійско блаженство и благополучіе произлази. Зато све прежнѣ мрзости и обиде вѣчномъ заборавлѣню валя предати; а само о томе старатисе, и све штогодь можемо творити, како ћемо у напредакъ болѣ стаяти. Богъ преблагій дао намъ є словесный умъ и ра-

зумъ да се съ ньима на добро наше служимо, а не на зло и на несрећу. Свакъ поштенъ и паметанъ нека разсуди, єли право и разумно зато што су се наши стари за законъ мрзили, проклиняли и гонили, да и мы то творимо? зато што су они несрѣћни были, да и мы несрећни остаємо? ніє ли болѣ и паметніє, да ако смо хрістяни (како се наричемо), да єданпутъ послушамо Христа Спасителя? кои намъ вели: миръ мой даємъ вами! миръ мой оставлямъ вамъ! само по томе ћете єе познати да сте мои ученицы, ако любовь мою и миръ мой међу собомъ будете имали. Али вели тай и онай, то! и то! и то! браћо моя, лажима су кратке ноге; све што ніє паметно, оно є лудо, све што ніє одъ Бога, оно є одъ врага. Христосъ Спаситель нашъ ніє мрзіо ни на Іудеє ни на Самаряне, ни на Хананеє, ни на Римляне, и кадъ се моли, не молисе само за апостоле, но за све, говорећи небесноме ОЦУ: за све те молимъ, учини да сви познаду тебе истинаго Бога, и кога си ты послао Іисуса Христа. А на кога є мрзіо? На явне, лажльиве, лукаве лицемѣрнике, кои подъ видомъ благочестія и светинѣ куряцы су были и лисице и зміє ядовите; такови су га и убили, и ако бы опетъ дошао, опетъ бы га убили, ако бы само могли. Зато миръ и любовь! ко оће да є Хрістянинъ, ко ли пакъ неће, а онъ некъ се тако не зове, доста є лагао, некъ престане већь.

65

ЗМІЯ И СЕЛЯНИНЪ.

Змію у време зиме полусмрзнуту нађе селянинъ, и изъ некаквогъ старопреданнаго суєвѣрія сажали о ньой, унесе є у свой домъ, и положи є подъ топлу пећь. А кадъ се ова разгріє и размрзне, почне по кући мотатисе, звиждати и свой єдъ просипати. Селянинъ видећи такову погану наравь и неблагодарность, истера є опетъ на мразъ гди се она смрзне, и сконча свою єдовиту ћудь.

Наравоученіє.

Достойно возмездіє и награжденіє злоћудна и неблагодарна човека, кои благодѣяніє съ злодѣяніємъ возмеждава. Злоба, коя међу найгоры варвары гнусна є и мрзска; ако ће се како човекъ за какова нибудъ несрећна обстоятелства са свои пріятельи завадити и раздвоити: ништа манъ нека никада не смеће изпредъ очію времена любови и пріятельства. Света є речь наши стары: *μίσει ὡς φιλήσων.* Мрзи, као да ћешь опетъ любити. Ништа ніє способніє вражду угасити и мрзость, колико воспоминаніє прежнѣ любави. Но све є то всує, кадъ є срце одъ младости изштећено и отровано.

66.

ПАУНЪ И ЧАВКА.

Птице скупесе да изберу себи Поглавара; Паунъ почнесе ширити међу њима, хотећи да за красоту нѣгова перя, нѣга изберу за поглавара. Ты се ту всуе мучишъ и печишъ, одговори чавка; што ће нама твое перѣ помоћи, кадъ почнемо съ орломъ воєвати? најмудрієга, најслободнієга и најячега за владѣтеля валя избрати, а то є орао. Тако и учине. Учи ова басна, какове началнике треба имати.

67.

ЧАВКА И ОСТАЛЕ ПТИЦЕ.

Кадъ птице изберу орла за Цара, договоресе да се у уреченый данъ саберу, и да се свака одъ ньій коя є зашто покаже. Чавка стидећисе да се ту у своме природноме виду яви, скупи свакояка шарены птица перя, нашарасе съ њима и дође. Онда птице познавше нѣну майсторію, почне свака свое извлачити перѣ. Онда чавка остане чавка. Некъ се нико не издае за оно што ніе; некъ се не чини да зна оно што не зна, и да има оно што нейма. Чавка є најпоштенія, кадъ се показуе као чавка.

68.

ЧАВКА И ОРАО.

Чавка види орла гди слети на єдно ягнѣ, у-граби га и однесе. Онда и она залетисе на овна, замрси нокте у овнову вуну, пакъ не може да одлети. Уфати є овчаръ, изчупа іой крила, и да є децы да се съ ньомъ играю. Ево вамъ децо чавка, рече, коя оће да є боля и одъ орла. Онда є деца вежу концемъ за ногу, пакъ є ране и съ ньомъ се играю; а кадъ іой понарасту крила, украдесе и одлети съ концемъ на нози. Замотасе конацъ око гране, и тако остане висећи. Тада се почне она тужити на се говорећи: Ала самь са свимъ луда чавка; прво, што се упуштамъ у дѣло преко силе моє и снаге; а друго што не хотећи трпити децу, морамъ овде погинути. Явна є и ове басне наука. Не упуштатисе у шта ніє ко кадаръ, и за избегнути већега зла, подносити и трпити манѣ.

69.

МАЙМУНЪ И ДЕЛФИНЪ.

Кораблѣницы путуюћи по мору не далеко одъ Аѳине, имаћау са собомъ и маймуна; дигнесе такова силна бура, да се корабаль преврати и потопи. Морнари се спасу пливаюћи, а

маймунъ почне утопавати. За делфина кажу да є риба къ людма милосердна, и млогога одъ потоплѣнія избави. Видећи маймуна, и мыслећи да є човекъ , узме га на се, и понесе га къ брегу, упыта га пливаюћи, одакле є и ко є? Овый каже, да є изъ Аѳине, и рода племенита. Упыта га делфинъ, познає ли Пирей, (овако се зове пристанище Аѳинейско) маймунъ мыслећи да є то некакавъ човекъ: Како га я не бы знао? Онъ є мой роћакъ. Єли? роћакъ? Лажльива главо! Оћешь да се утопишъ, пакъ іоште лажешь? Айде, ниси за животъ! Сбацы га са себе, и тако ти намъ се ова благородна паралажа утопи и долаже.

Наравоученіе.

Лажь є такова злоба, да кадъ и небыва на штету и вредъ другога, ништа манѣ скаредна є, мрзка, и сасвимъ непристойна поштену и паметну човеку. Она има неко сродство съ шаломъ, ибо обычно шалећисе люди, не говоре оно што мысле: но неки изъ шале тако обикну лагати, да и безъ сваке шале лажу. Колико є истина благородна добродѣтель, толико є лажь худа и срамотна. А у крайнѣй нужди, (може ко рећи) што ћемо дѣлати? Крайня є нужда такова вещь, да се ньойзи ни правила не могу давати, ни закони приписивати. Честный и разумный мужъ уме нужду одъ нужде отличавати, нити сваку бездѣлицу за нужду прима. А разсудимо само, ако дозволимо да се за нужду може лагати, мораћемо допустити, да се и свако зло за нужду може учинити; пакъ онда, сь Богомъ съ овога света и правда и поштенѣ, и свака друга добро-

дѣтель. У време войне слагати и преварити непріятеля, и общега злотвора и лупежа, и кадъ се не може иначе съ лажомъ избавити неповинна и праведна, себе или другогъ кога, одъ зла и неправедна; мени се чини да овде и сама лажь изменява свою натуру. Овакови догађаи нити се често случаваю, нити я о ньима овде говоримъ. Єстественни, и грађански закони за овакова обстоятелства приписую намъ нуждна правила, по коима смо дужни владатисе. Овде є речь о лажама, коє бываю или изъ преизлишнѣга и неправеднога користолюбія, на вредъ, на штету и противу чести и добра имена други людій. Лажь коя быва изъ незнаня, може се рећи неповина. Али є (фала богу) мало таковы: єръ нико не може рећи: нисамъ знао да неваля украсти и другомъ зло желити. И исту истину говорити, съ намѣреніємъ учинити другоме пакость и зло, то значи истину злоупотребљавати, и добро на зло преокретати. Младу децу дакле валя чувати одъ свакога, и у шали и безъ шале лаганя, и съ злымъ и лукавымъ намѣреніємъ говореня, како годъ одъ єда и отрова. Ибо, ако се изъ детиньства томе науче, за живота се неће моћи одучити. А оваковый злый обичай правый є отровъ душе, срца и нарава.

70.

МАЗГА ОГОЄНА.

Мазгу, човекъ хотећи продати, раніо є съ ечмомъ, да се огоєна болѣ може продати.

Кадъ се ова добро упита и одебля, возгордисе и рече своме госи, да є за коня прода а не за мазгу; говорећи, да отацъ нѣйзинъ ніє быо магарацъ него атъ. Добро; у време вашара одведе є човекъ онде гди се добри коньи продаю: а кадъ є узяшу и почну є съ коньима утркивати, тада, и за дебльину и као мазга остане натрагъ. Боду мамузама, шибаю съ бичемъ: помагай! не выше! рекне ова задушиваюћисе, каже право, да є мазга, и коєгъ є рода.

Наравоученіє.

За права Бога се ко издає да є великога рода, кадъ онъ самъ не валя. Вреданъ човекъ, достоянъ и у свому отечеству заслуженъ, не само починѣ благородство своє, но и родителѣ своє облагораћава. Срамитисе своєга рода, то є права худость. Агаѳоклесъ, Сиракузскій краль, будући лончаревъ сынъ, но за велике заслуге отечеству учинѣне на таково достоинство возвышенъ, не само ніє се сраміо очина состоянія, но и свагда на трапезу свою међу златне судове и земляне заповедао є метати; и то є исто служило на већу славу нѣгове вредности. Єданъ Персійскій царъ идући у ловъ, дође по случаю у колибу некога пастира, види ту дете благообразно и остроумно, заиште га одъ оца. Добрый отацъ отпуштаюћи одъ себе сына свога, да му совѣтъ, да онъ добро чува кабаничицу и штапъ, съ коима є за овцами ходіо, и да никада не заборави шта є пре быо. Ово дете именемъ Алія, постане съ временомъ првый царскій везиръ. Овый имаћаше у двору своме, єдну собу, у коју никога не пушташе, но самъ свакій данъ по єдан-

путъ ту улазаше, и Богу се моляше. На велике люде често се и велика зависть диже. Нѣгови завистницы оклеветаю га и налажу на нѣга, да є онъ съ неправдомъ и грабежомъ собу єдну злата напуніо, у коју никада никога не пушта. Царъ, кои га иначе љубляше и почитоваше, и за найвѣрнієга къ себи држаше, поће да се самъ о томъ увѣри. Убѣди Везира, да му отвори свою тайну собу: овай принуђенъ отвори му є. Но шта ту види? Овчарску кабаничицу и жезалъ, и ћилимъ ту простретъ, на кому се онъ Богу моляше. Пунъ удивлѣнія Царъ и зачуђенъ, пыта га, шта то значи? Каже му овый совѣтъ родителя свога. Тада царъ загрли га къ прсима своима, и са сузамъ у очима љубећи га вопіяше: Алія! предрагій Алія! Ты си Божіи човекъ! Ты си столпъ царства мога!

71.

МРАВЪ.

Кажу да є у древнѣ време мравъ био човекъ землѣделацъ; кои не доволствуюћисе са своимъ трудомъ, лакомляшесе на туће, и гди што могаше краћаше. Прокуне га савъ народъ, и тако ти се претвори у мрава: Но всуе, видъ промени, а наравь злу не измѣни: ибо, и до данашнѣга дна мравъ туће жито краде и носи. И ова басница увѣщава насъ, да се чувамо изъ младости злы обыкновенія.

72.

ЧВРЧАКЪ И МРАВИ.

Чврчакъ доће у зимнѣ доба къ мравомъ, молећи іи да му узайме коє зрно жита, да се прерани и да одъ глади не погине. Пытаю га мрави: што си летосъ чиніо? свирао самъ, каже. Свирао си? А ты садъ играй, да те гладъ проће! Айде, теписе съ наши врата!

Наравоученіє.

Лѣность є смртный грѣхъ, изъ нѣ се рађаю многа зла, скудость, убожество, и несрећа изъ нѣ произходи. Смрди човекъ у лѣности, животъ му є истый на теготу. Лежи докле га ребра не заболу, и єдва чека да му данъ проће. Жени и човеку ружно є и срамотно безъ посла стаяти, ако су и колико имући. Ко годъ не мысли о добру, мора о злу мыслити, зашто є натура ума человеческа такова, да онъ свагда мора у чему нибудъ упражняватисе. Леньиваць се ніє родіо да живи, него да труне и да гніє іоште за живота. Ако се убогъ роди, просякомъ мысли скончатисе; нити є обществу, нити є своіой фамиліи, нити є себи на ползу. За такова наши Србльи обычаваю рећи: болѣ да є мртавъ него што є живъ, нашто му такій животъ? а Далматини веле: ни зашто ніє него за калуђере; єръ кодъ ныій просякъ и калуђеръ єдно значи. Кадъ су Аѳинейцы почели одъ добродѣтели свои стары одусталяти и лѣности предаватисе, онда є то было кадъ Тимонъ, видећи такове безпослене, каже имъ да є науміо у своієй авліи зидати; и єдно

велико гранато древо, што му є на путу, пресећи; дакле некъ не губе времена, него некъ иду поизвешатисе ту, зашто за тай посао нигде тако дрво неће наћи. Сунце и месецъ и сва божія створеня, чему насъ съ непрестанымъ и неуспаватымъ своимъ движеніємъ уче, него да се свагда упражнявамо? Комъ ніє нужно никакво рукодѣліє, занатъ и трговина, имаюћи съ чимъ живити, онъ да има, не сто, него хиляду година живити, има се о чемъ трудити, за просветити и къ већемъ совершенству умъ, срце и душу свою довести. Скотско є, кадъ се наєде, само лежати, ако га пуштаю, зашто онъ сирома съ умомъ и съ памећу нема никаква посла. Богатъ и благородный, кадъ позна праву цѣну и способность своє словесне и разумне душе, не сумня, да више посла у овомъ краткомъ животу имати може, него и каковъ трудолюбивый тежакъ, занатџія и трговацъ. Видећи мале пчелице, како намъ са своимъ трудолюбіємъ сладкій медъ сокровиществу ю, можемо ли мы пренебрегавати медъ и неумирающеє богатство словесне и безсмертне душе? зато децу и девойке, навластито кадъ су имући и благородны родителя, къ трудолюбію изъ млады ноктію треба приобычавати; а кадъ єдномъ обикну, онда ньіова принадлежећа упражненія не само неће имъ се трудна чинити, но забавна, пріятна и мила.

73.

СЛАВУЙ И ЯСТРЕБЪ.

Славуй пояше у пролеће, и увеселяваше свакога, кои га чуяше. Уфати га ястребъ, и оће да га изе. Немой ме убіяти! вели му славуй, видишъ како ме люди радо слушаю, и називлю ме сладкимъ пролетньимъ пѣвцемъ! Што є мени до пролећа, и до оны кои те слушаю! Мени є само о томъ старостъ, како ћу я мой трбу напунити.

Мудростъ, наука, слава и добродѣтетель, све є то онима за ништа, кои све блаженство траже и наоде у чанку и у бокалу. Докъ є ньима само пунъ трбу, свему се осталомъ они смею и ругаю.

74.

СЛАВУЙ, И КУКАВИЦА И МАГАРАЦЪ.

Славуй у пролеће по обычаю пояше; вели му кукавица: оћешь да се обкладимо, да я лепше одъ тебе пѣвамъ? Ако оћешь айде; али ко ће намъ быти судія? - - . Ено оный кои онде пасе, видишъ колике су му уши! одговори кукавица. Почну пояти, али што магарацъ зна, што є славуєво поянѣ; онъ каже да кукавица лепше кука. Изгуби славуй обкладу: но утѣши га Пастиръ говорећи: не сти-

дисе милый славую, за тебе є то веће поштенѣ, што се твоє поянѣ магарцемъ не допада.

Наравоученіє.

Ако ће не знамъ што ко творити, не може свакомъ угодити. *Οὐθ' ὁ θεὸς ὅθ' ὗων πέλει πάντας ανδάνει.* Ни Богъ, кадъ кишу дає, свимъ не угождава. Колико є людій, толико є ћудій. Кадъ бы сви люди были довольно и разумни и правдолюбиви, небы было међу ньима ни кавге ни несогласія, и много бы болѣ за све ньи было. Но не достає некомъ єдно, некомъ друго, а некомъ и обадва. Древни Египтяни изображавали су судію безъ очію, говорећи, да нѣму ніє потреба гледати на оне кои се суде, него само слушати што говоре. Но безъ сумнѣнія изискивали су да ньовъ судія човечіє уши мма, и здраво, проницателно разсужденіє, єръ иначе ништа имъ небы помогло, што є слепъ. Правда и миръ сретаюсе, любовь и истина любесе, вели псалмопѣвацъ. Предрага добримъ сердцамъ имена! кадъ ћете сву власть вашу надъ людма примити? кадъ нестане међу ньима варварства, и невѣжества и злобе. Ко незна, мора изъ незнаня тумарати коєкуда. А ко є злобанъ, за луду зна, кадъ га злоба ослеплява.

75.

СТАРАЦЪ И СМРТЬ.

Старацъ носаше бреме дрва; весма утрућенъ сбацы бреме говорећи: хе проклета смрти,

гди си, те не дођешъ, да ме узмешъ съ овогъ света, да се не мучимъ! кадъ етоти смрть стане предъ нѣга, онака ружна као што є пишу; па га пыта, што є зове? Та ништа, одговори сирома старацъ уплашенъ, да ниси дошла, воліо бы; алъ већь кадъ си овде, помози ми натоварити ово бреме на леђа, да идемъ брже кући, єръ ме чекаю.

Наравоученіе.

Никомъ ніє мило умрети, ако ће како бѣдно живити. Далматинцы знаду различне веселе преповѣдчице сврхъ ове матеріє. Кажу да єданъ старацъ спремисе да пређе преко планине Вучіяка, чуюћи да тамо негде има мѣсто, гди нієданъ старацъ не може живити. А кадъ чує да се на планини появіо страшанъ медведъ, а онъ ти бѣжи кући. А другоме се досади живлѣти, пакъ узме уже и пође у шуму да се обеси, пакъ тражи и тражи, и у цѣлой шуми не нађе како бы хотео дрво. А кадъ огладни, а онъ се врати у село; дайте челяди, виче, што ужинати, малъ не умре одъ глади! Проклете шуме! Ништа ти нейма да валя у овой нашой Далмаціи. Ни дрвета не може човекъ наћи, на комъ бы се лепо и люцки могао обесити! Іоштъ єдну пакъ нећу выше. Єданъ старацъ све бы говоріо, да бы ономъ добро платіо, ко бы му казао, како може умрети. Нађесе добаръ човекъ, кои му се обѣща казати и безъ плаће. Рече му да стане кодъ єдне међе; а онъ оде по далеко, узме пушку, пакъ почне на нѣга нишанити. А старацъ бѣжъ у међу, говорећи: та лудъ є са свимъ, бы ме уплѣяо на мѣсто! Довде є за шалу. - - - Нити смо съ нашомъ вольомъ дошли у овый животъ, ни-

ти пакъ валя да желимо изъ нѣга изићи, докъ насъ не позове онай, кои насъ є овде поставіо. А кадъ позове, онда илъ намъ се оће или неће, морамо путовати. Наша є сва дужность старатисе, да кадъ насъ позову, да смо готови поћи съ чистимъ одъ злобе срцемъ и совѣстію. Не знамо време и часъ, кадъ ће то быти, зато валя свакій данъ и часъ, да смо готови. Блажена душа, чиста и добродѣтелна, коєй свагда у ушима оне сладке и прерадостне речи звоне: СЕ ЖЕНИХЪ ГРЯДЕТЪ, ИЗИДИТЕ ВО СРѢТЕНІЄ ЄГО!

76.

ЯРАЦЪ, И БИКЪ И ЛАВЪ.

Бикъ упази изъ далека лава страовита, уплашисе, побегне и сакрієсе у туђу пояту. Домаћій ярацъ узме га терати, претећи му съ роговы. Бре мируй, добаръ ярче, вели му Бикъ, докъ само лавъ проће, нећу ти я пояте изести! Али ко ће маниту паметь дати? Све се залеће, кадъ страгъ, кадъ съ ребарке. Проће лавъ и удалисе: онда бикъ излазећи, лупи мимогредъ ярца, те се стане прометати по кошари, и стане га бекеке кее. Е! бекекечи садъ ту! рече му бикъ, не веля ли ти я, да мируєшъ докъ си читавъ?

Наравоученіе.

Неки новопогоспоћени, или ти слуге при великой господи, кадъ виде поштена и болѣга одъ

ный човека у бѣди и у утѣсненію, и они на нѣга наскачу. А кадъ Богъ да, те се време окрене другояче, онда имъ дође ярчева занонетка на главу. Разуманъ човекъ, колико га выше счастіе узвыщава, толико онъ быва сладконаравніи и човечніи. А худъ и высокоуманъ, како му се стане счастіе осміявати, са свимъ полуди, заврти му се мозакъ, нити га већь нѣгова кожа вмѣщава. Почне наскакивати на болѣ одъ себе, и тако остане смѣхъ и поруганіе последньимъ родовомъ. Разсмотримо съ вниманіемъ овый прекрасный характетъ благородна срца. Адріанъ кадъ постане Римскимъ Цесаромъ, упази єдногъ свога великогъ непріятеля, кои се укланяше испредъ нѣга. Нитъ ме се выше бой, рече му Адріанъ, нитъ сакривай одъ мене; я самъ већь Цесаръ! Іоштъ єдно подобно овомъ. Лудвикъ дванаєстый, будући іоште Ерцегъ Бургундскій, имаѣаше неке одъ господе велике непріятелѣ, кои му на свакій начинъ пакость дѣяху. А кадъ овый постане кралѣмъ, почну га совѣтовати неки, да се освети надъ свои злотворы. Онда онъ рекне ове вѣчне памети достойне речи: Шта вы мыслите люди? Срамота бы была Кралю Француzскому, да чини освету за обиде, учинѣне Ерцегу Бургундскому! Прекрасне! божественне душе! достойне Господства и Царствованія!

77.

ЖАБА И ЮНАЦЪ.

Жаба на край баре упази юнца на ливади, пакъ се начне фалити другимъ жабама гово-

рећи: Я да оћу само, могла бы быти, колико годъ оно юне онде. Ћути не лудуй! веле іой друге, гди ће жаба быти коликъ юне. Не вѣруєте? Стан'те мало! надмесе колико игда може, пакъ пыта: єсамъ ли? Єси луда! та ниси слепа, погледай на се, пакъ на юне! - - - Ова се стане іштъ выше надимати, докъ пукне и изићу іой црева.

Наравоученіе.

Θνητὸς ὢν, μὴ ὕπερ ἄνθρωπον φρόνει Смертанъ будући, немой выше човека мудровати. Познай себе! Храни мѣру у єлу и у одѣлу! Не ревнуй већимъ одъ себе, и не завиди богатимъ, нити имъ се подоби. Колике бы фамиліє поштено могле живити, пакъ пропадаю, зато што оће да се сравне съ већима одъ себе. Честна и благоразумна жена не тражи славу свою у многоцѣнимъ одѣяніяма; луда и неразумна съ альинама се поноси, и крадомъ се обгледа, гледа ли є ко. Не познаюћи цѣну разума и благородство срца и душе, ако се не сяю, и не шуште на ньой альине, мысли да є пропала. Кадъ бы (сачувай Боже), све жене оваке быле, тешко бы ономъ было, ко бы ово писао! Пропао бы и онъ и съ кньигомъ заєдно.

78.

ЧОВЕКЪ УЄДЕНЪ ОДЪ ПСА.

Овай оћаше по комшилуку и пыташе, шта бы на рану привіо да се излечи. Неко му

рече да узме врућъ сомунъ, да га натопи крвлю што изъ ране тече, да га да ономъ истомъ псу, кои га є уєо, и да ће се тако излечити. Врућъ сомунъ? одговори овый, знамъ я нешто друго шта ћу му дати, ако ми онъ само до руке дође! Какво ти є то лекарство? кадъ бы я то учиніо, што ми ты велишь, валяло бы, колико є годь паса у селу, да ме сви уєдаю.

Наравоученіє.

Тешко овцы међу куряцы, и тешко мирномъ човеку онде, гди ко є ячій онъ є и старіи, гди насиліє влада, глупость и варварство законе дає и заповѣда. У таковомъ безъ закона мѣсту мора човекъ за люту неволю овога лѣкара совѣтъ слушати, мора онога истога, кои га дави и мучи, съ своіомъ крвлю ранити. Бѣдно состояніє, гди невѣжа има власть трпати, блебетати, и блядословити, а оный кои зна, мора мучати и са страхомъ слушати! Гди неправеданъ и безсовѣстный заповѣда, а поштенъ и добаръ принужденъ є повиноватисе. Ту принадлежи она Еврипидова речь: *ἄνω τῶν βουνῶν χωροῦσι παγαί.* Узъ гору теку источницы.

79.

ПТИЦОЛОВАЦЪ И КОСЪ.

Птицоловацъ ставляше мрежу птицама; гледали га косови, и запытаю га, шта ту пра-

ви, онъ имъ каже, да зида градъ. Како онъ оде те се сакріє; онда єданъ косъ любопытніи одъ други, поће да види, какавъ є то градъ, пакъ се уфати! Птицоловацъ притрчи, заколѣ га, пакъ съ ньимъ у торбу. Онда они други косови реку му: хе лукава и зла главо, кадъ є твой градъ такій, несрећни ће быти они граћани, кои у нѣга доћу живити.

Наравоученіе.

Две насъ полезне вещи ова басна учи. Прво, да излишнѣ любопытство многима на вредъ быва. Мало намъ є о нами и о нашима стварма мыслити и старатисе, него оћемо и туће тайне да знамо. ...Блаженый миръ и покой срца поглавито є благополучіе наше на земльи. Но колико га мало почитовати умемо! За сваку бездѣлицу бацамо га и губимо, и узнемируємо себе и друге. Будала є ко оће да зна, шта се у свачіємъ лончићу вари. И ко свуда носъ завлачи, завуче га често онде гди не валя, и страда што и ове басне косъ. Ко што мисли? куда оди? о чему съ кимъ говори? зашто се смеє? Немирна глава све то оће да зна; и што не зна, а она погаћа, и све на зло толкує и окреће. Пакъ кадъ се єдно цѣло общество оваковымъ скарednымъ обичаємъ отрує и окужи, какова нарави болесть! Коликій немиръ и смущеніе! мирно и чисто одъ свакога лукавства срце и блага душа, іоштъ у овомъ животу починю предчувствовати сладость царства небеснога, а лукава и зла срца іоштъ се овде починю мучити. Изтреблюймо дакле изъ рода нашега такове обычає, не даймо имъ нигде међу нами стана ни конака. Друго чему насъ учи наша басна, ово є, да гди су зли

Градоначалницы, зло ту стоє граћани. Но гди є добаръ владћтель, тога се ніє бояти. О овоме смо на выше мѣста говорили.

80.

ДИВІЙ ВЕПАРЪ И ЛИСИЦА.

Дивіи вепаръ оштраше зубе подъ єднымъ растомъ, а лисица га пытала, мисли ли се съ кимъ бити, те оштри зубе? Не мыслимъ, одговори онъ, али ако дође до неволѣ, болѣ некъ су готови.

Наравоученіе.

Блаженство бы было на свету, да се може, да човекъ о злу ни мысли, ни говори, нити пише. Благо ономъ, ко нити мысли комъ учинити зло, нитъ се томе одъ другога бои! Али догодь има зла на земльи, они кои пишу, мора ће о нѣму писати, само съ тимъ намѣреніемъ, да се изтреблює колико се выше може. А тада ће се найпре почети изтребльивати, кадъ свакій почне одъ себе и одъ своє куће. Ко оће да су му други праведни, нека и самъ таковъ къ ньима буде. Єлика хощете да творятъ вамъ человѣцы, творите и вы имъ подобная, учи насъ нашъ небесный Учитель. Я не смећемъ съ ума, како намъ є теготно и досадно, кадъ намъ ко често то пакъ опетъ то каже; мы онда ако и не смемо, или намъ є жао рећи му, не можемо да не мыслимо: та гди ти є паметь? Помагай! кази-

вао си намъ то; или говори што друго, или се смилуй, пакъ ћути, и не дави насъ. Обаче о добродѣтельи и о благоразумномъ владаню често напоминяти и говорити, са свимъ є отлично одъ вышереченнога; ово є томе подобно: кадъ смо увѣрени да смо коме мили и драги, и кадъ то желимо и томе се радуємо, по сто пута на данъ любезнимъ своимъ да насъ назива, мило намъ є чути. Ко управъ люби просвештеніє разума и добродѣтель, нѣму се никадъ неће омразити, о свему што къ тому управля и споспѣшествує, слушати и говорити. Быти добродѣтелнымъ, како бы хотели, и како знамо да су многи были, то често, за слабость нашу, ніє у нашой власти: али любити и у другима разумъ и боголюбна дѣла, ньима желити уподобитисе, за тимъ чезнути и настояти, то можемо, и то намъ врло и помаже, за управити на добро стопе наше. Совѣтує насъ басна, да се за свако наше нуждно дѣло за времена спремамо, оно што валя да буде данасъ, не отлажимо на сутра. *Ὁ τὴν εὐκαιρίαν τῶν πραγμάτων ἀμελῶν ἐκπεσεῖται τῆς τῶν καλῶν θύρας,* ко благовременство вещи пренебрегава, изпасти ће добру изпредъ дверій; вели Ісидоръ Пилусіотскій. Леньиваць чека самый данъ путованя, да се на путъ спрема; пакъ онда, хе нема тога, ни овога ни онога! Ништа ти ніє горе, него съ одлагаломъ имати дѣло. Време младости, блажено є време саднѣ и сеяна: ко жели, да му єсень мужескогъ возраста плодовита дође, и да му зима старости спокойно буде. И што є найважніє, не само ово маловременно, но и вѣчно благополучіє одъ младости завыси. **БЛАЖЄНЪ РАБЪ, ЄГОЖЕ ОБРЯЩЕТЪ ГОСПОДИНЪ ЄГО БДЯЩА.**

Примѣчаніе.

Я добро памтимъ, какавъ самъ у дѣтинству быо, и по томе и о другой децы судимъ; што самъ у оно време добро чуо и научіо, много ми є у животу помогло. А при томе и доста добро наравь деце познаємъ, єръ самъ съ ньима свуда имао дѣло, за заслужити мой хлебъ. Знамъ да кадъ се мало пріобыкну оваковимъ наравоучителнымъ разговоромъ, весма се у ньима усладаваю и ползую. Садъ, кадъ се већь приближуємъ къ педесетой години возраста, овакова списанія на различны єзицы мила су ми. Дакле, то што є мени найдраже, найрадіи самъ любимимъ моимъ спріобщити; а уздамъ се да се не варамъ, мыслећи да свакомъ човеку мора за тимъ много стаяти, како се може одъ зла сачувати и добро живити.

81.

САТИРЪ И ЧОВЕКЪ.

Сатиръ є дивіи човекъ, илити великій маймунъ, подобанъ човеку. Овый єдномъ спріятельисе съ правымъ човекомъ, и пођу у дружству путовати. Ово се случи у зимнѣ доба; зато, зебући човеку руке, прикучаваше іи къ устма и гріяше іи; Сатиръ га пыта, шта то чини? Оный му одговори, да гріє руке. Доћу у крчму, гди имъ се донесе вруће єло; онда човекъ за не опаритисе, опетъ дуваше разлаћујући то. Дивякъ зачућенъ запыта га, зашто садъ дува? Овый му каже,

да разлаѣуе одвећь врело єло. Е! кадъ є то тако, а ты остай съ Богомъ! Съ таковымъ мени пріятельство ніе угодно, изъ коега уста и вруће и ладно излази.

Наравоученіе.

Мужъ двоєдушанъ и двоєзичанъ, неисправленъ є во всѣхъ путехъ своихъ. Наши веле, не да се уфатити ни за репъ ни за главу. Окрећесе као вѣтреный петао, менясе као месецъ, другій часъ друга паметь у глави, другій данъ другояче намѣреніе. Съ найбольимъ срцемъ, за своє непостоянство ни комъ ніе кадаръ добра учинити, нѣгови исти сродни и пріятельи не смеду се на нѣга наслонити; о нѣму се управъ може рећи, да у вѣтаръ говори; да све што добро рече, учини, быо бы знаменитый човекъ. *Βουλέυου μέν βραδέως ἐπιτέλει δὲ τὰ δόξαντα σπουδάιως* совѣтуйсе полагано, а совршуй што за добро нађешь, скоро. Куй гвожће, докъ є вруће. Поредакъ у свачему полезна є и похвална вещь. Ништа не твори безъ времена, а време способно къ чему нипошто не упуштай.

82.

КУРЯЧИЦА И КУРЯЧИЋИ.

Курячица се разболи, и лежаше у бѣдномъ состоянію; пытали є курячићи: та майко, имашъ ли гди кога пріятеля, одъ когъ бы се могла каква нибудъ помоћь искати? Хе моя ядна

децо! одговори она, мы смо куряцы зле и опаке ћуди! Кадъ смо здрави, сами се о себи, и съ штетомъ другога старамо; ко ће намъ дакле у невольи пріятель быти?

Наравоученіе.

Ево право состояніе онога, кои у време благополучія и здравля самъ о себи мысли. Ако є и богатъ; кадъ се разболи, или у какву скорбь упадне, што ће му богатство помоћи? на противъ, исти сродни нћгови радо му смрть чекаю, да што закваче. По смрти да ко чека другима полезнимъ быти, то є суєтна надежда. Они исти, кои намъ на даћи за испокой душе пію, смею намъ се и ругаю, и веле: добро є учиніо, што се смакао. Сотворите пріятелћ себи отъ мамоне, то єстъ, одъ излишнћга имћнія, да єгда оскудћєте, пріимутъ вы во своя, увћщава насъ премудрый Спаситель. А ономъ другомъ шта вели? воспріялъ єси благая твоя въ животћ твоємъ. А да што мы радимо? Мы кои нисмо кадри ни люде често преварити, оћемо свезнаюћега Бога да преварымо, чекаюћи да се у болести и на смерти покаємо, и што добро учинимо, разписиваюћи и раздаваюћи оно, што нисмо кадри за се уздржати; али незнамъ срећомъ ли или несрећомъ, ту лажи не помажу; ко се годъ ніє у време здравля и благоденствія покаяо, добро учиніо, и пріятелћ себи у Богу и людма стекао, онъ то у болести и при смерти не исправи, него истомъ за неволю мути. Наше басне курячица, она не зна лагати, него каже управъ, каква є была и чему се има надати.

83.

КРАВА ЯЛОВИЦА, И ВОЛОВИ ОРАЧИ.

Краву яловицу раніо селянинъ, кадъ одебля да є заколѣ; ова гледаюћи два вочића свако вече кадъ утруђена съ ораня долазау, ругаше имъ се говорећи, да су се у злый часъ отелили. Доће време да заколю краву, вежу є за ноге и рогове, превале є на землю, пакъ почну оштрити великій ножъ. Тада волови запытаю є: садъ кажи, ко се у болый часъ отеліо, мы или ты?

Наравоученіе.

Нека се нико не поноси у благоденствію своме; не знамо какова насъ приключенія іоште на свету чекаю. Лепа є она Теренціева речь: homo sum, nihil humani a me alienum puto. Човекъ самь, свашто мн се може догодити. Кадъ што можемо добро учинити, гледаймо себе са стране безсмертія, а кадъ насъ пакъ слабости и страсти наше на зло подстрекаваю, сматраймосе како маловременне и смертне на земльи. О несрећи и страданю другихъ радоватисе, какова слабость и неправда! Смрть люди себи држе за найвеће зло што имъ се приключити може, а томе смо сви подложни. О благополучію подобнихъ себи веселитисе, достойно разумногъ створеня веселѣ, чрезъ коє онъ усугублява своє благополучіє, радуюћи се не само своєму добру, него и многи други.

84.

ЗЕЦОВИ И ЖАБЕ.

Међу обычне ове наше зецове, дође одъ некуда єданъ зецъ пустиникъ, пакъ имъ почне предиковати, описуюћи имъ зечіи животъ као найбѣдніи и найгорій на свету подъ небомъ; говорећи: шта смо мы ядни зецови? Ніє доста што насъ люди лове и єду! што насъ орлови изтребляваю! него мишъ да протрчи, и лишће да зашушти, страхъ и трепетъ напада на насъ. Нашто намъ такій животъ, кадъ смо осуђени, да пре смрти свакій часъ и тренуће ока одъ стра умиремо? Видите ли оно єзеро? - - - Видимо, викну сви. Айде дакле да и мы єданпутъ у животу учинимо што да валя; сви вы напредъ, а я за вами, да скочимо ту и да се удавимо. Шатъ се когодъ нађе, те намъ рекне: **АФЕРИМЪ ЗЕЦОВИ!** Єдва онъ то изрече, кадъ сви викну: юришъ! па потеку. Жабе око єзера чуюћи топотанѣ, уплашесе, пакъ ти брже болѣ стану стрмоглавъ скакати у єзеро. То видећи єданъ старый зецъ спреда, окренесе и викне **СТОЙ!** Што та лажа, (почне говорити) мал' не учини съ нами? Каже намъ да смо сами мы страшиви, и зато недостойни живота. Ево садъ сви вићесте, да има одъ насъ страшивіи створенія; коя ім се сила утопи одъ насъ уплашены! Онда почну тражити предикатора, алъ нѣга нейма. Одъ тада наши зецови живе како су и ньіови стари живили, нити већь слушаю коєкаве лажи.

Наравоученіе.

Све што є Богъ створіо, премудро є и разположіо; свашто има свой конацъ и намѣреніе, зецъ докъ га ко не уфати, онъ живи, пасе, скаче по мећама или по снегу и плодисе; уфати ли га ко, ту ти му є конацъ; зато є зецъ, и башъ зато є створенъ. Тако и различна животна и рибе у води, єдно се другимъ рани. Люди обаче, како разумна створеня, способни су законному, праведному и мудрому правлѣнію; а гди тога нема, и они живе као звериня, ячіи слабіега мучи и дере. Но о овомъ смо на выше места говорили. Некъ видимо, чему насъ другомъ ова басна учи. Садъ се народи починю као иза сна будити, и међу собомъ се разговараю: како се є то догодило, да за толико стотина година, они исти кои су на богатство горе него на куряке викали, нѣга се са страшнымъ заклетвама предъ Богомъ и предъ светомъ одрицали, и сиромашство као найвећу добродѣтель проповѣдали, чрезъ то, ни Бога не боєћисе ни людій не срамећисе, ништа друго нису тражили, него како ће се лакше о найманѣмъ или ни о найманѣмъ труду, туће у име божіе иштући, записуюћи, и узимаюћи обогатити? Куће се своє одрицали, а съ друге стране светъ глобили, и дворове себи као каштеле и градове зидали? Къ вѣчномъ воздержанію са заклетвомъ себе привѣзавали, а болѣ се ранили и поили, него бы да су у родителя свои дому живили? На овый божій светъ викали, а у нѣму како и остали люди радо живили? Све сласти телесне хулили, а весма су радо и весело съ чимъ су могли, якоже и прочи человѣцы, тѣло своє греяли, упокоявали и наслаждавали? Кажу да су се свои стварій за любовь Божію од-

рекли, пакъ за исту любовь божію туђе искали и узимали? Овимъ противоречіямъ садъ се люди чуде, нити оћею да іи коєко выше за будале држи, да іи за носъ вуче и да іи вара. Садъ већь свакъ познає и види, да ко годъ на овый прекрасный божіи светъ и на овый нашъ (ако ће и маловременанъ быти) животъ виче, и дарове божіе оговара, и безъ разлога похуждава, или є манитъ те фантазира, или є лукавъ, и мысли друге да превари. Ова злоупотребленія нису у єдномъ само народу была, него у свима, пакъ они кои су паметніи и срећніи, одмећу іи и исправляюсе, а простіи остаю у ньима, и чекаю да у свачемъ буду последньи. Све што є Богъ створіо, добро є, ако само човекъ уме то разумно употреблявати; ибо злоупотребленіе у свачему є зло. Зато и свето писмо ако гди виче на богатство и сласти и прочая, то валя разумћти за зло, неправедно и невалъло употребленіе вещи, дакле ни на што не валя хулити, кромћ што є по себи зло, и што зло быва: ево примћръ: отровъ є зао по себи, а вино є добро; но може быти зло, кадъ се преко мћре піе.

Примћчаніе.

Они се утврждаваю, и како себе тако и друге обманиваю, криво и неразумно толкуюћи Христа Спасителя речи, гди вели, да се валя одрећи и оставити оца и матерь, жену и чада, домъ и имћніе своє, а нећею већь єдномъ да се освете, да Христосъ придодає: мене ради и Евангелія! А садъ кадъ мои родительи и сродницы вћрую Христа и Евангеліе, зашто да іи се одричемъ? то се є говорило за она времена гонћнія, кадъ су отацъ чадо своє и братъ брата Христа ради на

смрть предавали, а већь тога, благодареніє Богу, садъ нейма: ово дакле ніє Хрістово намѣреніє, него лукавы и неправедны людій, да ко туђе жели, иште и узима. Многи бы монаси волили да Турцы земльомъ обладаю, него да ный нестане; єли то любовь къ Богу и къ отечеству? Али што они маре, кадъ су се они оца и отечества одрекли? Зато; о любима и поштена Націо! Сва што се зову манастирска имѣнія, то су народня имѣнія, употребите іи на школе и на науку ваши будущи учителя и свештеника, а то єсть на праву и всегдашню ползу рода и отечества. Блажена ће быти имена оны разумны Патріота, кои къ томъ споспѣше, и ово общеполезно дѣло причине и исполне! Добро коє може быти у ваше време, зашто да чекате да после васъ буде? Просвештени Архіереи и доброжелателни разумни мирски свештеницы, они су дужни на то народъ склонити и увѣщати. *Λάμβανε βουλὴν καὶ παρ᾽ οἰκέτου ἐυφρονέωντος.* Примай совѣтъ и одъ слуге благоразумнога, *ὑμῖν γὰρ φίλα φρονέων ταῦτ᾽ ἀγορέυω!* Вами бо благожелая ово говоримъ!

85.

КАСАПИНЪ И ПАСЪ.

Касапинъ забавляюћисе о своме послу у касапницы, дође комшійскій пасъ, украде му волуйско срце, пакъ стане бѣжати; спази га касапинъ, но подалеко, рече му: е такій ли си ты майсторъ! Иди и уживай, но при тому знай, да ми ниси узео, него си ми дао срце

и паметь, єръ ћу другїй путъ знати, како ћу се съ тобомъ обходити!

Наравоученіє.

Разуманъ се ползує одъ прве преваре, зашто познати, кога іоштъ не познаємо, то намъ є весма полезно; знаюћи како ћемо се у напредакъ съ њимъ владати. Зато наша пословица вели: ко ме брзо превари, фала му; а ко ме и другїй редъ обмани, іощъ већа му фала; моя є кривица што га се нисамъ чувао, знаюћи га какавъ є. Обманщикъ себи найвыше вреди, ибо кадъ и чистосердечно што буде мыслити, неће му нико вѣровати; тако и сама истина потире цѣну свою, кадъ є лажльивацъ каже. Кредитъ и поштено име прекрасна су стяжанія у животу. Зашто іи ни море не може потопити ни злополучіє умалити.

86.

СТАРЪ ПАСЪ И ЛОВАЦЪ.

Старъ и беззубъ ловачкій пасъ не могаше нити као у младо доба ловити, нити што уфати, беззубъ будући, добро држати; зато га ловацъ често тучаше, докъ му овый стане єдномъ говорити: Суровый и неблагодарный човече! што ме неправедно бієшъ? зашто се не споменешъ прве моє службе и вѣрности? Я ону исту волю и усердіє и садъ имамъ, али што ћу ти, кадъ неймамъ ни прве снаге ни зубій!

Наравоученіе.

И ово є противъ худе неблагодарности, коя заборавля добра учинѣна; и не уме отличавати оно што се може одъ шта се не може. Само худа и са свимъ неваляла срца овой су злоби подложна и повинна.

87.

ЧОВЕКЪ И ДВА ПСА.

Човекъ да готовити велику часть за своє пріятелѣ, а нѣговъ пасъ каже то другомъ псу, своmъ познанцу, и зовне га на часть. Туђій пасъ уздаюћисе у свога пріятеля, пође и улѣзе съ ньимъ у куйну, и почне туда весео шпацирати машући съ репомъ. Слуге видећи непознану псину, счепаю га за репъ и за ноге, пакъ съ ньимъ крозъ пенцеръ. Овый сирома лупи о землю, и боећисе да му се іоштъ што не пригоди, скочи и начне бѣжати яучући. Виде га други пси, коима се є онъ фаліо, да ће на часть поћи, и запитаю га, како му є было на части? пакъ іошть пытате? одговори гаровъ; толико самь піо, да нисамь ни врата погодіо кудъ ћу изићи, него самь скочіо крозъ окно. Коя полза онима казивати наше несчастіе, кои ће намъ се ругати и смеяти? А друго не идимо гди нисмо звани, зашто незвану госту мѣсто за врати.

88.

СЕЛЯНИНЪ И ПСИ.

Селянина затече зла зима на салашу, онда овый за преранитисе, заколѣ две три овце, што ту имаѣаше, а кадъ и тога нестане, а онъ убіе и вола орача. Пси нѣгови то видећи реку измећу себе: бѣжимо одавде, ако нисмо ради да и на насъ редъ доће! Чуватисе валя онога, кои са своима лепо не живи.

89.

ЛОНАЦЪ И ТЕНЦЕРА.

Лонацъ се укланяше испредъ тенцере, а ова му рече: што ме се боишъ? не удри ты на ме, я на те нећу. Та мени є то све єдно, одговори лонацъ, та я на те ударіо, та ты на ме! Одъ зла и пакосна, а іоште кадъ є ячій, найболѣ є далеко стаяти.

90.

ЧОВЕКЪ ВЕЛЕРѢЧИВЪ.

Овый доће съ далекогъ путованя у свой вилаетъ, пакъ не може да се наисказує, гди ти онъ ніе быо! шта ли ти ніе видіо! И не са-

мо то него се почне фалити, да є и млого коєшта учиніо. Островъ Родосъ у Архипелагу, то є островъ! Хе моя браћо, за луду сте живи, кадъ островъ Родосъ нисте видили! Ко островъ Родосъ ніє видіо, нити што зна, нити є видіо! Я ту доћо у време великогъ вашара, гди се момцы ускакую: А кадъ ти имъ я скочи! остадоше сви као изванъ себе; нитъ се наће, ко бы се усудіо самномъ ускакивати: и ако не вѣруєте, а вы идите у островъ Родосъ, пакъ пытайте! Одвећь насъ далеко шилѣшъ, одговори єданъ одъ слушателя, што ћемо се мы толико мучити и дангубити, кадъ то може и о манѣмъ арчу быти? Скочи да те видимо, пакъ етоти намъ островъ Родосъ!

Наравоученіє.

Ништа ти ніє ружніє, него кадъ ко, или безпосленъ, или ако ће и съ посломъ што му драго, нашпацирасе по свету (каоноти наше Преподобіє), па кадъ се врати, а онъ оће да загуши люде казуюћи, и шта єсть и шта ніє. Велерѣчивъ и велехвальивъ братъ ако изъ Баната до Пеште оде, кадъ се врати, тешко ономъ на кога нападне! некъ самъ гледа како ће га се курталисати. Заисто (безъ фале) я по вишой части волимъ выше слушати него говорити, али бы опетъ воліо у манастиру Крупи съ ћускіомъ камењ крчити, каоно самъ и онда, кадъ самъ изъ Опова утекао; или по каменитой планини Вучяку за яриће водицу светити, него да ми такій доће на вратъ. При ручку не маримъ, єръ ми ништа ніє противніє него у време жваћаня говорити: ко се ту наће да за ме говори, великій

ми атаръ чини, а осимъ тога по реду разговоръ, ванъ да га є ко подъ аренду узео. При томъ валя знати, да у саданѣ време люди на дѣла више сматраю него ли на многоречіе; и ко се є радъ одъ велехваленія излечити, ово нека му є свагда на памети.

Примѣчаніе.

У свакомъ граду и вароши, (а небы сгорега было, да се и по селы ова наредба учини) да се направи єданъ оспиталъ за сиромашь стару немоћну. (Право є да свако мѣсто своє бѣдне прикрмлює), да се уреди обща кутія, у кою свакій, кадъ у цркву доће, по своемъ могућству и произволенію да што за сиромашь прилаже. Но то знамъ да небы доста было, дакле нека се учини порезъ на говорціе. Прво ко оће у време єла да говори, кадъ сви други єду, на частъ му, нула. Ко осимъ єла оће више да говори него други, нека плати у вишеречену кутію по форинтъ на месецъ. Ко другима отима речь изъ уста, єданъ ф. и 30. х; ко рече: іоштъ ово послушайте, па кадъ то сврши, опетъ друго починѣ, некъ положи у кутію два ф; ако начне єдно казивати, пакъ пре него то доконча, прелази у друго, а изъ другога у треће и тако далѣ, за свакій прелазакъ некъ метне у кутію по 3о. х; а кадъ се врати на прво говоренѣ, пакъ не може да га нађе, него насъ мучи чекаюћи, и вели: помозте ми казати, зато некъ вргне у кутію два ф. и 30. х. зашто се то мучно трпи. Наше жене за сваку новину што у цркви єдна другой кажу, само по грошићь ако ставе у кутію, быће сила новаца.

91.

ЗЕЦЪ И ЛАВЪ.

Зецъ се упозна съ єднымъ лавомъ, упустисе съ ньимъ у великій разговоръ, и међу прочимъ упыта га, како то быва, да Лавъ, така страшна зверъ, пакъ се бои петлова гласа? Томе се ніє чудити, одговори лавъ, на земльи нико ніє савршенъ, и ако ће ко незнамъ како славанъ и силанъ быти, мора имати неку слабость! Хаа! Међеръ зато и мы зецови како чуємо псе да лаю, а мы се уплашимо, пакъ чистацъ. Лавъ се на то осмене, и не одговори ништа.

Наравоученіе.

Да лавъ овде чистосердечно безъ свакогъ околиша, свою слабость, и предъ самимъ зецомъ исповеда, нити се стиди нити є таи; ово є лепо, благородно и лава достойно. Онъ добро зна, да нѣгова изрядства и превосходителства такова су и толика, да єдна малена слабость, нѣговой слави и храбрости, коє су свету добро познате, ни найманѣга уштрба неће нанети. Али се нашъ сирома зецъ овде тако срамоти, да є достоянъ не само смея и поруганія, него и крайнѣга сожалѣнія, Не зато што є зецъ; ибо онъ као зецъ, не само ніє за похужденіє, но има у себи и такова качества и вредности, коє су за исто похвале достойне. Не говоримъ овде за нѣгове уши, коє као зечіє уши таманъ су како валя. Но прво онъ добро трчи, и далеко болѣ него многа животиня већа одъ нѣга. Друго, онъ има толико

памети, да често люде и псе прехитри и изъ средъ ньи измакнесе и утече. Треће, онъ є здравъ, добро се плоди, са своіомъ зечицомъ у крайнѣй любави и согласію живи, зиму и мразъ не токмо лясно сноси, него и по снегу скаче као поманъ. Четверто и за насъ найважніє, кадъ га уфатимо, нѣгова є кожа много полезна, а месо, кадъ се лепо скува и испече, найвећа Господа и Госпоће облизую прсте єдући га. Ова качества и достоинства, свакъ види да похвалу заслужую: али у храбрости или у плашньи и страху, себе на ма' по лаву ставляти, или што є іошть смешніє, съ ньимъ се барабарити, и, мећеръ зато и мы DEI GRATIA Зецови! говорити; Ее зече, брате зече! овде се са свимъ заборавляшъ! Жао ми те є, али ти се морамъ смеяти. Овде можемо очевидно познати, како се и мы люди, башь као и овый нашъ зацъ, често и люто варамо, сравньиваюћи и сприуподобляваюћи себе онима и у онаковимъ вещма, одъ кои смо мы врло далеко. Зато нека намъ є свагда на памети она предивна и свако злато у цѣни превосходяща Орацієва сентенціа: Est modus in rebus, sunt certi denique fines, quos ultra citraque nequit consistere rectum. Єстъ начинъ у вещма, єсу извѣстни къ тому предѣли, преко кои и за коима не може се остановит' правость. Умѣрена любовь похвале и разумна желя славе и лепа имена, божественни су дарови, природно усађени у срца наша, коя кадъ се разумно управляю къ свакой благородной, свойственной и общеполезной добродѣтельи насъ возбуждаваю, наставляю и воде. Ове небесне искре свещеннаго огня, нипошто не валя угашавати у младимъ срцама, но на таковый благорастворены начинъ хранити іи ту, да имъ свагда потребну топлоту даю, не причиняваюћи

у ньима никаква пожара. Своє вредности познавати, о ньима умѣрено мударствовати, и не высокоумствовати, на истый начинъ и своє недостатке и слабости знати, овде лежи узао. Съ больима и вреднима не сравняватисе, но настояти и свака способна средства употреблявати, за моћи съ временомъ ньима уподобитисе. *Ἀνὴρ ἄβουλος εἰς κενὸν μοχθεῖ τρέχων* Мужъ безсовѣстанъ всуе се труди трчећи: іошть єдно. *Καλῶς μὲν τρέχουσι ἀλλ' ἐκτὸς τῆς ὁδοῦ.* Добро трче али изванъ пута. Што ово значи, свакъ зна. Нађи пре путъ, пакъ онда тецы. Не млати недозрело воће! кадъ сазре, слађе ће ти быти. Не крши гране, коє ће ти до године родити.

92.

ДВА ПУТНИКА И СИКИРА.

Двоица путоваху, у дружству; єданъ одъ ныій нађе сикиру, и почне се фалити говорећи: нашао самь сикиру. Вели му другій: та брате, кадъ скупа путуємо, валяло бы да речешь: нашли смо, а не нашао самь. Іокъ, неће овый ништа одъ тога да зна; а кадъ мало по часъ, ето ти людій на коньи за ньима, вичу: сикиру! Што ћемо садъ? рекне овый, нагазићемо на сіясетъ! они ће рећи, да смо имъ мы украли сикиру? Што ты мене садъ мешашъ,, што ћемо садъ и нагазићемо? Рецы што ћу садъ? и нагазићу; зашто и пре ниси хотео да речешь: нашли смо, него нашао самь.

Наравоученіе.

Са свимъ людма добро є у миру и любови живити, а съ комшіяма найболѣ. Болыій є на близо пріятель, него на далеко братъ, вели Сирахъ. А Премудрый Исіодъ старый како насъ лепо о овомъ совѣтує! *Ὅς τὶς σέθεν ἐγγύθι ναίει τὸν μάλιϛα καλεῖν ἐπὶ δαῖτα, τοὶ γὰρ ἔι τὶ σοι χρῆμα γέννηται ἄξωϛοι ἔκιον.* Ко кодъ тебе близу обытава, тога навластито зови на часть! ибо они, кадъ ти што до потребе буде, неопоясани притрче. И на другомъ месту, *ἔμμορε τιμῆς ὅς τ' ἔμμορε γείτωνος ἐσθλοῦ!* Получіо є честь, ко є получіо комшію добра! У Аѳини то бы се найпре пытало, кадъ бы се домъ или добро какво хотело продавати, какви су комшіе? Блажене непорочне нарави оніи божіи люди, гди комшія свето сродство значи. Зао и пакостанъ ономъ є найгорій, комъ є найближій. Наполѣ такога изъ града и села, да люде не трує! Оћешь ли знати, веле наши добродѣтелни стари, какавъ є ко? не пытай на далеко, гледай само како съ комшіяма живи. У Египетскому отачнику стои написано, да у Ливійской пустиньи, наоћяхусе два пустиника, єданъ Несторіянъ калуђеръ, а другій дервишъ Мусулманъ. Овіи свакій данъ, кадъ бы свршили своє молитве и уређене метаніе, пошли бы на єданъ не далеко изворъ по воду: ту, изъ любови и ревности къ Богу, почели бы єданъ другога увѣщавати, да се обрати одъ заблужденія на правый путъ; но не могући се погодити кои є то правый путъ, єръ бы свакъ одъ ныій хотео да є онъ самъ на блаженомъ правомъ путу, а другій на проклетомъ и кривомъ; речь по речь (каоноти што быва) дошли бы одъ речій на инатъ, а одъ ината на кавгу, анатему, и проклинянѣ, а кадъ и ово небы ништа помогло, он-

да бы другъ друга съ пунимъ тиквицама воде о главу; и тако бы се растали, свакъ задоволянъ са своіомъ светомъ ревностію, благодареħи обоица Богу, што іи є укрепіо, да учине свою дужность, да изобличе нечестіе и посраме невѣріе. Другій трећій и четвртый данъ долази дервишъ на изворъ, носећи пуну главу таковы крепки доказателства, што су му преко ноћь на умъ пала, противъ кои уздашесе, да неће моћи другій ни уста отворити. Нема онога! Не може овый выше да се стрши; поће заедно и съ тиквомъ, да га наће у колиби; а кадъ доће, има шта видити! лежи оный сирома у лютой огнюштини, и едва изговори: воде за живога Бога, изгоре и погибо! видећи га дервишъ у тако жалостномъ состоянію, заборави своє аргументе, притрчи съ водомъ и съ сузама у очима: Аманъ кардашъ, викне, што є то одъ тебе: напои га, уміе му лице, и прохлади га, нити є хотео отступити одъ нѣга у све време болести нѣгове. По неколико дана почне се монахъ попридизати; алъ ево неволѣ, пређе огнюштина на дервиша; онда га другій не пусти одъ себе, но съ крайньимъ усердіемъ и любовію послужи га за месецъ дана. Да Богъ, те и другій оздрави; тада ти се обоица освесте, и начну овако измећу себе говорити: Брате ніе то шала, пустиня є ово! Мы смо овде єданъ другомъ у невольи и отацъ и майка. Оставимо мы у напредакъ сву вражду и инатъ, и будимо добри комшіе и пріятельи! и тако живили су по томъ у великой любови и миру. На петнаестъ година после тога умре дервишъ Османъ, коєга монахъ Патермуеіе погребе, и съ сузама обліе гробъ друга свога. Но споминюћисе своє огнюштине не сме самъ ту остати; пређе данъ ода далѣ и остановисе съ друга три отшелника; но сва-

ке године иђаше посѣтити гробъ свога любимога Османа, на данъ погребенія нѣгова. Кадъ то сазнаду други, весма се соблазне и почну сумнѧти о нѣговомъ благочестію. Случисе да се овый при томъ престави, и на самой смерти чую одъ нѣга ове речи: Праведный и благій Боже! да будетъ душа моя съ душомъ Османа мога. Кадъ другіи то чую, са свимъ га осуде за полутурчина и еретика: оду у ближньій градъ, пытати Епіскопа Коптскога (то єсть Несторіянскога), оће ли га погребсти по обычаю церкве своє? Епіскопъ, човекъ ученъ и за добродѣтель свою весма оглашенъ, (чуюћи ово знаменито приключеніе, коє самъ напише, и последньимъ за воспоминаніе остави), самъ оде на погребеніе нѣгово: гди учини єдно прекрасно погребноє слово, коєга є почетакъ: Нѣсть судъ мой яко суди ваши, ниже путъ мой, яко путіе ваши! Ово я овде придодаємъ на болѣ утвержденіе, Сербљмъ, одъ древны времена предраге любови комшійске.

Примѣчаніе.

Епископъ о комъ є выше речь, зваосе Амфилохіе. Прилажемъ овде єданъ лепъ параграфъ нѣгове предике, у коєму онъ доказуе, да Патермуѳіе могао є любити Османа како друга, комшію илити сосѣда и како благодѣтеля свога; могао є и Богу се за нѣга молити: изъ овога се толико выше познае доброта срца нѣгова. А Богъ, самъ єдиный, праведный судія, кои ће свакому по дѣлу, по совѣсти и по мѣри знања нѣгова судити, онъ зна найболѣ, што ће съ кимъ учинити, нити ће на то одъ людій совѣта требовати. Дае за примѣръ Мойсеа, кои овако говори молећисе Богу за Іудее: Или прости и ньима, или изглади

и мене изъ књиге живота. Дае Ап: Павла, кои вели, да бы хотео одъ самога Христа отлученъ быти, кадъ бы чрезъ то могло быти да се Іудеи спасу! што права любовь неће рећи! што ли неће поднети! Крѣпка яко смерть любовь! Ово му є конацъ.

93.

МЕДВЕДЪ И ПЧЕЛЕ.

Медведъ доће къ єдной кошньицы, и почне полагано вадити сате меда и єсти. Пчела га єдна боцне у губицу, а онъ се разсрди, дигне кошньицу, и тресне ньомъ о землю; онда ти све пчеле раздражене ударе на нѣга, летећи му коя у очи коя у уши, тако да онъ у бѣжаню начне искати себи спасенiє говорећи: Нисамь ли я лудъ? Небы ли ми болѣ было, претрпити озлобльнiє єднога непріятеля, него съ безвременномъ осветомъ многе противъ мене раздражавати?

Наравоученiє.

Напрасность, нестерпѣльивость и неразумна освета весма су многимъ вредовите, болѣ є и озлобльнiє гдикоє и обиду претрпити, него ли већу беду себи на вратъ привлачити. Два лешньика орау су войска, вели пословица. Што маримъ за тога, не аємъ за онога, докъ іи се накупи сила, пакъ онда: што ћу садъ! Слабіи якому, кадъ ій є много, често досаде. Паметанъ ни у най-

слабіему не жели себи имати непріятеля; ко зна што носи данъ што ли ноћь? Болѣ є имати сто доброжелателя, него ли єдногъ злохотника: гортань сладакъ умножаєтъ други, вели Соломонъ, а сладка речь гвоздена врата отвара: ово є наше. По вышой части изъ самога зла обычая быва, да многій себе за мале ствари, за саме бездѣлице, за неразсудну шалу, за напраситу речь, за печенѣ и коєкакво неподобно и непристойно мицанѣ устна и лица, кодъ добры людій у омразу мѣе. Но малена є вещь, вели! ако ће најманѣ быти, што не валя, не валя. Мува ако и не уєда, а често на образъ наскакує, досади намъ; боцанѣ буве нити убія нити трує, али опетъ никомъ ніе мило. Учимо дакле децу изъ младости разсужденію, и даймо имъ на то у себи примѣръ.

94.

МЕДВЕДЪ И ЦИГАНИНЪ.

Медведа питома у ланцу држаше циганинъ и вођаше га по пазары; гди чинећи га играти, добываше своє препитаніе. Почне медведъ молити циганина, небы ли му како могао начинити рогове, говорећи да бы му врло лепо стаяли, навластито, кадъ се дигне те игра на две ноге. То може быти, одговори циганинъ, али валя зато да дашъ себи одрезати уши; Уши? рече медведъ. Поћути мало и промыслисе; кадъ не може иначе быти, рече, а ты айде некъ иду уши. Стисне зубе сирома и заєчи, али претрпи; оде оный,

нађе некакве рогове, пакъ ето ти га съ свр-дломъ и сикиромъ: добро да носишъ рогове, вели му мећедъ, а нашто свpдао и сикира? Како нашто? да ти пробушимъ чело и набіємъ рогове. Да ми пробушишъ чело? како ћешъ ми бушити чело? Бушиле ти вране очи! Иди безтрага, на часть ти рогови, носи іи самъ, я іи нећу. Хе, я лудъ и трипутъ лудъ, ніє ми жао люте болѣтице што самъ претрпіо, него што садъ морамъ безъ ушію одити!

Наравоученіе.

Басна не само што є смешна, него намъ дає кратку али лепу науку, да нико не жели оно што ніє за нѣга; да не товари на се што не може понети, да се не чини оно што ніє, и да се не меша у оно што не зна и ніє кадаръ. Многи у умѣреному состоянію доста су се вредни показивали, нити су ружну фигуру чинили, но незадовольни съ тимъ хотели су, што но Латіни веле: per fas et nefas, а наши веле съ Богомъ или съ врагомъ, на выше, пакъ онда што? Осрамотилисмосе! Некъ придодамъ овде и то: доћи ће блажено време, кадъ ће и Албанези на ньіовомъ єзику кньига имати. Но они кои буду ово лепо дѣло на се узимати, то єсть за пречестно и предраго общество што нибудъ писати, нека добро гледаю шта ће свету давати. Садъ на различны учены єзицы могу се имати, не на стотине него на хіляде, преизрядне кньиге! зато онде гди се може избирати, паметанъ избира што є болѣ. Свакъ сосудъ на оно заудара, шта се у нѣга сипа; ако є вещь благовонна, мирише, ако ли зловонна, а онъ смрди: болѣ є што

не знати, него наопако и зло знати. Сви учени люди врло добро знаду колика є мука, и да се на стотине година време изискує, за искорени-ти изъ єднога цѣлога народа нека луда, суєвѣрна, и человѣческому роду вредителна мудрованія, коима су се съ матернимъ млекомъ задоили и напунили, и коя су имъ се у крвь и у мозакъ замесила и претворила. Ласно бы было научити люде ономъ што незнаду, али некдеръ се нађе, ко ће іи одучити одъ онога што знаду; што ніє могуће, ванъ да бы свемогућій Богъ чудо хотео учинити. Зато одъ деце валя добро починяти; овде се то може учинити безъ свакога чудотворенія, правымъ єстественымъ начиномъ. Ево браћо моя іопитъ єдна ствaрь, не знамъ, єли чуда или сіясета достойна: Међу исты просвештены народы, има людій, кои савъ животъ свой съ кньигама проводе, пакъ се неки одъ ньи наоде такови, да оно што су найпре научили, и себи єдномъ здраво у главу завртили, ако ће быти криво, мрачно, неразумително, очевиднога противорѣчія пуно, и на кратко рећи са свимъ absurdum, то єсть безсловесно, они се тога држе као слепацъ плота. А зашто? Ни зашто друго него само зато, єръ су то найпре чули и примили. Предлаже имъ се друго чисто, ясно и незлобиву детету ласноразумително, коє да оћею могли бы опипати и познати: нећею, него стои іи вика на све што є ново, горе него на бесна куряка. Дакле учени и благоразумни у народу, знаюћи да ће Богу и будущимъ родовомъ отвѣтъ страшанъ давати, некъ не пазе ни комъ атара, и нека се не боє нити стиде божіє истине и правде, нека говоре безъ пристрастія, нека бодрствую, какове ће се кньиге децы давати; а оки кои незнаду, некъ ћуте, ако оћею да су

поштени. Ноћь пролази, данъ се приближава: иде Видовъ данъ, видићесе ко є ВЂРА ко ли є НЕВЂРА! мы пролазимо, алъ иду други после насъ; ко не мари за последакъ, о ономъ овде ніє речь.

95.

ЖЕНА И МУЖЪ ПЯНИЦА.

Жена имала піяницу мужа, и свакояко се мучила, совѣтуюћи га и увѣщаваюћи, да се остави піянства, чрезъ коє, данъ по данъ потире не само домъ свой, но и здравлѣ и паметь и душу и тѣло. А кадъ већь види, да све то ништа не помаже, како га упази єдномъ да се отреска, опіє и легне као мртавъ, да га однети у єдну гробницу, пуну костію, и кадъ разсуди да се є могао наспавати и отрезнити, доће гробницы на врата, пакъ стане куцати; пыта онъ, ко то лупа? я самь, одговори жена съ претворнымъ гласомъ, што мртвимъ єло носимъ! кадъ овый почне у мраку око себе пипати; има шта наћи! главе и кости мртвы людій. Али што онъ ає за све то, него каже іой управъ: ко мари за єло, нека ти отвори, мени донеси што пити, ако ћешъ да ти я отворимъ!

Наравоученіе.

И ово є противъ зла обыкновенія, буди у пићу, буди у каковомъ му драго злу дѣлу. Зато нека деца овый стихъ Овидіевъ добро науче, и

некъ се болѣ ньимъ ползую. Principiis obsta; sero medicina paratur, cum mala per longas convaluere moras. Почетку противстой; позно се лекарство готови, кадъ се зло, чрезъ дуга усили закаснѣнія. Кажу наши у Далмаціи, да се надъ єднымъ піяницомъ упали куѣа, вичу люди споля: воду! А онога изнутра стане вика, не идите ми съ водомъ на очи, да вамъ божићъ на зло не дође! вина мени! Али да ко не рече, да я само за смей и шалу пишемъ, приложи ћу нешто мало, како Инглезскій Сократъ, то єстъ Адизонъ прекрасно доказує, каковый союзъ овдешнѣ обыкновеніе съ будущимъ имаде блаженствомъ. (дѳе стеть аф блисъ, уи каалъ хевень, уилъ нашь би кепеблъ аф афектин дѳоозь майндсъ, уичь еръ натъ квалифайдъ фарьитъ; уи мостъ инь дисъ уарлдъ геень е релишь аф труѳь ендъ верчу, уичь єрь ту мекъ осъ хепи ин дѳе некстъ) Состояніе блаженства, што мы зовемо небо, неће быти способно дѣйтвовати у оны умовы, кои нису приучинѣни зато; мы морамо у овоме свету добыти єданъ вкусъ истине и добродѣтельи, коє єсу за учинити насъ благополучне у ближнѣму. Не обычаватисе на зло, ово є отрицателно добро, зашто само ово, іоште насъ не чини да смо добродѣтелни, него насъ само чува да нисмо зли: а обычавати се на добро, ово є утверждателно добро, зашто ово насъ чини, да у самой вещи бывамо добродѣтелни.

96.

КРТИНА И МАТИ НЂНА.

Мала кртина почне єдномъ говорити матери своіой: Мамо! я видимъ смокве; пакъ опетъ: мени замириса тамянъ! А за тимъ, мамо! я чуємъ музику! Онда іой она одговори: моя ћерко! Тога ништа нейма овде гди смо мы; но како я видимъ, теби се покваріо мозакъ, кадъ ты чувствуєшъ оно што ніє.

Наравоученіє.

Ово є за оне, кои себи воображаваю да знаду оно што незнаду. Да незнамо, што нисмо научили, то є природно свакомъ: али да себе издаємо за учене, у чему нисмо, ово не иде управъ. Сви мы можемо неке ствари знати, а неке незнати, но разуманъ разпознае што зна, одъ шта незна; и нимало не сумня, кадъ бы могуће было, да хіляду година живи, све бы се имао чему учити. Оно што самъ я чуо одъ Карамустафаге, такова є важна истина, да є сви філософи морају припознати; то єсть да є самъ Богъ безъ уштрба; пчели и мраву и найманьимъ црвкомъ єстество є дало знати, безъ никакве науке све што имъ є одъ потребе. Самомъ човеку Богъ то ніє дао, зашто є нѣгова премудрость нами за болѣ судила, да се мы одъ други учимо, не само одъ людій него и одъ пчеле и одъ мрава; и тако, ко у овоме слѣдуе уставлѣнію творца, онъ се свагда учи, и данъ по данъ и больій и разумніи быва: а ко се леньи или се поноси, или се стиди што одъ другога научити, а онъ остае

стражньій. Иже не собираєтъ сомною, расточаєтъ, вели нашъ Спаситель, ко самномъ не сабира и не добыва, онай трошн, сиречъ губи и оно што има. А шта се съ Хрістомъ сабира? новцы? Не, онъ нити є сбирао нити є имао новаца, но онъ говори за разумъ и добродѣтель. Ходите по свету, да васъ не облада помрчина, учи насъ; светъ є просвештеніе душе и разума, а помрчина є глупость, невѣжество, и безъ свакe науке лудо варварство: ко не уме разумно мыслити, како ће што разумно и паметно дѣлати? Нема горы людій, вели Бако Веруламіусъ, одъ оны кои се просвештенію и науцы народа противе, такови да могу сунце бы угасили. Случи ми се у црной Гори читати у некой кньиги, да одъ свію знаня, найболѣ є човеку знати, да ће поћи съ овога света съ добромъ совѣстію, кадъ є у обществу, у кому є живіо, свою дужность совршено исполнявао: по обычаю кажемъ то Владики Василію, єръ бы ме онъ свагда пытао, шта самъ читао. Сутра данъ одемо на ручакъ у манастиръ онога истога Игумна, съ кимъ самъ се о дуги приговарао; овде за испунити епіскопову волю, опетъ упытамъ Игумна, шта є найболѣ знати? А овый нимало не мыслећи нама' ми одговори: вѣра ти божя, ако и то не знашъ, башъ си правый ћукъ! найболѣ ти є знати, да имашъ новаца у кеси, а найгоре, да неймашъ! загрми трапеза одъ смея: мени є пало на умъ да му речемъ: а како є, кадъ имашъ у кеси а неймашъ у глави? Али самъ премучао, знаюћи, да ко нема у глави, онъ мысли да има выше него сви други. А Игуманъ дичећисе пыта намесника: єсамъ ли му како одговоріо? Майде (отвеща онай) имаће, гди годъ дође шта повѣдати! Онъ мысли, гди мы не читамо коєкакве кньиге,

да мы ништа не знамо. Ево овакови люди кадъ што смешно знаду казати, мысле у себи, да све знаду; и мораю тако мыслити, зашто неимаю никакова понятія о ономъ што незнаду. Природни у ньима лепъ разумъ, остроуміе прекрасно, али є све то како добра земля, но безъ руку землѣдѣлца дивя. Нека имъ се даде наука, быће украшеніе человѣческога рода. *Σοφία μόνη τῶν κτημάτων ἀθάνατον, τὰ μέν γὰρ ταχέως ἀπολείπει, ἡ δὲ πάντα τὸν χρόνον παραμένει.* Мудростъ є сама одъ свію имѣнія безсмертна, ибо ова брзо насъ оставляю, а она у све време съ нами остає. Исократъ къ Димонику. А Іисусъ Сирахъ вели: Аще узриши премудра, утренюй къ нѣму, и степены стезъ єго да третъ нога твоя. И мало пониже, оный првый къ Димонику говори: срамота, да трговцы толика мореплаванія подносе за стећи имѣніе, а млади люди ни по суву да неће да путую, за по болшати умъ свой!

97.

ЗМІЯ И ПИЛА.

Зміа уће ноћу у єдну ковачницу; тражећи ту што за єло, наће пилу и почне є лизати, окрвави єзикъ; но мыслећи да є та крвь изъ пиле, не престане лижући, докъ себи савъ єзикъ не излиже.

Наравоученіе.

Ово се догађа онима, кои, са свои змійски єзицы науку и просвештеніе Народа злослове, клеветаюћи и посмеяваюћи имъ се, мысле да ньима вреде; нити знаду бѣдни, да ће пре своє єдовите єзике изтрети и у ништа обратити, него ће науцы наудити. Кадъ се ньове кости у пра обрате, она ће цветати и побѣдную пѣсань пояти, єръ она у Богу почетакъ има и съ ньимъ вѣковѣчно вѣкує. Глупость, варварство и лудо невѣжество, могу за неко доба на высоки престолы седити, круне златне на главама носити, и добродѣтель удручавати; но време, коє є свачему пила, ньове ће престоле и съ ньима заєдно у прахъ обратити, и на ньовимъ истимъ развалинама, наукама мудрости и добродѣтельи Академіе и царске градове воздвигнути и утвердити. Єзикъ безумнога што ніе кадаръ рећи? Вели да ни Бога нейма! Како и зашто? Растлѣта въ начинаніяхъ своихъ; ево како! Єръ безуманъ нема добродѣтельи у срцу своме. Пакъ што му быва? За неко време препознаєсе и узвыси као кедаръ на Ливану, но мало по томъ, докъ само мимоиђо, алъ етоти га нестаде! нитъ му мѣста ни трага остаде.

98.

АПОЛОНЪ И ЧОВЕКЪ ЛУКАВЪ.

Пре хрістянства Аполона су Грецы држали за Бога, кои бы имъ на неизвѣстна пытаня одговоре давао и будущая предказивао. О-

воме Аполону дође єданъ лукавъ братъ за искушати га, носећи врабца подъ япунцетомъ; и упыта га да му каже, ако зна, єли врабацъ живъ или мртавъ, съ намѣреніємъ, ако рече да є живъ, да га на ма' стисне за вратъ и покаже мртва. Аполонъ познавши шта є онъ науміо, одговори му: то завыси одъ тебе, ако ты оћешь, врабацъ є живъ, ако ли ты нећешь, а онъ є мртавъ.

Наравоученіе.

Лукавъ човекъ све о лукавству мысли, валя се съ ньимъ добро узети на паметь; онъ и кадъ спава све о лукавсту саня: нѣгови су посли тако замршени, да ко га се добро незна чувати, на коюу се годъ страну окрене, наћи ће се у нѣговой мрежи. Остроуміє и хисрость на добро окренути, и на общу ползу употребити, то се зове мудрость: а кадъ се на пакость и на зло другима употреблява, тада є лукавство, за коє стои написато: ровъ изри и ископа, и паде у яму, коюу є начиніо. Лисица є лукава, али іой се многе коже продаю. *Σαυτῷ κακὰ τέυχει ἄλλῳ κακὰ τέυχων; κακὴ δεβουλή τῷ βουλέυσαντι κακίςη.* Себи зло кує, ко га другомъ кує; и зао совѣтъ, совѣтующему є найгорій.

99.

МЕДВЕДЪ И МАЙМУНЪ.

Медведъ се фаліо да є онъ добре нарави, зашто никакву животиню мртву не єде; на то

му маймунъ одговори: ако оћешь ты да си добаръ, у живе ты не дирай, а съ мртвима чини што ти драго. На истый начинъ може се ово рећи и онимъ суєвѣрнимъ, кои одъ живы съ неправдомъ узимаю, а мртвимъ за душу даю.

100.

ОВАНЪ И ЄЛЕНЪ.

Овну се досади подъ властію пастира живити, и тако, како получи способно време, одустане одъ стада и удалисе у планину. По случаю, намѣра га намѣри на єдногъ здравогъ єлена, кои се удиви редкости приключенія, то єсть, видити овна усамлѣна у гори; запыта га учтывымъ начиномъ, одъ кудъ тако, и далеко ли мысли. Каже му ованъ све чистосердечно што є науміо; тужећисе на пастира као на мучителя, кои незадоволянъ што стриже овце и музе, него іи іоштъ продає и самъ колѣ и єде. Осменесе єленъ, и начне му беседити: кротка животиньо, послушай ты моє речи, я ћу ти ій, безъ икакве моє користи, само изъ пріятельскога благоохотства за твоє добро говорити: колико годъ пастири продаю и колю овце, опетъ ће ныій выше на свету быти, него кадъ іи стану куряцы клати. Ты видишъ моє рогове колики су? И млого већи и ячи одъ твои, и опетъ, да ме честократъ ноге одъ куряка не спасу, ништа ми небы рогови помогли. Овце безъ

чувара и пастира, то є толико колико да ии ніє; а ты ако мой доброжелателный совѣтъ не послушашь, и не вратишсе съ мѣста къ стаду, ты ћешь съ твоіомъ погибелію, како те првый курякъ сусретне, мои речій истину познати. Онда му ованъ зафали, и са всевозможнымъ скоротеченіємъ дође у стадо.

Наравоученіє.

Люди безъ подчиненія, безъ Владѣтеля и безъ крепки закона, пре или после мораю пропасти; и што є горе, сами су себи куряцы. Гди оће свакій да заповеда а да не слуша, ту ко є ячій онъ є и старіи, а безъ добра воспитанія и безъ науке, кои є ячій тай є и найгорый. Владѣтель безъ нуждног вѣжества и мудрости низриює у пропасть погибели оне коима влада, и себе съ ньима заєдно.

101.

ЗЕЦОВИ И ЛИСИЦЕ.

Зецови обяве войну орловомъ, пакъ пошлю звати на помоћь лисице; а ове имъ одговоре: кадъ будете имали войну съ кокошима, онда ћемо вамъ мы помоћь дати, єръ ту знамо да ћете и вы шта моћи исправити. Добро валя сматрати, съ кимъ се ко вата; зашто, у чему ко ніє кадаръ найпре самъ себи помоћи, нека се на туђу помоћь врло не осланя.

102.

КОСЪ У КАВЕЗУ.

Косъ у кавезу не оћаше обданъ пояти, но само преко ноћи. Упытаю га, зашто то чини? обданъ поюћи уфатили су ме, одговори онъ, зато самъ се одъ тада научіо памети. Безвремено и касно, добра косовицо, реку іой, садъ слободно по васданъ пой, немашъ се већь чега бояти.

Наравоученіе.

Παθῶν δε νήπιος ἔγνω кадъ пострада манитъ, онда зна, вели Исіодъ; после боя съ коплѣмъ у трнѣ. Прародителный грѣхъ, што но зову, ништа друго ніе него незнанѣ; само, дай да разсудимо ово, пакъ ће намъ ова вещь ясна быти. Кадъ се ко да или одъ другога обманути, или се самъ собомъ превари, онъ то не чини нити изъ злобе нити изъ лукавства, него изъ недостатка или изъ недовольногъ проницателства ума, а то є исто и незнанѣ. Наши дакле прародительи у свомъ првомъ состоянію беззлобія нитъ су злобе ни лукавства познавали; доће вели змія и облести Еву, а ова са свомъ неизказаномъ своіомъ любовію къ мужу свому прелащена будући, преласти и нѣга. Ныово непослушаніе са свимъ є основано на незнаню; єръ да су они знали шта ће се изъ тога родити, небы се преварили; ево дакле, како є незнанѣ првый прародителный грехъ. Што велимо да се сви люди у прародителномъ греху раћаю, то ако оћемо разумно да толкуємо, ништа ніе друго, него незна-

нѣ, єръ сви што насъ є годъ на бѣломъ свету, кадъ се родимо, ништа не знамо. Мы кадъ велимо да за грехе наше страдамо, то толико значи, да за наше будалаштине и незнанѣ злопатимо; за то и Фарисеи слепороѣномъ веле: ты си се савъ у греху родіо, то єстъ не само у незнанству као и други люди, него іоште савише и слепъ. Ко се глувъ роди, мора немъ остати, зашто не чуюћи речій не може іи ни научити; а кадъ бы се овакій іоште къ тому и слепъ родіо, шта бы онда научіо? Ништа. Кадъ велимо да насъ є нашъ премудрый Спаситель избавіо одъ прародителнога греха, ништа друго не велимо, него да насъ є освободіо одъ незнаня, да насъ є извео изъ таме у светъ, да намъ є дао право Бога познанство, и да намъ є показао, не само съ своіомъ наукомъ него и съ своимъ примѣромъ ПУТЪ къ совершеной правди и добродѣтели, то єсть къ Царству небесному . Одкупіо насъ своіомъ пречестномъ крвлю, како иначе? разве ако познаємо ону истину, и ако слѣдуємо онима добродѣтелма, за коє є онъ не само изагнатъ, псованъ, поруганъ, поплюванъ и бієнъ быо, него и найпоследню каплю крви своє изліо. Ко годъ дакле вели, да є Хрістосъ за нѣга свою кровь проліо, а онъ се истине бои, на ню мрзи и гони ю, за привремену користь лицемѣрствує и лаже, трбу и сласти своє правди и добродѣтельи предпочитава, у глупомъ суєвѣрію, у лудомъ тврдоглавству и самовольномъ незнаню лежи и остає, онъ се ужасно вара, и у прародительномъ греху, то єсть у незнаню своєвольно остає. Ако ли є ко пакъ много ученъ, искусанъ и остроуманъ, а зао, пакостанъ, лажльивъ, онъ є подобанъ єдномъ, кои види, чує и говори, али кадъ му є покваренъ мозакъ, све му є оно за луду;

злоба, покварено срце, и развращене нарави лю-то ослепляваю човека, и не даду му знати оно што є найнужніє и важніє, то єсть добродѣтель, безъ коє, сва наука, остроуміе и вредность на зло се употреблява и преокреће; зато дакле, предра-га юности! Учисе, вразумлявайсе, и умудравай-се; али у исто време, сва твоя наука, разумъ и мудрость, исте твоє игре и забаве, нека су неот-лучно свезане и соєдинѣне съ честностію, и съ добродѣтелію, безъ кои добро знай, да найвећа мудростъ ништа ніе друго него найвећа и край-ня слепота и лудость. *Μισῶ σοφιστὴν ὅς τις ἐχ' ἀυτῷ σο-φος.* Мрзимъ мударца, кои себи ніе мударъ.

103.

ЛОВАЦЪ И ДРЕВОСЕЧАЦЪ.

Ловацъ здраво вооружанъ хоћяше по гори за ловомъ; упази изъ далека древосѣчца, и за показати му се да є юначина, упыта га, зна ли гди кою пештеру гди лавови стоє. Иди све томъ путаньомъ, каже му оный, пакъ ћешь брзо къ єдной доћи: а кадъ овый то чує, Ха Ха! нешто самь заборавіо, рече, пакъ бѣж' натрагъ. Ово є за оне, кои кадъ стану го-ворити, страота іи є слушати, шта они нису кадри ређи и исполнити, а кадъ се къ дѣлу доће, а оно смућкай па проли; а Грецы ве-ле: тресусе планине, родиће се мишъ.

104.

РИБАРИ.

Рибари извлачећи мрежу изъ рѣке, осете да є врло тешка; почну викати и скакати одъ радости, ублажаваюћи данъ и срећу свою: а кадъ єдва извуку мрежу, нађу у ньой на место рибе великачакъ пань, и мрежу сву изкидату; онда почну псовати и проклињати таку срећу: немойте браћо! рече єданъ одъ ньій; вы добро знате, да су радость и скорбь две сестре, коє єдна за другомъ долазе: вы сте се мало пре одвећь радовали, време є да мало и поскорбите.

Наравоученіе.

Прекрасна наука дає намъ се овде, да себе у свачемъ умѣравамо, у благоденствію да се не гордимо, нити пакъ у злополучію да се очаявамо. Ко бы радъ да є свагда весео, подобанъ є детету коє, како се наєде, ни зашто друго не мари, него да му се играти, єръ детинска пameть ніє кадра за последакъ мыслити. Трудитисе и мучити да што научи, то є нѣму неугодно и противно, нити оно мари да зна, да кадъ доће старость, пыта, гди ти є младость? На истый начинъ и човекъ, кои ништа друго небы радъ него само да є ситъ, у сласти и веселю, онъ мора мыслити, да є само за овый животъ создатъ, као и остала животиња; а иначе бы се здраво замысліо, кадъ бы му пало на умъ, да ће га онамо пытати, шта є овде чиніо? Но башъ кадъ бы были само за овый животъ створени; опетъ непрестан-

но веселѣ, нити намъ є могуће нити што валя. Свагдашнѣ почиванѣ безъ никаква посла и труда, не само што нейма у себи никакве пріятности, него є и савыше смрдльивъ животъ. Ко себи никада неда огладнити, не само што не чувствує, какова є сладость хлеба, но іоште къ тому сва єла што силомъ трпа у се, нѣму су отровъ. Ко никада ніє чувствовао горесть скорби, онъ ніє кадаръ ни праву сладость радости чувствовати; ко хоће да є нѣгова радость словесна и разумна, а не само чувственна и скотска, онъ се мора за многе ствари скорбити, старати и трудити. Давнашньи Еллини, и неимаюћи такова чиста понятія о вѣчномъ животу, какова мы имамо, само за оставити поштено и славно име за собомъ; послушаймо Еврипіда како су мыслили и говорили: *εἰη δὲ μοι γὲ μήτε χρυσὸς εν' δόμοις, μήτ' Ὀρφέως κάλλιον ὑμνῆσαι μέλος, ἢ μὴ πίσημος ἡ φήμη γένοιτό μοι* Нека ми нейма ни злата у дворови, и одъ Орфеа лепшу некъ не поємъ пѣсну, само знаменито име некъ ми буде! Пытаю младога Ѳемистокла нѣгови врсницы, зашто є постао тако замышлѣнъ, и одъ сви забава и веселя престао? кои є узрокъ толике промѣне? Ахъ браћо! одгори разумный младиѣ, Милціадове побѣде ни спавати ми не даду! Навластито, у садашнѣ просвештено време, кадъ се самый Цесарь толико труди и знои, нити довольно сна себи дає, за дати царемъ прикладъ како се царствує; може ли ко тако худо мыслити, да є само за трбу на овый светъ дошао, и да є на какво достоинство возведенъ, само да може вѣма тѣло своє упокоити и насладити? Пролазе и пропадаю она времена мрака и варварства, кадъ се є сва слава и величество у коньи и у интовы држала и наодила. Садъ се овый обычай уводи, и овакій законъ узаконява: Колико ко ве-

ћу честь одъ общества жели и изискує, толико више валя да се труди и да се стара да є заслужи. Радость и скорбь две су сестре, вели наша басна, сад̀ъ да видимо, коя є одъ ныій паметнія. У радости и благоденствію човекъ заборавля себе и Бога, а друга сестра што чини? Помянухъ Бога во скорби моєй, и возвеселихся, вели Пророкъ. Ніє ли ова паметнія? Премного! Творацъ премудрый таково є расположеніє у єстеству учиніо, да найчувствителніє сладости чувства найкраће су; за колико осећамо сладость єла и пића? Само докъ намъ крозъ грло прођу, пакъ ту ти имъ є конацъ. Свака радость, у коєй срце, разумъ и душа участія нейма, безловесна є, и како брже доће, тако є и нестане. Напротивъ чиста совѣсть и блажено спокойство срца, тако су тихе вещи, да се єдва чувствую; али могу пребывати съ нами, докъ смо годъ живи, и на самой смртной постельи не оставляю своє любителѣ. Сладость пакъ и радость, коя се у благотворенію и добродѣтельи наоди, она є са свимъ чрезєстественна; (нека добро ово примѣтимо) Добрый човекъ, башъ и кадъ страда и злопати за свою добродѣтель, и тада се радує и весели; (ако є само нѣгова добродѣтель нелестна и права) ова радость мора быти вѣчна, како є и самъ Богъ вѣчанъ, у коме она свой изворъ и почетакъ има.

105.

СТАРА ЛИСИЦА И КУРЯКЪ.

Стара лисица сретне куряка; овый се залети на ню, а она га почне молити, да не дира у ню, бѣдну стару, коя нейма ништа него кожу и кости. Ако ми кажешъ три истине, рече іой курякъ, коє ћу морати вѣровати, пустићу те. Прво, одговори лисица, проклинѣмъ часъ, кадъ самь те сусрела. — — Добро, то ти вѣруємъ — — Друго, ако те другій путъ сретемъ, желимъ да те слепа сретнемъ — — и то морамъ вѣровати, — треће, да Богъ да да пропаднешъ и да те нестане, да те я ни слепа выше не видимъ. Насмеєсе курякъ, пакъ є пусти.

Наравоученіє.

По вышой части людма истина ніє мила, зашто нису такови, какови се чине. Ако намъ ніє драго, да се говори о нами да смо какви смо, срдимосе на себе зашто смо таки? а не онакови, за какове бы ради да насъ люди држе и проповедаю. Ако ли насъ пакъ ко изъ злобе, зависти или незнаня оговара, и туђа парчета нами пришива; кадъ мы само знамо да онъ лаже, или да се вара, то є нами доста, на часть му нѣгова лажь; а завистъ и злоба найвише мучи онога, кои є у нѣдры носи. Давно є речено: ко ће свету уста запушити? Ово ніє могуће: а да сами себе исправимо, и да будемо добри, ако желимо за добре почитовани быти, ово можемо, о овомъ дакле да се и старамо. Нико ніє толико богатъ,

за подмитити цѣлый народъ, да не говори оно што мысли. Правда, да другда лажь отме ма, и чинисе као да надвлада истину, но небоймосе, лажь кадъ годъ буде, она мора пропасти. Али ће рећи ко, учтивостъ изискує да се свагда не говори оно што єстъ, и оно што ко мысли: то се зна, али противъ тога кадъ се о исправленію человѣчески нарава говори и пише, валя право казати, да є много болый оный народъ кои поштенѣ, правду, истину и чистосердечность люби, него ли оный, кои све ове божественне добродѣтели спрама учтивости за ништа држи и попире. Што бы было одъ характера оны людій, кои бы за законъ узели, да за любовь къ учтивости и къ худимъ коплиментомъ валя лагати, као црвъ по блату милити, и у све време живота взаимно варатисе и заслеплявати? Учтивость кадъ произходи изъ доброхотна, человѣколюбива и благородна срца, лепа є, красна и общеполезна добродѣтель; а кадъ излази изъ худа, притворна, лукава и лажльива срца, онда є и сама сгадльива и непотребна. Не браћо Србльи! Гди сте годъ, немойте да се о вами рече оно, што є Солонъ некимъ у своє време говоріо: *ὑμῶν δ' ἓις μὲν ἕκαστος ἀλώπεκος ἴχνεσι βάινει σύμπασιν δ' ὑμῶν χᾶυνος ἔνεστι νόος, εἰς γὰρ γλῶσσαν ὁρᾶτε καὶ εἰς ἔπος αἰόλον ἀνδρὸς εἰς ἔργον δ' οὐδὲν γιγνόμενον βλέπετε.* Одъ васъ свак' до єднога лисичіимъ трагомъ ходи, и у свимъ вамъ што васъ є годъ, слабъ се наоди умъ; ибо на єзикъ гледате и на речь шарену мужа, а на дѣло никакво што быва не сматрате. Но ово што ћу садъ рећи, добро знаймо! Ніє могуће да є човекъ управъ добаръ, а да ніє у исто време и учтивъ; нѣму є природна и свойствена учтивость, какогодь тѣлу сѣнь: разсудимо само. Учтивость є, да у обхожденію другъ другу угодни и пріятни бывамо: садъ, онай кои є свагда готовъ и радъ

свакомъ по сили своєй помоћи и добро учинити, єли му могуће да безъ узрока и радо, кога либо речма увреди и озлоби? Нѣгово прекрасно и благородно срце, коє небы радо увредити ни мравка у трави, може ли озлобити слаба, сироту, дете или жену? Никако! Оваковый ни на што не може мрзити, разве на явно и општевредовито зло, а то мора, ако є управъ добаръ. А учтивъ и сладкоречивый комплименташъ безъ добра срца, ништа друго не чини него лаже. Шта ће нами и када помоћи слуга покорнѣйшій и понизнѣйшій, кои, кадъ намъ до неволѣ дође, неће се ни окренути ни помаћи съ мѣста? Помози ты брату, своме човеку у потреби, пакъ ты нѣму рецы постарински: добро дошао брате, и съ Богомъ пошао! Помози и помажи колико можешъ, и некъ се радує срце твоє помагаюћи. Зашто помоћи, то є божіє и божественно дѣло. Убога удовица, коя є за сиромашь два новчића дала, више є, по свидѣтелству преблагословеннога Спасителя дала, него ли сви богатцы, зашто є дала све што є имала. Славни характеръ єднога народа у томе се состои, да су сложни на добро, мужественни у потреби, вѣрни єданъ другомъ, послушни закономъ отечества, трудолюбиви, трезвенни, чистосердечни, правде и поштеня любителы, кои предпочитаваю честь привременной користи, и воле животъ изгубити него поштено име. Овакови су достойни имати просвештена надъ собомъ Цесара, зашто га умеду познавати и слушати, и заслужую не само нѣгову любовь но и почитаніе. Права любовь не може быти безъ почитанія, а истинито почитаніе нейма мѣста безъ добродѣтели. А добродѣтель изискуе здравый природный разумъ, кои кадъ се іоште съ наукомъ соєдини,

онда составла онай божественный вѣнацъ, кои краси и увѣнчава словесну душу. Изъ овога се види као сунце на небу, да нієданъ народъ нити є био нити ће быти славанъ, безъ науке и добродѣтельи.

106.

КОМАРАЦЪ И ВО.

Комарацъ стане волу на рогъ, пакъ мало почасъ рече му: ако самь ти тежакъ, а ты ми кажи, пакъ ћу отићи. Ти мени тежакъ? я те и не осећамъ, коликъ да те и ніе на свету.

Наравоученіе.

Ово є за оне кои о себи одвећь много мысле; човеку є одъ єстества усаћено своєлюбіе, а што є годъ одъ єстества, кадъ се само разумно и пристойно управля, добро є и нужно. Любећи човекъ себе съ разумомъ, одъ свакога се зла укланя и чува, желећи да му добро буде, мора добро творити; и зато у каквомъ се годъ состоянію и званію наоди, буди у землѣдѣлству, или рукодѣлію, или науцы, или у служби общества, одъ данъ до данъ къ већему совершенству силисе и тежи. Но ово разумно своєлюбіе валя отличавати одъ самолюбія, и чуватисе да се прво у второ не преобрати, што се врло ласно догодити може; пакъ онда човекъ самога себе почитујући и любећи, а за друге ни мало, или одвећь мало марећи, не само што се срамоти, не-

го и савыше, праведно негодованіе и мрзость другихъ на себе навлачи. Ако мы себе како надлежи любимо, за то исто и самцато валя да свакій трудъ, прилѣжаніе, и подвигъ употребимо, да насъ многи радо имаю, любе и почитую; а къ томе инымъ путемъ не можемо доспети, разве общество у коєму живимо, како себе, и гди надлежи, выше него себе почитуюћи, любећи, и о нѣговой общей ползи трудећисе. Разумно дакле своєлюбіе мати є добродѣтельи; а изъ лудога самолюбія раћасе свака будалаштина и злоба. Ко се одвећь фали, оный се завали, лепа пословица! оћешъ ли да познашь вели, ко є будала? ко се фали са своимъ истимъ будалаштинама. Єданъ Албанезъ яничаринъ доће у Босну, зна понешто србски, али мало, и хотећи да каже Бошнякомъ да є онъ страшанъ юнакъ, запыта ій, како се у Босни зове онай, кои чини све што онъ ће; огурсузъ, одговоре бошняцы. Ха море огурсузъ, да знате да самь я великій огурсузъ! каже имъ Албанезъ; валла и єси и быћешъ, одговоре други, смеюћисе. Кажу за два просяка да су се предъ єдны враты инатила, ко ће одъ ныій пре искати, онда старіи млаћему рече: ты што си юче постаю просякомъ, оћешь да се самномъ барабаришъ, кога су отацъ и дедъ просяцы были. Єсиль чуо? Ово се свакомъ мора видити смѣшно, но тако є самолюбіе, ослеплява насъ ужасно, и чини насъ да себе похвалюємо, онде гди бы дужни были окаяватисе и на сами себе срдитисе. Цѣли народи поносесе и фале съ враждомъ, съ мрзостію и съ гонѣніемъ, коя су ныови стари другима наносили, и тако свою децу истомъ враждомъ напояваю. Заисто крайнѣга, не велимъ посмѣянія, но сожалѣнія достоянъ є человѣческій родъ! колика зла страда, одъ ко-

и бы са свимъ свободанъ могао быти, да є довольно цаметанъ и праведанъ? Ругасе комшія комшіи, село селу, вилаєтъ вилаєту, и сви народи єданъ другому. А зашто? за слепо самолюбіє. Колико кратъ кадъ смо при трезвенной памети, стидимосе и срамимо сами одъ себе, похуждавамосе и да можемо поплювали бы се, како могосмо то рећи, или то учинити! Рекао бы као да су два срца и две душе у нами, єдна сва на зло склонћна, а друга сирота хотела бы нешто добро, али нейма власти, єръ є она зла сву силу надъ ньомъ преотела. Ово є што оный божій Апостолъ говори, аки за себе, но у самой вещи за человћчество: Видимъ, вели, другій законъ у удесћхъ тћла моєга, кои воює противъ закону ума моєга, и чини ме творити оно на што мрзимъ, и чега се морамъ срамити. Зато дакле, имаймо бодро око сврхъ себе, не даймо мћста у нами слепоме самолюбію; другъ друга честію болша себе творите, смиряй себе везнесется; и држимо ово за небесно изреченіє и законъ, да є онай найславніи народъ на свету, кои є найпоштеніи и найдобродћтелніи.

107.

МИШЕВИ И ПРАПОРЦЫ.

Мишеви нађу негде два прапорца, пакъ учине саборъ и начну се совћтовати, нашто бы іи употребили, да имъ полезни буду: неки реку, да іи привежу старешини на вратъ или за репъ, да му звече и чине поштенћ. Ста-

решина обаче зафали свима за такову учтивость и отмѣность; али у исто време одмоли одъ себе таково поштенѣ, съ коимъ небы се никадъ могао изъ рупе помолити, да га мачакъ не чуе. На последакъ падну на то умышлѣніе, да іи домаћемъ мачку привежу на вратъ; алъ ево неволѣ, неће нико на се да прими ову чудновиту експедицію. Стари шилю младе, а ови сви у єдно грло съ саклетвомъ утврждаваю, да они, дужно съ своимъ Старешинама высокопочитаніе никадъ и нипошто неће за леђа метнути, нити ће таково важно дѣло, коє онима принадлежи, на се узимати. Одложисе дакле овый посао до другога сабора, и тако остане и до данасъ.

Наравоученіе.

У свакомъ совѣщанію о предузиманю коєго нибудъ дѣла, прво валя разсмотрити, єли то возможно, и ако єсть, не отлагати; што годь мора быти данасъ, то є сутра у невреме. Мишеви нису посмѣянія достойни зато, што нису іошть мачку прапорце на вратъ обесили, него што су се о ньима невозможномъ дѣлу совѣщавали. При томъ не валя у слабость падати, и оно што є могуће, за немогуће примати. Многа су се общества у свы народы сачинявала, сва съ таковымъ намѣреніемъ, или подъ видомъ такова намѣренія, да ће свему народу добро какво учинити; пакъ мало помало составили су особито (да тако речемъ) тѣло у тѣлу и общество у обществу; а по томъ собственнымъ самолюбіемъ заслеплѣни, не само свою особиту користь общой ползи предпочтели су, него и са штетомъ и вредомъ великога общества и народа, своє су мало общество утвержда-

вали и обогаћавали, а велико варали, заслеплявали, и кадъ є до найпосле было, ногама газили, угнѣтавали и попирали. Такови су били Маги Персійски, Брамини Індійски, Бонцы Хинезки и Японски, Іерофанте Египетски, Ламе Татарски, Книжницы и Первосвештеницы Іудейски, и прочая! Ко бы икада, не само рекао, него помысліо, да ће наслѣдницы оны првы хрістянски пустиника и монаха, такови съ временомъ постати, да први у народу ишту да буду, а неки одъ ньій да ће живе люде за Хрістову (како они веле) вѣру пећи и на парчета сећи? Ово су само они кадри чинити, кои се одъ свега человѣческога рода одреку и одмету, и са свимъ шта су и одъ кудъ су произишли, забораве и изъ душе изгладе. Ево шта быва изъ раздѣленія людій, кои не валя да су разделѣни! зато о пречестно общество человѣческога рода, а навластито Сербскога, за кога я ово пишемъ, послушай ты гласъ человѣчества, светый гласъ єстества, а то ће рећи, гласъ божій! Не раздѣлюйтесе и не мрзитесе измећу себе, за цркве грчку и латинску; церковь є Хрістова, а нити є грчка ни латинска; него само гордость, и инатъ и злоба увела су ова имена, раздѣлила и омразила толике поштене и блага срца люде. И различни народи подъ єднымъ просвештенымъ и законнымъ царемъ, єдно су общество и фамилія, коима є отацъ, судія и архіпастиръ, Царъ. Управительи, судіє, официри, воинство, епископи, свештенство и сви народи, све є то єдно тѣло, єдна душа и єдно свето общество, коєга є свештена глава Царъ. Сва друга общества, коя себе разделюю одъ овога великога и светога общества, и кои се измећу себе само (као пустаіє на вашару) разумѣваю, и коихъ интересъ ніє всеобща отечества и народа полза, просвештеніє

и благополучіе, или некъ се врате одъ кудъ су изишли, сиречь у народъ, и нека гледаю како ће му быти на дѣйствителну ползу, или некъ траже себи мѣста гди нема людій.

Примѣчаніе.

Неће ми се нико чудити, што я о подобной матеріи толико говоримъ; ко зна, колико множество поштена иначе и избрана народа у Славоніи, Хорватской, у свой Далмаціи до Албаніе, злословесе и мрзе, само за бездѣлице. Оньый еде жабе и корняче и пуже, а печеномъ прасету нико и невештъ, єръ га сви радо єду. У светомъ Евангелію стои чисто и ясно написано, да што годъ у уста уоди, сиречь што є коме пріятно и што онъ може єсти, то га никадъ до века неће осквернити; него зле речи кадъ изъ уста излазе, оне скверне и погане човека. Али кадъ Богъ да те се послуша Евангеліе, онда ће пропасти они, кои су свой кавги криви.

108.

РИСЪ И ЛИСИЦА.

Рисъ састанесе негде са лисицомъ, пакъ нама' почне о своєй кожи говорити, дичећисе и поносећи каква є лепа, гладка и шарена! Кадъ годъ дођемъ, каже, на кои потокъ напитисе, не могу доста да се нагледамъ моє красне коже! вѣруй ми секо, да сто очію имамъ, имао бы шта гледати! Досади се већь

лисицы и догрди, све то пакъ опетъ то слушати, пакъ му рече: Кажи ты мени, мой брайко, имашъ ли ты толико разума и памети да учинишъ, да та кожа на вашаръ не дође? А безъ тога, колико є она лепша, толико горе за те! Моя нити є лепа нити шарена као твоя, но ништа манѣ, свакій ми часъ глава на концу выси, а ради чега? Ради коже?

Наравоученіє.

Одавде нека себи узму прекрасну и преполезну лекцію девойке, а наипаче оне коє мысле, да су лепше него друге: нека се изъ младости не залуѣую у свою мниму лепоту, добро знаюћи, да колико су лепше и присталіє, ако не буду имале довольно памети, благоразумія, стида и честности, толико горе за ньи. Свакъ се лакоми на лепу ружицу, а како увене, и не обзиресе на ню, бацa є подъ ноге. Лепота є самый видъ, кои данасъ єсть а сутра ніє; а добродѣтель є онай мирисъ, и прекрасно благоуханіє, коє не оставля човека не само у старости, него и по смерти. Она є дѣвица управъ лепа, коя є разумна, трудолюбива, вредна и поштена, и коя жели само єдному лепа да буде, но лепа и у самой старости; а ово лепота не дає, но взаимна любовь, света верность и добродѣтель. Бѣдна, худа, и срамотна є вешть, видити здраву читаву жену, коя ни о чемъ не мысли, него о безпослицы, о шпациру, о огледалу, и хальинама, као да є бездушна лутка, а не разумна сатварь, съ словеснымъ обдарена духомъ. Всеконечно растлѣніє поштены обычая наводнява и потоплява єдно обштество, гди се жене изъ младости безпослицы, раскошу, без-

стидію, злонаравію, и суєтнимъ украшеніяма науче и предаду. Жена мудра и добра, окренуће мужа свога на добро, ванъ да є сасвимъ скотъ; а зато она, коя є паметна, гледа за кога ће поћи, и мужа себи жели и вѣрна друга, а не луда ветреняка и цифраша. Честной и разумной жени, нико іой ніє добро дошао, кои іой доће улагиватисе, говорећи іой да є лепа, и предъ ньомъ посмеяваућисе другимъ женама коє ту нису. Женскій полу! Предраге кћери! Сладке сестрице! Миле любезнице! Пречестне и свете родителнице человѣческога рода! Вы међу хрістіяны нисте у затвору као худе робинѣ, свободне сте, повелителнице сте; употребите само на добро вашу свободу и вашу кротку и сладку власть! Све о вами зависи; ако вы будете поштене, вредне, благонаравне и просвештене, и ваша ће деца быти, ако имъ само вы будете богинѣ мудрости, како сте имъ и рожденія. И тако цѣлый ће се народъ чрезъ васъ просветити и прославити, и тада быће вами честь и слава и поклоненіє во вѣки вѣковъ, аминь.

109.

РАСТЪ И ТРСКА.

Растъ силнымъ ветромъ изкоренѣнъ и оборенъ, падне у рѣку; почне га вода носити покрай трсака, онда онъ упыта трске, како то быва, да оне танке и слабе, при найвећи вѣтровы остаю на своммъ мѣсту, кадъ силни растови ломесе и падаю? Мы се крепчіимъ и ячимъ

одъ себе не противимо, одговоре трске, него се укланямо кадъ на єдну кадъ на другу страну, и тако остаємо читаве; а вы велики, противстоєћи силніимъ одъ себе, ніє чудо да падате и сокрушаватесе.

Наравоученіє.

Господъ гордимъ противится, а смиренимъ даєтъ благодать. Не разумевасе овде да човекъ до саме худости смиренъ мора быти, него да є разуманъ, и да зна чему и кадъ є потреба противитисе, гди ли пакъ и предъ кимъ смираватисе и покарати: єдно и друго, у невреме, быва погибелно. Ово намъ лепо каже наша стара пословица: нити буди овца међу куряцы, нити курякъ међу овцама. Како цѣло общество, тако и свакъ по насамо кадъ се съ здравымъ разумомъ и мудрымъ совѣтомъ не управляю, нуждно мораю злопатити и пропадати. Обстоятелства се случаваю многочисленна и различна, нити є могуће свима правила предписати; но ово є поглавито и всеобще правило, да се свако общество стара, искусне и добродѣтелне поглаваре имати, съ коима у потреби да се совѣтує и да іи слуша: а свакъ по насамо некъ се не стиди одъ разумны совѣтъ искати и примати, и нека добро гледа, зашто неразумни злопате, зашто ли паметни добро стоє и мирно живе. Не желимо да смо свуда зейтинъ на води.

110.

ПУТНИЦЫ И ТОПОЛА.

Путницы на врућини дођу подъ велику тополу у ладъ, и ту одпочину; а полазећи реку: штета да тако велико древо неплодно и безполезно тако стои! Видите ли, какви сте вы неразсудни и неблагодарни люди! Мене, коя самь васъ у моей сѣни упокоила и прохладила! коя вамъ у зиму дрва за греянѣ даємъ, и грађу за домове ваше, безплоднômъ и неполезномъ наричете! Низашто ли не мыслите него за трбу? Вы мыслите да сте сами на свету: но знайте, да кадъ бы очи ваше могле видити, вы бы се ужаснули, колико се миліона животны само съ моіомъ кожомъ ране!

Наравоученіе.

Велико ће добро роду Сербскомъ учинити, ко преведе на нашъ єзикъ малу Рафа Физику, што є за децу на немецкомъ єзику издата. Сулцерова Размышлѣнія о чудодѣйствіяхъ божіихъ у натури, неисказано бы добро было да се народу спріобще! іоштъ коя овима подобна кньига. А по томъ єдну на кратко свію народа Історію, съ ныовы обычаи, законы, правлѣніємъ и состояніємъ землѣ и мора, плодородіємъ и трговиномъ. Нека буду ове вещи препоручене общега добра роду желателѣмъ. Ни на кои начинъ не може човекъ тако дѣйствително о существу, о мудрости и о благости Бога Творца увѣренъ быти, као

кадъ премудра дѣла божія у натури размышлява; и колико болѣ ова познаєе, толико у веће богопознанство и просвештеніе долази, и болыій быва. Історію знати, то значи, знати съ чимъ се є родъ человѣческій ползовао и благополучанъ быо, съ чимъ ли се є покваріо, повредіо и у несрећу падао и пропадао. Како Греція (шака людій) сложна и соединѣна, монархіе света чинила є предъ собомъ трепетати, а несложна, сама є себе разрушила: на истый начинъ и сви прочи народи. Босна оће свога Краля, Сербія своє Деспоте, Ерцеговина своґъ Ерцега; доће Турчинъ, пакъ све у торбу. Знати законе и обычае други на свету народа, то є знати, шта є при ньима добро и паметно, шта ли є зло, лудо и смешно; кадъ туће познамо, онда ћемо моћи и о нашима судити како иду, управъ или на ребарке или са свимъ на тражке: пакъ онда што познамо да є добро, држаћемо, што ли нађемо да намъ ніе на добро, зашто небы одметнули? Браћо мила! Овоме се ніе ни мало чудити, єръ се свакомъ на свету случава, да нико своє будалаштине коима є одъ детиньства обыкао, и коє су му се чрезъ дугій обычай у єстество претвориле, ни пошто за будалаштине не држи; а кадъ іи позна топрвъ у другима да су такове, пакъ іи после нађе и у своєй кући, онда се истомъ освести, пакъ начне викати: гони и терай на полѣ. У неки мѣсты да се поштенъ човекъ усуди и рекне, да ніе никакавъ грехъ єсти пуже, жабе и корняче, бы се нашао ко бы га заклао како годъ пиле, пакъ бы га тай данъ свештеникъ нѣговъ пречестіо, и бы му іоштъ рекао: светао ти образъ. Али малъ не заборависмо нашу басну; но топола ми є крива, и на овый ме разговоръ навукла съ свои миліоны, коє съ коромъ своіомъ рани; но

ово ће свакъ наћи у вышереченой кньижицы, кадъ се преведе, а мы садъ айдемо къ басни. Топола право има што укорава оне путнике, како не само неблагодарне, него савише неразсудне и несмыслене, коихъ паметь нимало имъ далѣ одъ носа не досеже, да разсуде, да нити є све што є годъ на свету, за самога човека, нити пакъ и оно што є за нѣга, да неможе и не мора быти за самый самцатый ТРБУ. Я мыслимъ, (а нађесе іоштъ ко да овако дума) да неймамо ништа него трбу; Фала ти лепо, болѣ бы было да ни нѣга ніє. И нека ко не мысли да самь я трбуу непріятель и злотворъ, свима честь и поштенѣ и съ моимъ заєдно, али посвирай пакъ и за поясъ задени; не валя да онъ мысли, да є онъ самъ на свету. Овде се допада єдна лепа Арапска історіица, башъ кадъ ми паде на умъ, казаћу є. Єданъ пустиникъ дервишъ, именемъ Абдулъ Ибраимъ, пође изъ Анатоліє на Меку, да постане аџія. Прелазећи нека прекрасна мѣста, у коима све горе и холмови и међу ньима цветуће долине саме собомъ бяху насађене и покривене преизрядними плодовитими древесами, коє Анатолска земля раћа; ту су Маслине, Смоковнице, Финики, Шипцы гранатски, и сладке Наранце: потоцы кристаловидни свуда протичући туда шуште и къ покою маме, разни видови птица ту пою, цвѣти лимунски и ливадни савъ воздухъ облагоухаваю. Нашъ Абдулъ Ибраимъ мысли у себи: нисамь ли я како у рай дошао? Али опетъ неће да верує; зашто добро зна (єръ є тако чуо) да є рай негде на другомъ месту. Ништа зато, онъ на свакомъ поточићу пересе и метанише; єде до ситости кадъ єдно кадъ друго воће, као у некомъ восхищенію восклицаваући: Боже, благодаримъ ти што си оволике сласти за човека створіо! Иду-

ћи напредъ доће у єданъ вилаєтъ, гди є войска и битва была, ту куряцы єду убієне люде, и зафалюю Богу, што є и саме исте люде за ньіову рану створіо. Бѣжи сирома Абдулъ Ибраимъ другимъ путемъ; кадъ ето ти види негде одерата куряка, гди га єду орлови, зафалююћи Богу, што є куряке за ньи саздао. Мало по томъ намѣрисе негде на убієна орла, кога већь црви єдући међу собомъ говорау: дивно чудо! и сами высокопарни поднебесни орли за црве су на свету! Садъ се топрвъ нашъ Пустиникъ онамети, кадъ му падне на умъ, да и нѣгово тѣло одъ црвій неће утећи, да ніє истина да є Богъ све за самога човека створіо. Изъ овога можемо ласно заключити, да онай, кои ни на чему другому, него на єлу и на пићу, на покою и на сласти Богу благодари, не познає како надлежи, ни себе ни Бога; єръ му не зафалює, него на чему и сва проча животиня, да зна, бы му зафальивала. Дужни смо славити вѣчнога Творца и за воздухъ коимъ дишемо, и за воду коіомъ се прохлаждавамо, но ови су дарови общи и животнимъ дати; по превосходителству обаче на благородномъ и высокомъ дару словеснога разума и безсмертне душе, коя є способна све то већегъ просвештенія, богопознанства, науке, правде и добродѣтельи, ове су саме вещи коє насъ одъ безсловесны животиня отличаваю, на ньима смо дужни Богу благодарити; а само тада пристойно благодаримо, кадъ ове дарове како на своє временно и вѣчно, тако и на обще добро употребляваmo.

111.

ЧОВЕКЪ УБОГЪ И ЖЕНА.

Човекъ убогъ разболисе тешко, и неимаюћи се съ чимъ лечити, нити лѣкаромъ плаћати, рече жени своіой да оде у єданъ манастиръ, и да се заветує у свету Обитель дати сто волова, ако іой мужъ оздрави. Та мой човече, а да ако Богъ даде и ты оздрави, гди ћемо мы толику силу волова наћи? Бре иди ты и учини што я теби реко, некдеръ се я само подигнемъ, а за остало ћемо ласно; ты си проста жена, заръ ты мыслишъ, да Богъ мари за конѣ и волове! Калуђери бы само у томъ преварени были. А мало га ли су заръ и они преварили? Залуду се чине свецы, я ти задаємъ мою вѣрицу, да нису башъ коликъ я и ты: ванъ да су по томъ, што се болѣ одъ насъ ране. Иди већь не оклевай, велимъ ти! Яоой, и гледай да што оправишъ пре него изданемъ, єръ после, боимсе, нећешъ ми ништа помоћи: ако што на овомъ свету лажи не помогоше, на ономъ знамъ да не пролазе. Овде, гди су и молитве за новце, морасе, моя жено, лагати кадъ новаца нема: ты знашъ, да ко не плати, никада му имена у цркви нећешь чути.

Наравоученіе.

Δειλὴ πενίη ἥτις κακὰ πολλὰ διδάσκει, ψεύδεα τ' ἐξαπάτας τ' οὐλομένας τ' ἔριδας! Виче Θеогнидъ: Бѣдно сиромашство, коє многимъ зломъ учишъ, лажама, преварама и погибелнимъ кавгама! Рано валя ранити и касно легати, ко жели да му сиромашство у

кућу не дође. Синѣ море валя препливати и высоке прелазит' планине, за утећи одъ овогъ зла и напасти; одъ коєга нико насъ ніє кадаръ сачувати, него разумно трудолюбіє, и умѣрено живлѣнѣ. Трудолюбіє кадъ се съ у мѣреностію сачета, прекрасна чада раћаю, здравлѣ и тѣла крепость, правду, поштенѣ и свободу. Ко никомъ ніє дужанъ и съ своимъ трудомъ праведно живи, онъ є доста богатъ и свободанъ. А кадъ є већь ова басна за калуђере споменула; и я ћу нешто о ньима проговорити, кои самъ неколико година гледао што у Далмаціи, у Босни, у Ерцеговини, и у Албаніи, и на свакомъ мѣсту гди могу и смеду, чине. Пакъ ако є добро, а оно некъ стои; ако ли є зло, време є већь некъ се люди зла, баремъ колико могу, избављаю. Навластито у Далмаціи, гди за каменита мѣста неимаду люди ни землѣ за оранѣ, гди выше него половина народа по неколико месецій гладує и съ коєкаквимъ коренѣмъ живи: кадъ му оно мало жита доспе, навале; не само домаћи него и са страна калуђери и фратри, и съ гувна разграбе му рану. Кадъ се вуна стриже, етоти калуђера! кадъ масло и сиръ пастири, и одъ свои уста штедећи, за зиму сабираю, етоти ныій! Кадъ се виногради беру и маслине купе, навале са све четири стране! кадъ люди, по обычаю, свога свеца славе, и тада себе млоги затиру, видишъ истомъ по чопоръ калуђера, пакъ да оћею само да єду и пію као и остали люди, пакъ да иду своимъ путемъ, нека бы. Али они тада записую, немилостиво и безстидно ишту саландаре, проскомідіє, поменике, вола, краву, а одъ сиромаа овцу, яре, или ако ништа, чарапе; онъ мора што откинути, да му ніє за луду путъ. А у Турской земльи што чине, то ніє ни за описиванѣ! Но ређиће ко,

силомъ не отимаю. Горе него силомъ, зашто у име божіє отимаю, а сирома простый и невѣжа човекъ боисе да га не покара Богъ, ако калуђеромъ неда, єръ є тако одъ ньій изъ дѣтинства наученъ. А они яшу на коньма како исте Пашаліє, држе крепко народъ и чуваю у простоти, єръ иначе знаду да бы пропали. Сва вражда међу хрістіянски народы, неслога и люте мрзости због ньій су постале, нити ће се разве съ ньима заєдно изтребити. Богъ, праведный Судія види, у овый истый часъ кадъ ово пишемъ, срце моє, и зна зашто овако пишемъ; а оће ли се ко овымъ ползовати, то стои людма на вольи. Некій проигуманъ Макаріє изъ Далмаціє, кои є неколико редій сву Мажарску обиграо, иштући најпре на Драговићь, а потомъ на Хилендаръ, кадъ се врати у Далмацію, пытали га други; єли што мажарски научіо? Єсамъ: како небы? одговори: иштемъ кућа теремтете — — — а шта то значи оче Мако? што значи? заръ не разумете? Како насъ виде Мажари, вичу, да мы иштемо людма куће, него да насъ тераю. Овый є лепо толковао; зашто єли калуђеръ, онъ иште. Ако ти дође кући, иште, ако ли му дођешь кући, иште. Ако си здравъ, за здравлѣ ти иште, ако ли си болестанъ, за болесть ти иште, ако ли до најпосле умрешъ, и за смрть ти иште. Какавъ си да си, и гди си да си, на овомъ илъ на ономъ свету, ништа онъ то неће да зна, то є нѣму све єдно, онъ иште те иште. Алъ су већь доискали! Садъ сви отечеству доброжелательи у свой Хунгаріи, Славоніи и Банату, желе да се манастири на школе и оспитале употребе, да є народу полза одъ ньій. А не по неколико людій у ньима да се инате и колю, цѣлому народу на соблазань. А познато є да и одъ ньій исты кои по-

штено мысле и отечество любе, то єдва чекаю и томе се радую.

112.

ЖЕНА И КОКОШЬ.

Жена имаѣаше кокошь, коя іой ношаше свакій данъ по єдно яѥ. Она съ тимъ незадовольна, лакомећисе на выше, почне преизобилно кокошь съ єчмомъ ранити, желећи да іой по два яѥта на данъ снесе. На овый начинъ, одебля кокошь, и престане сасвимъ носити.

Наравоученіе.

Тѣло наше дужни смо ранити на таковый умѣреный начинъ, да є здраво и крепко. Душа є наша у таковомъ союзу съ тѣломъ, да кадъ є оно здраво и трезвенно, и она є такова, и способніе своя дѣйствія чрезъ умъ исполнява; ако є само одвећь силовите страсти и похоти съ пута не смећу. Болестанъ и разслаблѣнъ, о найлепшой матеріи не може како валя мыслити, нити найполезнію кньигу съ принадлежећимъ вниманіемъ, разсужденіемъ и услажденіемъ читати; слѣдователно нити се може ньомъ, како бы иначе могао, ползовати. Но у исто време не само непристойна є, и човеку разумну недостойна, но и весма вредовита вещь, тѣло своє размажавати, разблуѣавати и гоити, и чрезъ то како себе тако и благородню часть себе, то єсть умъ,

умекчавати, разслаблявати и многочисленнимъ болестима самопроизволно подлагати. Тѣло є дотле добро, по єлику є достойно жилище словесне и безсмертне душе; а како се начне одъ овога благороднога намѣренія и конца, на кои му драго начинъ, устранявати и отдалявати, тай часъ начне себе похуђавати, къ несмисленимъ скотомъ приближавати, и ньима се пріуподоблявати. Разуманъ човекъ люби себе, и жену свою и чада, али не размажує ни себе ни своє. Душа и умъ могу се размазити како годъ и тѣло, пакъ изъ тога слѣдую различне наравне болести: самовольство, тврдоглавство, упорство и прочая. *Πειρῶ τὸ μὲν σῶμα εἶναι φιλόπονος, τὴν δε ψυχὴν φιλόσοφος; ἵνα τῷ μὲν ἐπιτελεῖν δύνῃ τὰ δοξαντα, τῇ δὲ προορᾶν ἐπὶςῃ τά συμφέροντα.* Прекрасно учи Ісократъ. Старайсе да си тѣломъ трудолюбивъ, а душомъ мудролюбивъ; да съ онимъ исполнявати можешъ што за добро наодишъ, а съ овомъ да предвиђашъ, што ти є полезно. Они древни славни Грецы, просветитељи человѣческога рода, самымъ єстественымъ здравымъ разумомъ просвештени, како су высоко и благородно мыслили о души и о уму человѣческомъ! Чуймо овога истога Учителя, како Димоника у томже слову совѣтує *πάντων μὲν ἐπιμελοῦ τῶν περὶ τὸν βίον; μὰλιςα δὲ τὴν σεαυτοῦ φρόνησιν ἄσκει, μέγιςον γὰρ ἐν ἐλαχίςῳ νοῦς ἀγαθὸς ἐν ἀνθρώπου σώματι.* За све прилѣжавай што треба животу; а найвише свой разумъ упражнявай; ибо оно што є найвеће у найманѣмъ, то є умъ вреданъ у человѣческомъ тѣлу. Умъ! славна славеносербска Націо! у Сербіи, Босни, Далмаціи са Ерцеговиномъ, Умъ кадъ съ наукомъ просветишъ, и съ просвештенною добродѣтелію соєдинишъ, избраніє Націє надъ тобомъ неће быти на земльи. Добродѣтель є теби природна; поштенъ, слава, великодушіє, мужество, то су твоє прародительске добродѣтельи: Ово су драгоцѣн-

ни діаманти, но потребую да ій рука мудрости очисти, углади и осветли. Разпуштеніе и растлѣніе нарава, нипошто ни одъ кога народа међу се не примай. Само и єдино божественно благородіе, то є съ просвештенимъ умомъ добродѣтель. Я знамъ да гди варварство влада, онде нити є мѣсто ученію и просвештенію, ни правой добродѣтельи; обаче некъ се ова добра уводе онде гди глупость не влада, а гди за садъ влада, неће до века владати.

113.

КОРНЯЧА И ОРАО.

Корняча молила орла да є научи летити. Вели іой орао: седи ты съ миромъ, и одай тако пониско како си и до садъ, болѣ ће за те быти; зашто сложеніе твоєга тѣла ніе за высину начинѣно. Неће ова оно шта є за ню, него све досађуе молећи. Узме є орао, подигне у высину, пакъ є пусти, айде лети садъ. Почне она летити, алъ како не валя, падне на землю и сва се сгрува.

Наравоученіе.

Мѣримо и познаимо себе, и не иштимо што ніе за насъ; зашто, ако не получимо осрамотиѣемосе, но то є ништа, некъ иде, али ово што ћу рећи, видиѣесе многимъ за *παράδοξον* (чрезвичайно), обаче права є истина. Башъ онда кадъ получи ко оно што ніе за нѣга, найвећма се о-

срамоти. Зашто онде гди ствари управ' и како валя иду а не наопако, (што но речь) и наузнако; коме се годъ велико што дає, неотложно мора се одъ нѣга што велико и ожидавати; коє, ако онъ ніе кадаръ исполнити, онда є управъ: осрамотисмосе! Те веома! Єданъ шальивъ Игуманъ моляше Викентія Іоановича, Белиградскога Митрополита, да ѣа учини владикомъ, ако ће баремъ за неколико дана: а нашто ти то? рече му Митрополитъ; како нашто? Да се протежемъ у кревету, кадъ ми попови ютреню чаге, да одандe миръ всѣмъ вичемъ и да благословлямъ. Лепъ сарказмусъ! Но не само оный кои иште, валя да добро гледа шта иште, но и онай кои има власть давати, дужанъ є колико выше може гледати шта, и коме дає, зашто и онъ весма греши, ако дає гди не пристои. Александру Македонскому доће єданъ одъ нѣговы дворяна, и запроси одъ нѣга два таланта, да удоми кћерь свою. Царъ заповѣди да му се даду петь таланта. Вели дворянинъ, то є много за мою кћерь. Узми пакъ ћути! рече му царъ; Александру бы срамота была, мало дати. Ово су многи фалили и до неба дизали. Али садъ сви паметни люди наоде, да є у томъ Александеръ са свимъ лудо поступао. Царъ мора быти найправдолюбивіи одъ свію други; а света правда изискуе да се дає што коме надлежи, слѣдователно праведанъ владѣтель дужанъ є добро сматрати, што одъ кога узима и што коме дає, да све съ правдомъ быва. Александеръ є сву Асію разграбіо и толике народе одерао, а другима безъ разлога и лудо давао, како дошло наопако, тако и прошло! Педесетъ штапа по туђи бутина, шта є то? Філипъ нѣговъ отацъ, у овомъ што ћу казати, паметніе є поступіо. Єданъ Риторъ па-

раситъ илити похлѣбникъ, илъ іоштъ лепше, лижисанъ, при трапези учини му велику похвалу, и зато заиште на поклонъ єдну златну чашу. Філипъ нама заповѣди, да се та иста чаша даде Еврипиду траѣдіотворцу, кои єѣаше съ миромъ мучећи. Како то? вели риторъ, я є иштемъ, а ты є другомъ даешъ, кои є не иште. Правда, одговори Філипъ; Онъ є не иште, али є достойніи одъ тебе, имати. Єданъ Персійскій Султанъ, и онъ є у овомъ што слѣдує, паметно учиніо. Доће му єданъ лукавъ дрвишъ, кои се чиняше лудъ, знаюћи да турцы луде као свеце почитую, и запыта га, вѣрує ли онъ у Алкоранъ? Яо яо! Какво є то пытанѣ? рече му Султанъ, єсилъ ты читавъ? Како я небы у нѣга вѣровао, кадъ самъ фала богу Турчинъ? А стои ли у Алкорану написано, опетъ запыта дервишъ, да су сви Турцы браћа? Бака! како небы стаяло, кадъ стои? одговори Султанъ. А пише ли у Алкорану, придода делидервишъ, да браћа што годъ имаю, право међу собомъ разделе. Та пише, проћи ме се АМАНЪ! Ко вели да не пише? Е добро! приложи другій, а ты айде пакъ раздели самномъ све што годь имашъ. Онда Султанъ за избавити га се, пружи му єдну піастру. Те тако ты право делишъ! рече му онай, одъ толикогъ блага мени брату твоме само єдну піастру? Бре узми, пакъ іоштъ ни пискацъ, отвеща паметный Султанъ, єръ знашъ шта га насъ є кардаша, ако сви навале и поврву свой део искати, неће ти, боимсе, ни толико допасти. Узме чинилуда піястру, пакъ опраши, мыслећи у себи, не замочи! Хитаръ си ты, али є овый іоштъ хитріи. Добро се є мало у кньизи и попрошалити, єръ бы иначе моя дечица задремала читаюћи, а кньизи мало атара, надъ коіомъ се дрема. На-

властито просвештенъ Владѣтель добро гледа, какви су они, кои службе и достоинства одъ нѣга ишту. Царъ Петаръ великій уредіо є законъ, да се на обшта достоинства добродѣтелни и учени избираю. А гди се не нађе ученъ, упытаю га, шта ћемо ту? Ту валя тражити добродѣтелна, одговори монархъ. Правда, ово се добро зна; може многій ученъ быти, а за нека дѣла ништа не валяти. А іоштъ ако є ученъ а зао, строптивонараванъ, пакостанъ, лукавъ и злобанъ, онда се управъ крсти одъ нѣга, и господи помилуй вичи! зашто є таковый съ намѣреніємъ и са знанѣмъ зао, а ко є на овый начинъ зао, подай му само власть у шаке, пакъ ето ти Нерона и Калигуле заєдно, кои су желили да савъ народъ римскій само єданъ вратъ има; да имъ се съ єднимъ ударцемъ све главе смлате. Управъ добро срце, красна и благородна душа, и здрава человѣческа паметь у коме се наоде, таковый є за велико достоинство, зашто онъ кадъ о чему сумня, уме совѣтъ искати и примати, а наипаче, нѣгова нелестна и чиста любовь къ добродѣтельи, нѣга ће свагда на добро наставити.

114.

ДЕТЕ И СРЕЋА.

Дете легне спавати башъ кодъ устія такогъ бунара, у кои ласно могаше превалитисе и удавити. Дође срећа подъ видомъ жене, пробуди га и прошиба; пыта дете плачући, зашто га біе? Ето зато, одговори она; што спавашъ кодъ бунара, гди ласно можешъ упасти и утопитисе; пакъ онда нико небы те-

бе кривіо, него бы сви на ме зинули, и несрећомъ бы ме нарицали.

Наравоученіе.

У усты свію народа и людій ништа се чешће не чуе него срећа и несрећа, а почти нико и не мысли да чисто сазна, шта су те ствари. Ово є во обще обычай людій, говоре о многимъ вещма, само зашто су чули да и други о ньима беседе; тако су: чини, баяня, уроцы и коєкаква ноћна привидѣнія: а онде гди су се люди просветили, и сва будаласта суєвѣрія одметнули, ништа већь тога нема међу ньима: него што се годъ случи, има свой єстественый узрокъ зашто. Неразуманъ и неразсуданъ найвыше се на несрећу тужи, а неће да позна да сва та несрећа ништа ніе друго, него нѣгово невниманіе и неразуміе. Човекъ предосторожанъ и паметанъ, выше съ добромъ срећомъ има посла, зашто онъ кадъ поће одъ куће, добро веже врећу, и такова средства за своє после избира, какова къ добромъ концу воде. Млогога є у Инглитери съ курякомъ несреће срела, докъ є ту ный было; а како се сви Инглези сложише, и све куряке изтребише, ту већь нейма одъ куряка несреће. У земляма гди нейма добра поредка, ко путуе, свакій часъ чека, да ће га съ кесеціомъ и съ злимъ човекомъ несреће сусрести, а овде у Саксоніи путуй колико ти драго, даню или ноћу; пѣшице или на коню, нитъ се кога боишъ, нитъ те се ко бои. Кадъ човекъ не види, ласно ће у яму пасти, или о што главомъ лупити, а кадъ види, онда неће. У стара времена срећу су почитовали за богиню, коіой су се кланяли и жертве приносили; но што велимъ, у стара времена?

И до данасъ међу Хрістяны наодесе, кои и сами не знаду шта о ньойзи мысле. Каролъ дванаестый быо є срећанъ противъ Петра великога, докъ є овый своє воинство научіо, како валя воєвати, пакъ онда онай пропадне. Грецы су міліоне побѣждавали, докъ су соєдинѣни и согласни были, а потомъ междусобнымъ несогласіємъ сами су себе затрли. Паметанъ урани на дѣло своє, молисе Богу, пакъ ради, путує, тргує, и придомышлявасе; а лѣнивъ лежи, и чека да му што срећа донесе. Я добро знамъ, да ће многій тврдоглавъ противъ овога зинути: Хее! Я знамъ тога и тога, кои ништа ніє радіо ни заслужіо, али кадъ є срећанъ! Мучно є говорити съ човекомъ, ком оће у вѣтаръ да говори, и да ни самъ незна шта мысли, шта ли беседи. Ово се може случити, али одъ стотине єдномъ; пакъ што доказує єдно противъ десетъ? А и у ономъ єдномъ, само нека тражимо узрокъ, пакъ ћемо наћи, како и зашто му се то тако догодило. За чудо, како човекъ може тако упоранъ быти, да толико срећу брани, кадъ своима очима многога види юче срећнымъ а данасъ несрећнымъ? А кадъ бы срећа у самой вещи нешто была; тако, ко є срећанъ, морао бы свагда и у свачемъ таковъ быти; но мы видимо све на противъ. Али кадъ є већь ова речь, како у све єзике, тако и у нашъ уведена, я є не истера, да самъ сторукій Вріареосъ: него бы само ово радъ, да ко оће словесно да мудрує, и да зна оно шта умствує, овако да мысли: Срећа є то, кадъ човеку нѣгова предпріятія на добро, и по нѣговой жельи излазе; и да су само они управъ срећни, кои боголюбно, трудолюбно и паметно живе; чинимо мы само све добро што можемо, а што одъ насъ не завыси, то вышнѣмъ промыслу о-

ставимо, єръ иначе, и шта смо мы? Данасъ єсмо, а сутра насъ нейма. При томъ, и ово є свакомъ познато, да ко є разуманъ и уме, и о маломъ мирно, спокойно и задовольно живити, онъ є срећніи и блаженіи и овде на земльи, него незнамъ колико богатъ, кои ніє ни миранъ, ни спокоянъ, ни са свимъ што има задоволянъ. Пастиръ за овчицама кадъ пѣва, онъ є срећанъ у своєй сфери, илити окрестности.

115.

ПЕТАО И ДРАГІЙ КАМЕНЪ.

Петао чепркаюћи наће многоцѣнный діамантъ, оће да га изе, не може, ніє за єло. Тада почне говорити: штета! овака лепа стварь, а ништа не валя! Воліо бы я наћи єдно зрно єчма, него иляду оваки блистаюћи каменя. Садъ видимъ да су люди безъ памети, кои толико маре за єдну вещь, што нитъ се да изести ни попити.

Наравоученіе.

Драгій камѣнъ овде значи мудрость и науку, а петао и нѣгово говоренѣ представляю онога, кои ништа не почитуе, разве што є пріятно нѣговимъ тѣлеснимъ чувствама. Султанъ Омаръ, обладавши Александріомъ, ужаснесе кадъ види ону славну библіотеку, за кою су гречески цари міліоне потрошили, и кою сва учена Европа никада безъ велике жалости не споминѣ. Султанъ упыта своє дервише, стои ли што у толикой сили ћитапа, шта у Алкорану нейма? Дервиши паметни ка' и онъ, одговоре ІОКЪ, како бы ста-

яло? А шта у Алкорану нейма? Онда онъ нама заповеди све те кньиге на ватру. И тако є и было. Ево браћо жалостно и плачевно состояніе глупости, слепоте и варваства! Оно о чемъ су се прекрасни просвештени умови неколико иляда година трудили, све у огань! Шестъ месецій све народнѣ банѣ съ онимъ кньигама су затоплявали, за коє бы данасъ премудри Инглези све індійско драго каменѣ као толико песка дали. *Δεινὸν ἡ ἄγνοια!* (виче Лукіанъ) *καὶ πολλῶν κακῶν ανθρώποις αἰτία, πάντων ὥσπερ ἀχλὺν τινὰ καταχέουσα, τὴν δὲ ἀλήθειαν ἀμαυροῦσα καὶ τον ἑκαςου βίον ἐπισκιάζουσα!* Бѣдно є невѣжество, и многомъ злу людма виновно! на све као маглуштину неку просиплюћи, истину очерняваюћи, и свакога животъ потамняваюћи! Каково чемерно и скотско сложеніе мора быти у таковомъ човеку, или болѣ да речемъ нечовеку, кои на светъ разума мрзи, безъ коєга є иста словесна душа слепа, и у свагдашньой тами и мраку живи! Ништа друго ніє вредно, никаква човека до толикогъ безумія довести, развѣ само и єдино суевѣріє: а како ово не смета, свака словесна душа природно жели што добро чути и научити, уразумляватисе и просвештавати; и колико се већма просвештава, толико выше светъ люби, и къ нѣму се ташти, зашто є и самый Господъ Богъ светъ невечерный, по оной речи пророка: Одѣяйся свѣтомъ яко ризою.

116.

СТАРАЦЪ И ЗЛАТО.

Старацъ богатъ распрода гди годъ што има, све учини у злато, ков сасне у єданъ котао, закопа га у башчи близу куће; гди мало кои данъ пропушташе да не дође, надгледати га, попропипати га, и нѣговымъ жутымъ лицезреніємъ ублажитисе. Некій коваранъ и злохитаръ изъ комшилука пріякъ, некако крозъ плотъ на месечини привреба нашега старине любовна дѣла и потаєне састанке. Шта бы друго подозрео, него оно што єстъ? Како се способна дочепа времена, оде у старчеву башчу, злато сасне у торбу, а котао напуни шлюнака, затрпа га брже болѣ, пакъ исподъ жита, никомъ ни речи. Другу ноћь за тимъ, око вечернѣ доба, пре првы петала, кадъ сва челядь полеже, оде старацъ да нагледа по обычаю благо и душу свою: а кадъ нађе ту шлюнке, коима се никадъ за живота ніє надао, стане га лелекъ и яуканѣ, да савъ комшилукъ на ларму и на оружіє скочи, и притрчи ко у кошульи а ко у гаћа. А кадъ чую да се є злато у шлюнке претворило, онда ти почну, ка' и остали люди, єданъ єдно а другій друго говорити; а како упазе старога сеоскога ћака, сви мукомъ умукну, да чую што онъ о томъ чуду мысли. Онда ти се онъ накашлѣ, и по челу протаре, пакъ стане беседити: Чуйте браћо! То ти є оно, што самь я у моє младо доба, кадъ самь у намастиру Студеницы ћаковао, у Старославнику кньизи, (коя се свуда не наоди) не єдан-

путъ ни два, него на! (уватисе за браду) оволико редій проучіо. Злато кадъ стои за дуго закопато, оно се мора претворити или у углѣвлѣ или у шлюнке, алъ оно є злато те злато. Него слушайдеръ ты кумашине Вуче! Нити ты тужи ни запѣвай, него ты добро чувай те шлюнке, и тѣшисе съ ньима како си се и пре тѣшіо, то є све за те живо злато, како годъ и прво, закопано стоєћи, и добра вамъ свима браћо ноћь!

Наравоученіє.

Како годъ друге различне ствари, тако и злато и проче богатство, не само у свимъ мудры людій кньигама, него и у свештенномъ писму, на неки се мѣсты похвалює, и за знакъ Божієгъ благослова представля. Благослови Богъ Іова и даде му велико богатство. И паки Соломону говори Богъ: будући да си ты премудрость искао, я ћу ти дати и богатство, каково нієданъ царъ пре тебе ніє имао. На выше мѣста обаче то исто богатство похуждавасе, и за вредовито и многимъ зломъ виновно издає. За имати дакле чисто понятіє о томе, и ова видима противоречія за уклонити съ пута, дужни смо овако судити: Злато илити богатство само по себи нити є зло нити є добро, но чрезъ употребленіє коє се ньимъ чини, быва єдно или друго. И будући да по выной части на зло, а то єсть на гордость, на раскошь, на сладострастіє, и на растлѣніє добры и благи нарава служи, зато се чешће на нѣга и виче. Сребро и злато, како и прочи метали изъ землѣ се ваде, и на земльи остаю и пропадаю; но одъ кадъ су се люди согласили, да се за ова два метала навластито, свашто променює, одъ та-

да, коньій има, свашта може имати, то єсть што се купує и продає. Зато кадъ ове вещи добромъ и паметномъ у руке дођу, онъ многа добра съ ньима чини: а кадъ се злу у шаке и власть допадну, на зло му и служе: кадъ се пакъ намере на бедака и простака, каоно ти є наше басне кумашинъ, а они леже гди у котлу или у чемъ другомъ: и нити чине зла ни добра као и шлюнцы. Многій се богатъ роди, ни самъ не знаюћи како: или одъ каква сродника наслѣди богатство; овоме никакве чести ніе на томъ, развѣ, ако буде знао съ ньимъ добро управити, онда се обычава рећи: дошло є у добре руке. Некій се обогати съ неправдомъ и грабежомъ, и ово служи за силно доказательство, да богатство нити є свагда одъ Бога, нити є знакъ благослова божія. На конацъ, многій стече довольно съ поштенымъ и праведнымъ своимъ трудомъ и вредностію; ово се управъ може нарећи благословъ божіи, и служи своєму стяжателю на поштенѣ, навластито тада, кадъ онъ, како га є умео стећи, тако уме съ ньимъ разумно и управляти, себи добро чинећи, свою дѣцу пристойно воспитаваюћи, сроднимъ и ближньимъ своимъ помажући, а наипаче на общу отечества своєга ползу употребляваюћи га: овый є оный разумный управитель евангелски таланта, кои ће се удостоити оне блажене чути речи: Благій рабе и вѣрный, надъ малимъ си ми био вѣранъ, надъ многимъ ћу те поставити, уђи у радость Господина твоєга! Разумномъ служи злато нѣгово, а неразуманъ и бедакъ дркће предъ ньимъ као предъ жестокимъ Господиномъ, и лютимъ мучителѣмъ, и несме се ни макнути. Ово є оно проклетство божіе, гди вели: И СОТВОРЮ ТЯ РАБА РАБОВЪ ТВОИХЪ. Но нека нико изъ овога не заключава и

не мысли, да ко много има, валя да лопатомъ разсиплѣ, никако! Располагати, одъ разметати, и давати одъ разбацывати и просипати, далеко су отличне вещи.

117.

ПАПАГАЛЪ И МАЧКА.

Неко купи папагала, донесе га дома, и метне га у єданъ лепъ кавезъ; гди онъ, по своме обычаю начне све што зна говорити и пояти. Дође домаћа мачка, гледа га са свы страна, чудисе коя є то беда! запыта га, ко є и одъ куда? Я самь птица, одговори папагалъ, родомъ самь чакъ изъ Индіе, овдешньій домаћинъ купіо ме є данасъ, и мало пре донео ме и оставіо овде. О несмыслена и неразсудна сатвари! рече му мачка, само одъ мало пре си дошао у овый домъ, пакъ чинишъ толику вику и праску: а незнашъ яданъ, да я у овой кући рођена и одрасла, да десетый део твое ларме учинимъ, Господаръ и Госпоћа и сва кућа бы на ме скочили; а ты, кои нимало незнашъ обычай места у коме си, съ крайньомъ смелостію и продерзльивостію, небоећисе ни найманѣга противоречія, зачинѣшъ толику уку буку и калабалукъ! Не буди ти жао госпо Мацо, рече іой папагалъ; међу моимъ и твоимъ гласомъ валя да є каква нибудъ разность, и отличность, кадъ тебе нико радо не слуша да маучешъ, а мене колико выше говоримъ и вичемъ, толико ме драже купую, лепше држе, и радіе имаю.

Наравоученіє.

Видимо неке да млого говоре, али лепо, разумно и къ свачему пристойно, и свакъ ій радо слуша, ако ће и цѣлый данъ говорити: овый є особитый даръ, другда и саме природе, но врло редко, по вышой части обаче, гди се совокупи съ єстественнымъ даромъ лепо воспитаніє и наука. Ко одъ саме природе много може беседити, има весма живу фантазію, то єсть воображеніє, но неимаюћи довольно потребна матеріяла, брзо му, што но речь, осане вода; усилює ли се пакъ, и тако да истомъ говори, онда клепеће као клепетуша. Ако ли є таковый и довольно матеріяла сабрао, или чрезъ чтеніє или чрезъ обхожденіє, а нейма довольно разсужденія и искусства своєму говореню, потребный редъ и разположеніє учинити и дати, онъ врло ласно пада у блебетанѣ, и разумнимъ слишателѣмъ досаданъ быва. Ко одвећь много говори, обычно мало мысли и суди, и оно што мысли све му є непостояно и замршено; єзикъ му предъ памећу трчи, нити є кадаръ себи времена дати, да разсуди о ономъ што мысли ређи. Одъ тудъ быва, да таковый себи свакій часъ противослови, и безъ свакога намѣренія лаже, башъ и кадъ найманѣ о лажи мысли. Ко годъ ніє кадаръ, у време мучати, са вниманіємъ друге слушати, и сверхъ свачега што чує, тврдо и постояно судити, онъ ће моћи блебетати выше, него колико ти драго, алъ паметно неће никадъ говорити: у ову погрешку имући люди и господска деца свагда почти падаю, зашто ій кваре, за свашто што говоре Фалећи ій, и не исправляюћи. Зато се обичава ређи: говори као папагалъ, сиречь не мысли, нити суди о ономъ што беседи. Друго чему насъ ба-

сна учи, ово є: да не чинимо непристойна сравнѣнія и спріуподоблѣнія, као мачка коя полаже себе у сравнѣніє съ папагаломъ; иста стварь коя єдному може лепо стаяти, другому стои весма ружно. Ево како прекрасно о овомъ Філемонъ учи:

Τὸν μὴ λέγοντα τῶν δεόντων μηδὲ ἓν
Μακρὸν νόμιζε κἂν δὺ ἔιπῃ συλλαβὰς:
Τὸν δ' ἓυ λέγοντα μὴ τὶς νομίσῃ μακρὸν
Μηδ' ἂν σφόδρ' ἔιπῃ πολλὰ, καὶ πολύν χρὸνον.
Τεκμήριον τοῦυδε τὸν ὅμηρον λάβε:
Οὗτος γὰρ ἡμῖν μυριάδας ἐπῶν γράφει,
Ἀλλ' ὠδ' ἓις ὅμηρον ἔιρηκε μακρὸν.

Ко намъ незна рећи ништа да валя, са две само речи, онъ є дугоречивъ; благоглаголива нико не вменява за многословљива, и весма много кадъ беседи и за дуго време. Прикладъ у овоме Омира ми узми; овый нами стихе безчислене пише, но нико Омира не назва дугачкимъ. Прекрасанъ є даръ, лепо умети беседити и пристойно времену и людма; знати како са старіимъ, како ли съ подобнымъ себи, съ здравымъ или съ болнымъ, съ веселымъ или съ скорбнымъ. Нашемъ Архімандриту Оповскомъ, Ации Захарію, болну доће на посештеніє старацъ Вуя изъ Ирига; пакъ уза сваку речь: молисе Богу господине! докъ се ономъ досади, пакъ овако болестанъ стане викати: Та проћи ме се старче Вуіо, ако Бога знашъ! Та Богу се молимъ, нећу се теби молити. Ово придодаємъ овде, ибо ова бы често бывала фаворитъ-преповедка моєга благонаравнога ѲЕОДОРА МИЛУТИНОВИЋА. Но онъ бы є тако лепо знао казивати, да и плачеванъ морао бы се насмеяти. Сврхъ свега, ово нека добро знамо; да ко є годъ красноречивъ, ако онъ своє красноречіє злоупотреблява, о пристойности, честности и благонаравію не марећи, познатой истини и общему добру не поборствующи, неповине

и поштене люде злословећи, све нѣгово красноречіе крайнѣга є похужденія и отвращенія достойно. Ево како мудро о овомъ Плутархъ пише. *Λόγος τροφὴ διανοίας ἐςὶ, τοῦτον δ' ἀκάθαρτον ἡ πονηρία ποιεῖ τῶν ἀνθρώπων.* Слово є рана ума, али га лукавство человѣческо нечистымъ чини. Блаженъ ко лепо говори, а лепше твори!

118.

ПАПАГАЛЪ И ДРУГЕ ПТИЦЕ.

Папагала донесу изъ Индіе у єданъ вилаєтъ гди ныій нейма, купи га великій господинъ, и да га ставити у позлаћенъ кавезъ. Друге птице чудећисе толикой отмѣнности, скупесе око нѣга и начну га пытати, држе ли нѣга у толикомъ поштеню у земльи рожденія нѣгова? Не, отвеща онъ, онде смо мы као и остале птице, башъ као и вы овде. А како то быва, приложе друге, да се теби овде у иностраной земльи толика слава и честь показуе? Заръ вы не знате, одговори оиай, да право достоинство мало се кадъ у своемъ отечеству како валя припознае?

Наравоученіе.

Инглези овако о овомъ веле: Лернд ендъ екселентъ мень левъ хевъ селдомъ дое кредишъ ендъ естіимъ инь дееерь оонь контрiисъ, уичъ дое хевь инъ енадерь“ учени и превозходни люди, имаю редко кредитъ и почитаніе у своимъ

истимъ отечествама, коє они имаю у другимъ. Овый безпоредакъ у оны мѣсты не быва, гди су поглавари народни просвештени, и обще ползе прави ревнительи и желательи; а ту гди по несрећи быва, по вышой части изъ зависти произлази. Давно є речено, да завись незна почитати полезноє. Кою суману они завидльиви Іудеи Христу Спасителю наодили, разве, што є одъ ньіова рода бьіо? Ево имъ ньіове паметне речи! Ніє ли то ИСУСЪ, сынъ Іосифовъ изъ Назарета, кога мы знамо оца и матерь? а може ли што икада изъ Назарета добро быти? Єли икакавъ пророкъ изъ нѣга произишао? Бѣдно суєвѣріє! Гнусный породъ скаредне и слепе зависти! Коє оный? И шта є овый? Та мы га знамо! Невреданъ некъ изиће само съ празномъ кесомъ изъ свога гньизда, пакъ на ма' мора быти просякъ; а трудолюбивъ и вреданъ гди годь дође; благопотребанъ є и честанъ. Разумни люди и туће призивлю къ себи, присвояваю и награждаваю по мѣри ползе, кою виде да одъ ньій могу имати, и на овый су се начинъ народи єданъ одъ другога просветили и научили: а глупи варвари и своє одъ себе очуждаваю, презирући ій, пренебрегаваюћи ій, и недостойно съ ньима обходећисе. Како Турцы Цариградомъ обладаше, сви учени Грецы разбѣгошесе кои у Італію кои у Францію: и за тимъ, она славна Грециа, мати мудрости и свію наука, назваєе Туркобарбара Грециа. Сама токмо церковна достоинства што Мусулмани не могоше на се узети, остадоше Христяномъ; но и ова, чрезъ турску и калућерску кабалу и хітрость, дођоше такима у руке, кои болѣ умедоше лагати, лицемѣрствовати, отимати, грабити, бѣдномъ и удрученому народу и мозакъ изъ костію сисати, и Туркомъ блювати. Патрі-

аршески престоли и епархіє епіскопске єднако како годъ Провинціє и Пашалуцы ономъ ко выще да, почеше се продавати; а Епіскопи у своимъ бѣднимъ епархіама, цркве, парохіє, литургіє, исповедь, са сви страна калуђеромъ дозволѣнѣ да народъ деру, и што є найужасніє! и сама проклетства и анаѳеме таксираше, и почеше іи продавати (валя знати, да ту кадъ єданъ оће другога у цркви да анатеми преда, одъ владике валя да купи анатему). Ево браћо и народи, у каково срамотно и плачевно состояніє чисту хрістову црковь доведоше и низринуте варварство, тамно невѣжество, и проклето неправедно сребролюбіє. Епіскопи! Оцы духовни! Пастири хрістова стада! Калуђери, посницы и богомольцы! сви су ту жестоки сурови крвопіє волцы, кои подъ извѣтомъ вѣре и закона кровь человеческу пію, гди варварство и мучителство влада. Серафимъ, овы прошасты година Цариградскій Патріархъ, у време свога митрополитства у великомъ Трнаву, разпродао є четрдесетъ иляда котлова и тенџера сиромаши, кои му нису могли димнице и подушія платити. Да добро разсудимо, тога покора и сіясета они исти кои су Хріста распели, нити су чинили нити су за то знали. Поштенъ, а къ тому ученъ човекъ то не може да трпи, но жали, тужисе и обличує; зато онь ту мора пострадати, ако пре не утече. Онде дакле гди варварство не влада, науку свештенству и благонаравіє: Свештеникъ мора быти предводитель, совѣтникъ и учитель обществу своме: а неученъ учитель шта то значи? Ништа и преко ништа. Свакъ изъ овога ласно може видити, (ако само оће) какова є потреба народу одъ учителя, а учителѣмъ пакъ потребно є лепо награжденіє, іошть лепша честь. И ако

се іоште за неко време гди наће кои владика, или са свимъ неученъ, или недовольно за єднога Епіскопа ученъ, а онъ нека се стара, да съ своіомъ отмѣнномъ добротомъ, то што му у науцы недостає, надокнади: на ученіє и добродѣтелніє одъ себе нека не наскакує, и нека іи не чини плакати. Оно што му є Царъ и Народъ дао, некъ се данъ и ноћь стара како ће ЗАСЛУЖИТИ: и нека заборави оне Турске обычає свои стары, кои су све достоинство Епіскопства у томъ држали, да Свещенство деру и бію. Ово се пише не само за садашня времена, но и за последня, нека знаду и на иляду година после насъ потомковъ нашихъ потомцы: да у време царствованія ІОСИФА ВТОРАГО, Римскаго Імператора, истина є смела съ умѣренностію, но у исто време, съ благороднома свободомъ свой гласъ воздвигнути. Нієданъ народъ тако не почитує своє старешине, а навластито Архієреє како Сербльи, и весма добро чине: ово є лепъ и прекрасанъ характеръ, своє старіє любити и почитовати; праведно є дакле да се и боголюбиви Ардієреи стараю, да овый похвалный обычай свагда у націи остає. Право и пожелателнѣйше почитаніє оно є, коє не изъ суєвѣрія и простоте, него изъ здраве и просвештене произходи душе.

119.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Човекъ имао є сынчића весма лепа, и кћерь поружну. Ово двоє, као деца, играюћисе є-

дномъ око огледала, почну се огледати ту: онда братъ начне се фалити да є врло лепъ, похуждаваюћи сестру као ружну. Ово весма огорчи малу девойчицу: коя плачући оде къ оцу, и начне се тужити на брата свога, коликъ да є учиніо найцрнѣ и горе дѣло на свету, што се онъ огледа на огледало, коє ніє начинѣно за люде, него за жене. Дете се правда и извинює са своє стране говорећи: я нисамь ништа друго учиніо, него што самь іой рекао да є ружна. Отацъ ій загрли обоє, и съ отеческомъ милошћу любећи ій да имъ ову науку. Я оћу да се вы свакій данъ у исто огледате огледало: ты сыне мой, не зато што бы се поносіо, и сестру свою ружномъ називао, него што бы красоту и благообразіє лица твога са злонаравіємъ и непристойнымъ поступкомъ не наружіо и не оскверніо: а ты кћи моя! што бы съ честностію живота твоєга и съ красотомъ нарава твои, недостатакъ красноличія прикрила и надокнадила. Вы сте обоє лепи, ако будете благонаравни и добри.

Наравоученіє.

Све жене на свету како Европейке и Азіаткинѣ, тако и црне Арапкинѣ, премного се старају за свою тѣлесну виѣшню лепоту; одъ туда су произишли толики различни начини шарены и свакояки боя и цветова, альина, белила, румењила и многообразне моде, кићеня и облаченя. Заръ валя по свой прилицы да се оне саме себи преко сваке мѣре ружне чине и виде, кадъ се толико пеку и брину за туће коєкакво лажльиво украшеніє: ибо, безъ сумнѣнія жена коя бы задо-

вольна была съ своимъ природнымъ лицемъ и образомъ таковымъ, какво га іой є Богъ дао, она нипошто и никако небы га коє съ чимъ мазала; а навластито знаюћи, да колико га выше таре и маже, толико га већма грди и ружи. Одавде слѣдує и явно се види, да ко є годъ преко мѣре улюблѣнъ у украшеніє и одѣяніє, онъ нуждно, мора имати зло и преко разлога худо мнѣніє о тѣлу своме. На истый и єднакій начинъ, ко є сасвимъ улюблѣнъ у тѣло своє, онъ или незна да има словесну душу, или ако и зна, а онъ є за ништа држи и почитує. Кадъ бы могли мы люди осећати и чувствовати, сву силу оны кротки речій вѣчне блажене божіе истине, съ коима насъ за ово наше неразуміе укорава говорећи: Маловѣрни, ніє ли лучша душа одъ тѣла, и тѣло одъ одежде! Ово кадъ бы мы могли пристойно разумети, довека бы се морали срамити за толико наше маловѣріе и неразуміе! Одѣяніе кадъ се издрпа и издере, бацамо га у ћубре; тѣло, коє, кадъ остари, ослаби, и изгуби ову топлоту крви, иде као земля у землю; за ньи се толико старамо и мучимо, а за словесность коя у нами мысли, и коя є способна правди, истини, богопознанству и свакой божественной добродѣтельи, слѣдователно и вѣчномъ и безконечномъ животу, толико мало маримо! Одъ кудъ дакле толика немарность, разве, што є како надлежи, не познаємо? Жена остроумна, коя є управъ увѣрена о сили красоте и пріятности своє, она се облачи за нужду, обычай и пристойность, нити є толико проста, да се узда выше што примити одъ шивача свога, него што є примила одъ премудре руке єстества. Подобнымъ образомъ разумный човекъ кои познає све преимущество словеснога ума илити

душе, онъ се стара за тѣло своє, колико нужда и благопристойность изискуе да є здраво, чисто и благопріятно, но никада га не обожава, нити за нѣговъ прекомѣрный атаръ и угожденіе презире и пренебрегава благородніо часть себе, то єсть словесный разумъ. Моє є мудрованіе о човеку доста познато, зато се не боимъ да ме ко овде не прими за каква жестока предикатора, кои оће да є човекъ савъ, и само, Духъ. Не, то нити є потреба нити є пакъ могуће, докъ смо съ тѣломъ заєдно: но ово є нужно и возможно, да се свакомъ своє дає; и на овый начинъ быва у нами совершена армонія илити согласіе сладчайше небесне музике. Дакле наше предраге Сербске кћери добро нека знаду, да благообразіе и красноличіе кадъ су съ цѣломудріемъ, съ светомъ чесностію, съ смиреномудрымъ благоразуміємъ, съ незлобивымъ и непорочнымъ благонаравіемъ, съ разумомъ и мудростію соединѣне, онда су миле и пріятне Богу и людма; а безъ овы добродѣтелый, и съ противнимъ ныма злобама сва лепота, и красота, и пріятности ништа нису него ругоба, срамота и несрећа. Нека приме овый премудрый совѣтъ благоразумнога Оца, кадъ се годъ виде у огледалу; ако имъ се чини да су лепе, некъ све своє попеченіе у томъ положе, да свою лепоту са злонаравіемъ не обезчесте и не потару. Ако ли имъ се то не чини, некъ се нимало не стараю за особиту тѣлесну лепоту; знаюћи, да душевна и наравна красота, коя є у ныовой власти, несравнѣно є честнія и благороднія; ибо ова, чрезъ године и старость не може увенути, болесть є не може наружити и порушити, иста смрть ніе кадра уничтожити ю, зашто є она рода божіега, и съ Богомъ скупа пребыва и вѣкуе: sat pulcher qui sat bonus! Доста

є красанъ, ко є доста добаръ! Паметно учи Федрусъ.

120.

ЛИСИЦА И КУРЯКЪ.

Лисица упадне у єданъ бунаръ; у то исто време по случаю пролазећи туда курякъ, чуе гласъ и вику изъ бунара; погледа и види бѣдну лисицу готову утопитисе; коя га почне молити и заклиняти, да поити колико брже, донесе уже, и да є извуче. Курякъ се обешта све то учинити; но при тому, запыта є да му каже, како є ту упала; она кои иначе, одъ свакога почитуєсе за хитру зверку, и врло се ласно неда преварити: Уже! Уже! викне она, помагай! видишъ да мени ніе до дангубе и разговора. Извади ме пре, пакъ ме онда пытай, што годь оћешъ.

Наравоученіе.

Кадъ видимо кога у нужди и у невольи, ако можемо, помозимо му: ако ли не можемо, кажимо му управъ да се не нада: нити стоймо зановетаюћи и преговараюћи му, да ниси то учиніо, болѣ бы было. Кадъ ко погреши и пострада, тада и самъ види да ніе како надлежи поступіо, нити є потреба да му мы кажемо оно што онъ чувствуе. Оно є добаръ погађачъ, кои по̀годи пре него се стварь случи, а кадъ се већь што догоди, свака бака може о томъ прорицати.

Кажу за Шпаніоле, да ако ће ко одъ ный и просякъ быти, опетъ є поноситъ и высокоуманъ. Єданъ одъ овы заиште одъ некогъ Господина, да му што да: а онъ га почне увѣщавати, да здравъ човекъ не валя да проси, него съ трудомъ руку свои себе обдержава. Оћешь ли ты мени дати, што я одъ тебе иштемъ? то ты мени кажи; одговори му высокоумный просякъ, а то што ти мени садъ говоришъ, држи за се, єръ я све то знамъ болѣ одъ тебе. Бѣдна стварь просякъ поноситъ! зашто иначе знамо, да нужда и убожество смирява и велику гордость. Срамотна вещь, видити здраво тѣло да проси, а наипаче кадъ быва изъ лѣности и обычая: а кадъ є познато, да є ко трудолюбивъ и поштенъ, пакъ му се случи какво несчастіе: онда свакъ чувствує велику радость, кадъ може такомъ помоћи. У Аѳини измећу прочи Судія уређавали су се и такови Надзирательи, кои су морали знати, на кои начинъ и найпоследный гражданинъ своє препитаніе и содржаніе придобыва. Ленштину и безъ нужде просяка нису хотели међу собомъ трпити; гди су пакъ праву нужду видли, ту є све общество єдинодушно помагало. Предваравати валя на свакій начинъ, да се ленштивость не уводи у обычай, а гди є права потреба, онде преблаженъ онай, кои показує по своме могућству милостиво и благодѣтелно срце и утробу. Овде служе оне свете речи: Блажени милостиви, яко тіи помиловани будутъ! Златне су и оне речи Исократа къ Димонику; *μηδενὶ συμφορὰν ὀνειδίσῃς! Κοινὴ γὰρ ἡ τύχη καὶ τὸ μέλλον ἀόρατον.* Никога у злополучію не укоравай! Ибо, случай є общій, и време будуще не видисе.

121.

ЛАВЪ И МИШЪ И ЛИСИЦА.

Лавъ у своєй пещери спаваше; дође мишъ и претрчи му преко шіе: тргнесе лавъ, и скочи иза сна; то гледаюћи лисица съ поля, начне му се посмеявати, говорећи, да онъ Лавъ будући, миша се бои и плаши. Не боимсе я, одговори Лавъ, што є годъ мишева, али я нећу нипошто да се тай обычай уводи, кадъ я спавамъ, да се они мени преко шіе утркиваю; некъ трче кудъ су и пре тога, широко имъ полѣ.

Наравоученіе.

Злимъ обычаємъ валя на свакій начинъ изъ почетка противъ стаяти, да се не уводе и не укореняваю: зашто кадъ се већь уведу и утврде, силомъ и на срамоту оћею да се за законъ држе и почитую. Ево шта простота и суєвѣріє виче: тако су наши Стари чинили; тако оћемо и мы; но ово, у свачемъ ни мало не валя. Наши су се Стари пре неколико стотина година кланяли Давору и Коледу, као своимъ боговомъ, коихъ се садъ єдва име гди чує. Наши су Стари за многе коєкакве после люто пострадали: єли дакле право и паметно, да и мы у ньима остаємо и страдамо? Ни пошто! Кадъ бы люди све єднаки остаяли, никада нієданъ народъ небы се поболшао ни просветіо. Разумни иду све на болѣ, а неразумни или остаю како су были, или (што є вѣроятніє) ако се не поболшаваю, а они иду све на горе. Ово добро да примѣтимо: Докъ

се годъ єданъ народъ наоди у простоти, онъ є у состоянію дѣтинства, зашто детету є природно да є просто; али ово му не быва изъ доброте нѣгове, него изъ незнаня и неискусства, на истый дакле начинъ како годъ дете колико выше расти, све то већма быва или паметніє и болѣ, или луђе и горе. Ако се на добро упућує, наставля, учи и принуђава, съ возрастомъ расти у нѣму разумъ и добродѣтель; и тако мало по мало постане човекъ благонараванъ и совершенъ, благопотребанъ себи и другимъ. Ако ли пакъ живи и расти своєволянъ, необузданъ, распуштенъ, а наипаче съ строптивимъ дружствомъ, кои му свакій данъ даю развращене примѣре, быва данъ о данъ горый и опачніи: подобнымъ образомъ быва и съ цѣлы народы: изъ почетка су сви прости; пакъ ако се чрезъ добре обычає и законе на добро упуте, иду и напредую све къ то већемъ совершенству и благосостоянію; ако ли се упуте на криво и на зло, а они изъ простоте доћу у варварство, глупость, суєвѣріє и у свако злонаравіє. Зашто су Албанези одъ толико стотина година све араміє и убіице? Ни зашто друго, него што остаю као су имъ и стари; што є опачніє! мало по мало бываю све тогори; догодъ ко паметанъ ньима не облада; пакъ онда оне кои не буду хотели одъ зла престати, све поизвепа, а остале упути на добро и принуди іи, да живе мирно и паметно, и да буду благополучни. Да є Великій Петаръ хотео да нѣгови Россіяни остану као су имъ и стари были; они бы были и данасъ као Татари: али є богопросвештеный Монархъ знао да то ништа не валя; увео є нове обычає, науке и законе, и зато є Россіа данасъ тако славна. Сви Европейцы да су хотели остати као су имъ Стари бы-

ли, были бы и данасъ Ідолослужительи, а не Хрістіяни; варвари, а не просвештени и благоуправляєми народи. Изъ овога дакле што самъ рекао, и најманѣ дете може познати, колика є потреба отличавати зле обычає и неваляле одъ добры и полезны. Премудрый Творацъ ово є вложіо и усадіо у єстество вещій, да што є годъ управъ полезно и за свагда полезно, то є и добро. Како оћемо дакле да познамо єли єдна стварь, или дѣло или обычай добаръ, прво испытаймо нашто є благопотребанъ и полезанъ? И будући да є овде слово о обычаи злы или добры, испытаймо іи, и разсуждаваймо о ныма: и коє познамо да су непотребни и ни нашто полезни, одмећимо іи, ако су чакъ одъ Маѳусалова времена; а добре само уздржаваймо и утверждаваймо; и нове коє познамо за полезне, уводимо и узаконяваймо; и тако поступаюћи и напредуюћи, изъ простоте и детиньства нећемо доћи у варварство, коє є много горе одъ детиньства, но у возрастъ мужа совершена и украшена разумомъ и добродѣтелію. И заслужићемо мѣсто међу славнимъ и просвештенимъ Нацiама Европе.

122.

ЯГНѢ И КУРЯКЪ.

Ягнѣ бѣжећи одъ куряка, за утећи и избавити га се, прибѣгне у єданъ храмъ богова; зло си прибѣжище нашао, рече му вукъ, како те ту Попови нађу, заклаћете на жертву боговомъ. Волимъ, одговори ягнѣ, боговомъ жер-

тва быти, него твоимъ кровожаждущимъ челюстима рана.

Наравоученіе.

Умрети, мало пре или после сви морамо; али кадъ є ко принужденъ пре времена животъ оставити, баремъ некъ се стара, како ће се съ њимъ најславнијимъ начиномъ растати. Ово се говори за оне, кои за показати само да су храбри юнацы, не маре на кои ће начинъ погинути; а ово є са свимъ лудо и безсловесно. Велика є различностъ, законно и праведно за отечество воююћи кровь пролити, или само за инатъ, за безсловесну ярость и устремленіє, или у крађи и у лупежству животъ изгубити. Прво є дѣло похвално, витежко и славно; а второ є толико колико на вешалы высити; и скупа са животомъ честь и душу свою изгубити. Худа и луда мнѣнія они люди о храбрости и юначству имаю, кои мысле, да се то само у томъ состои, за животъ свой не марити, и съ єднакомъ будалаштиномъ или убію, или убієни буду. Човекъ кои зна да безъ узрока ни коня, ни вола, ни пса не валя живота лишити; може ли тако зверонараванъ, лудъ и бесанъ быти, да свой или подобнога себи човека животъ за багателу вменява и држи? Погани су, проклети, и вѣчне срамоте достойни неки мѣста обычаи; гди, за осветити кръвь єднога, оде нечовекъ пакъ убіє другога, кои томе ништа ніє кривъ. Ова се люта и проклета дѣла онде творе, гди нейма добры закона ни управлѣнія. Люди! люди! Оћете ли кадъ годъ на небо погледати, и помыслити, да є Ботъ надъ вами, кои васъ гледа и види, и кои ће вамъ судити? Єли могуће, да є одъ толико стотина година међу вами Хри-

стянекій законъ, и да іоштъ не знате, да онай кои ніє кадаръ и неће и своме непріятелю и злотвору простити, нити є, нити може быти Хрістянинъ? А у време мира кровь човеческу пролити, и живота га лишити! Таковый нити є кадъ вѣровао, нити вѣрує Христа, но самога діавола, коме съ таковы дѣлы служи. Ево речи самога Спасителя Христа: Творяй дѣла діяволя, отъ діявола єсть! Коя полза називатисе Хрістянином, а дѣлы служити самоме сатани? Дакле, они кои су такови, или некъ престану, одъ таковы проклеты и вражіи обычая и дѣла, и нека уведу између себе поредакъ, законе и судъ, или баремъ нека не лажу, нека се и словомъ Христа одреку, коєга пресвету науку и правду нити слушаю нити познаю. Они кадъ се међу собомъ поздравляю, веле єданъ другомъ: Свѣтао ти образъ. Ово є прекрасанъ поздравъ! Али валя чисто знати, да они, кои у време мира туће неправедно грабе и отимаю, и друге лупежскимъ начиномъ убіяю, они су за вешала. А може ли и када светао образъ быти онога, ко є достоянъ да на вешалы выси? Њму є црнъ образъ предъ людма и предъ Богомъ, и онъ є нитко и ништо и поганинъ. Али ће се покаяти! Онай покаяти! кога є срце тако опоганћно, да у време мира човека може убити? Никадъ до вѣка! Онъ не зна шта є покаяніє, него само у време болести лаже, и оће Бога да превара. Но мысле такови, да су храбри юнацы! И у томе се люто вараю, нити знаду што є право, разумно и поштено юначство. Како ће быти юнакъ онай, кои ніє кадаръ съ собомъ владати, съ разумомъ и намећу себе зауздати, и праведно и поштено на свету живити? нѣгово є юначство скотско и зверско, како свію арамія, лупежа и пустаія. Ако,

по случаю, ова кньига и међу те люде дође, гди се вишеречени зли обычаи іоште наоде; нека не приме ове речи, они кои су међу ньима поштени, разумни и добродѣтелни, и себи на безчестіе и укореніе. Ово се само за зле разумева и говори. Я самь живіо съ ньима, и знамъ да се наоде између ньій премногы благородномыслећи, препоштени и славни люди: коє я высокопочитуємъ, и выше любимъ, него они могу себи представити; и опетъ, за зле се ово говори, за коє и свето ЕВАНГЕЛІЄ овако говори и пише. Дакле, за живога Бога! Поредакъ уводите међу се, изберите себи Поглавара, и дайте себи законе добре, по коима ко се годъ не буде владати и управляти, да се съ судомъ наказуе, а не безъ суда и како ко оће и може: и на овый начинъ, увѣрени будите, да ћете быти дика и слава нашега рода и имена; и тада быће вамъ предъ Богомъ и предъ светомъ свѣтлый и пресвѣтлый образъ, и быћете управъ свободный, храбрый и славный Народъ! Коє вамъ жели срце и душа моя одъ благога Бога до вѣка!

123.

КРМАЧА И КУРЯЧИЦА.

Крмача готова опраситисе, лежаше затворена у кошари: кадъ етоти одъ некуда курячице, коя немогући къ ньой улѣсти, почне іой говорити съ поля, завируюћи крозъ ограду: Сестрице! по свой прилицы ты се мыслишъ опрасити: зато самь ти я на помоћь дошла:

я ти одъ свега срца добро желимъ, како теби тако и твоимъ прасићемъ. Фала ти лепо, одговори крмача, на твомъ доброжеланію; али како самъ се я и до садъ прасила безъ ничіе помоћи, тако ћу и садъ и у напредакъ. И ако ми управъ добро желишъ, мени и момъ породу, како сама сведочишъ; а ты отступи и удалисе одъ насъ, колико далѣ можешъ: зашто наша є наравь така, да колико знамо куряке далѣ одъ насъ, толико су намъ пріятніи: а како помыслымо да су гди близу насъ, нешто намъ се стужує, пакъ оштримо зубе.

Наравоученіе.

Кадъ є ко познатъ да є двострукъ и лукавъ, неваля му вѣровати, ако ће незнамъ како лепо говорити. О овоме смо на выше мѣста напоминяли; ништа манѣ, ова є матерія толико важна и нуждна за человѣческій родъ, да се о ньой никада одвећь много не може говорити. Ибо свакій данъ, зли и лукави добре и чистосердечне на свакій начинъ раде да преваре и за носъ да вуку. Да свакій човекъ за свою користь ради и настои, ово є природно и нуждно; но то исто може быти съ правдомъ и съ неправдомъ. Поштенъ и правдолюбивъ човекъ, никада са своимъ знанѣмъ, не жели за свою користь другога на штету навести: а неправеданъ у свачему, ни за кога и ни зашто не мысли; него за се и за свою добыть; праведно или неправедно, то є нѣму све єдно. Зато у свакомъ предпріятію потреба є добро на умъ узети, съ кимъ имамо дѣло, ко є ко, и какавъ є, и како се є досадъ съ людма владао. Єзикъ є безъ костію и зглавака, ласно слаже речи какве оће; и свакій зао може сладко и лепо

говорити, зато право га се є чувати, и на нарави и дѣла свакога сматрати. Бѣдно є и несрећно оно общество, гди се у обычай уводи притворность и лажльивость; и гди не само на речь, него ни на заклетву єданъ другога не смеду се поуздати: а то є права истина, да ко є годъ кадаръ свою речь безъ крайнѣ нужде погазити, онога ни клетви не валя вѣровати. Очуждаваймо дакле одъ себе худе обычає лицемѣрія и притворности! Не даймосе временнымъ користолюбіемъ заслеплявати! Нећемо довека овде живити; и никада не заборавляймо, не само како Хрістяни, него и како честни люди, оне свете речи: БУДИ ВАМИ ШТО ЄСТЪ ЄСТЬ: А ШТО НІЄ НІЄ!

124.

ЛИСИЦА, ПЕТАО, КОКОШИ И ПСИ.

Лисица мртвагладна, види изъ далека петла съ кокошима, и пође управъ къ ньима. Упази є петао и кокоши, и поизскачу на єдно гранато древо. Видећи ій лисица изванъ свога домашая, весма се оскорби; но айде на срећу, помысли у себи: ово ніє првый редъ, да є мени моя хитрость помогла. Приступи съ великомъ учтивостію и сладкогледућимъ очима; поклонисе найпре петлу, пакъ онда свимъ кокошима; и съ кроткимъ гласомъ и веселымъ лицемъ начне имъ говорити: Та што є то? заръ се вы плашите одъ мене? Мећеръ я видимъ, да вами іоштъ гласъ ніє дошао, што се є юче заключило на вселен-

скомъ сабору свію животиня! Шта? рече петао, мы іоштъ ни слова о томе не знамо. Хее! Докле мени муштулукъ, одговори лисица; Миръ, всеобщій миръ, међу своимъ животиньомъ заключіо се и утврдіо. Одсадъ ће вуцы пасти са яганцы, ястреби съ голубовы, и лисице са кокошима, нитъ се има ко шта бояти ни плашити. Сиђите дакле, да сви скупа овый радостный празникъ празнуємо. Онда и петао, чинећисе пунъ радости, викне: о сладки вѣстій, веселы гласова! Пружи вратъ и поиздигне главу, као да нешто издалека види: ево и наши пааса, гди управъ овамо трче, и носе намъ новине мира! Пааса! викне лисица, пакъ бѣжи на све четири ноге, колико игда може скачући. Стани што ти є, викне петао, та миръ є учинѣнъ! Е заръ пси маре за миръ, рече лисица бѣжећи, болѣ се мени за времена уклонити.

Наравоученіе.

Ево лепа наука, како се валя съ лукавымъ владати. Съ клинцемъ, што но речь, клинацъ истерати. Разуманъ човекъ кадъ зна да съ чистосердечнымъ и поштенымъ людма има дѣло, онда є и самъ незлобивъ како ягнѣ, и ту му є мрзка и скаредна свака притворность и ухищреніе: а кадъ пакъ позна да другій о лукавству и превари мысли, онда и онъ остроуміе на помоћь себи узима. И ово є исто чему насъ Єванґеліе учи, говорећи: БУДИТЕ БЕЗЗЛОБИВИ КАКО ГОЛУБОВИ, И МУДРИ КАКО ЗМІЯ! Ніе право да зли добре вараю, и да ім за будале држе. То ніе никаква доброта, да те вара свакъ ко оће. Дати се два путъ одъ єднога преварити, то є не-

достатакъ разума. А иуштатисе свагда варати и за носъ потезати, то є са свимъ луда простота, за такога се ужа рећи: простъ као магаре, гди га ко привеже ту стои, нити мысли, были се како могао одрешити? Достоинство словесногъ човека состоисе у разумной и просвештеной добродѣтельи, а не у слепой глупости. Когодъ одвећь фали єднога народа безъ разума простоту, или мора быти и самъ простакъ, или є лукавъ и злохитаръ, пакъ у томе наоди свою користь, да други остаю у простоти и слепоти ума, да онъ може съ ньима чинити што оће, и да му вѣрую ако имъ рече да магарацъ лети. Но благодареніе буди Богу, садъ се мракъ и тама неразумія разгони; лукаве кабале, злоковарни и человѣчеству вредовити и срамотни махіавелисми изгонесе измећу людій; соборища коєкаква помрчине и буцака, коя се одъ рода человеческога отделяваю, и ишту мало по мало Царемъ и Народомъ да обладаю, све то, са суєвѣріемъ, съ незнанѣмъ и съ глупомъ простотомъ гине и изчезава. Просвештени и правдолюбиви Владѣтельи желе поштенимъ и просвештенимъ людма да владаю и управляю. Зашто таковый народъ познає и почитує у свештенной персони Цара, свога праведнога судію и чадолюбива оца, къ коєму му є усвакой невольи путъ свободанъ и отворенъ: зна да є интересъ царскій, до найпослѣднѣга човека у царству єданъ, то єсть, безбѣдно и мирно свакога у нѣговомъ состоянію живлѣнѣ. Сви добри и поштени у цѣломъ царству браћа су и вѣрни прілтельи, коє є зато натура учинила, да у обществу живе, како ће лакше и болѣ єданъ другомъ помагати, и себе ваймно и єдинодушно одъ злы и неправедны чувати. Крайня глупость и простота и чрезмѣрно славолюбіе соєдинѣно

съ лукавствомъ, єднако су обществу вредовите и погибелне. Што су Єзуити чинили, іоште мыслили (да су могли), томе є узрокъ ньіово зло славолюбіє и лукавство. Юче 24. Декемвра по рим: стои у новинама: у Гои граду, у Португалской Индіи, двеста попова да су се согласили и свезали были противъ законнога свога Краля. Общество себезваны Илумината, у Баваріи, пре четири године низвргнуто, шта є хотело, ишту-ћи да сва гражданска и милитарска достоинства у шаке узме своє? Тайна браћа! што ће намъ у обществу, и осимъ целога общества тайна браћа? Истина, правда и добродѣтель свѣтъ любе а не тайне, помрчину и буџаке. Противъ непріятеля отечества тайну употреблявати, то є са свимъ друга работа. Али у своемъ истомъ отечеству и обществу, међу честнимъ людма, и вѣрнимъ отечества синовима, тайне некакове, и потаєне састанке држати, подъ извѣтомъ аки бы се чрезъ то обществу добро мыслило чинити; а у исто време, кадъ се іошть види, да та иста тайна браћа злонаравнымъ (само ако су ньіови) на достоинства пенятисе помажу! Ово шта є, ко зна да дваредъ два чини четири, погодити може. Кадъ бы се то чинило онде гди варварство влада, и гди ніє слободно што добро и паметно ни говорити, ни творити, имао бы се баремъ извѣтъ: али у просвештеномъ владѣнію, гди се за добродѣтель почитує, све што є полезно и разумно, и говорити и дѣлати; онде се нимало не види, нашто у добримъ дѣлама тайна? Іоште къ тому; кадъ бы се видло, да такова общества избираю и примаю међу се само такове, кои су засвидѣтелствовани и безъ свакога сумњенія познати добродѣтелни, была бы имъ часть и поштенѣ, кое добродѣтели, гди є годъ она, пригадаме: али, кадъ се

види, да они лове само оне кои су или богати, или у достоинствама, а за качество и благонаравіє или мало маре, или ни мало; ово є што савъ поводъ дає о њима зло мыслити. Бѣда онде добримъ, гди сва власть злима у шаке дође! Ко Бога познає и люби, онъ то съ свои добры дѣлы засведочава, и съ искренномъ любовію къ свимъ добримъ и поштенимъ людма, одъ кои, ни на кои начинъ онъ не жели да се разделює и разцеплює. Реклосе є на выше места, и опетъ некъ се рече: иста наука и просвештеніє разума, безъ свете добродѣтели и благонаравія, не само ништа не валяду, но и на зло служе. Єзовити су были весма учени люди, но коя полза, кадъ су лукави и злохитри были? За такове учене лепо приличествує она наша пословица: гди су кола мудрости, ту су двоя лудости; и башъ є тако у ономе, кои є тобожъ ученъ, а лукавъ и зао. Зато, не раздѣлѣніє међу люде но соєдинѣніє валя уводити: ко се годъ одриче поштены людій, браће своє, одричесе самога Бога: соєдинѣніє не велимъ у читаню и пояню у цркви; Богу є све єдно та ко читао гречески та латински, онъ све то разуме; но оно блажено Евангелско соєдинѣніє у любови, миру, вѣрности, поштеню и у свакой добродѣтельи. Ово се зове право во хрістѣ съ Богомъ соєдинѣніє: ВОЗЛЮБИШИ ГОСПОДА БОГА ТВОЄГО И БЛИЖНЯГО СВОЄГО, ЯКО САМАГО СЕБЕ. Ево савъ законъ и сви пророцы! по Спасителя самога науцы: одавде управъ и очевидно слѣдує, да ко се годъ одриче ближнѣга свога, одричесе и Бога.

125.

КОВАЧЪ И НЂГОВЪ ГАРОВЪ.

Єданъ трудолюбивъ ковачъ имаѣаше нагоєна но лена гарова, кои у све време кованя лежаше кадъ у єдномъ кадъ у другомъ буџаку; нити онъ мараше да зна, што се око куће ради. А како бы ковачъ почео єсти, етоти му гарова разбуђена и готова. Найпосле већь досадисе ковачу, затвори ковачницу, спопадне єданъ ашовскій држакъ, пакъ почне гарову овако предиковати: Гарову ниєдна вѣро! Псе и одъ пса! зато ли ты оћешъ да я тебе ранимъ, да ми ты по васъ данъ у ковачницы смрдишъ, єли? Кадъ я лупамъ, да се не само наковань, него и земля подамномъ тресе, теби є то таманъ спаваћа музика! А како се моє вилице почну мицати, на ма ты скочишъ, као да ти сто шиляка подъ кожу улѣзу. Броишъ залогає што я у уста улажемъ, као да ме ты ранишъ! Несита утробо, да можешъ, џигерицу бы ми изъ тела изео! Ово изрекавши начне га мазати, све узъ длаку и низъ длаку: пакъ онда отвори врата, и да му путъ.

Наравоученіе.

Премудра и прекрасна предика за ленштине и тунеядце. Нейма ти срамотніегъ ни хуђегъ заната одъ дангубице, безпослице и лѣности. Найлепши божіи дни таковоме пролазе у згадльивомъ унинію, коє є отровъ живота. Кои му драго пань достоянъ є већега поштеня него онъ. За-

што пань, прво баремъ є правый пань, второ не иште єсти, треће, може за многе потребне ствари служити, ако ни зашто, а оно за огань. А ленштина и дембелъ, нити є међу люде, нити међу панѣве пристао. Чинисе као да є човекъ, по томе што бы радъ єсти и пити: али ево беде, кадъ нема шта, а онъ онда мора мыслити или о превари, или о крађи, зашто трбу за шалу незна, онъ своє оће те оће. Ако ли є пакъ имућь и нїє му нужде красти: а онъ кадъ се наєде и задовольи тѣло своє, неимаюћи никакова полезна и благородна упражнѣнія за умъ и срце своє, мора о свакой будалаштини мыслити. Душа му є подобна пустой и забаталѣной башчи, пуной трня, коприветина, и свакоякогъ непотребногъ корова. Непреценѣный и неисказаный даръ божіи, ВРЕМЕ! Ово кратко време живота, коє є трудолюбивимъ и добродѣтелнимъ доста дугачко, зашто ньимъ свету и блажену вѣчность могу заслужити и добити, томе, сиречь ленивцу, ништа нїє, него као некакво проклетство божіє. Ево, браћо моя, шта се раћа и произлази изъ злоупотреблѣнія найлепши и найполезніи божиіи дарова! Медъ истый претварасе у отровъ, и исто благословлѣніє божіє, милость и благодать у проклетство. Зато предрага юносте! Чувайсе да се изъ младости овой злоби не предашъ и не обыкнешъ, ако любишъ себе и благополучіє живота твоєга, не само вѣчнога, но башъ и овога временнога. Пытали су Апелесса, како є могао постати таковъ славный живописацъ, каковъ нїєданъ пре нѣга нїє быо? *Οὐδὲ μίαν ἡμέραν ἄφησα ἄνευ γραμμῆς.* Нїєданъ данъ нисамь оставіо безъ редка, одговори. Ево найспособніє и наймудріє правило, за достигнути къ великомъ успѣху у буди коємъ дѣлу, науцы и занату. Нїєданъ данъ не пропу-

стити безъ посла и ползе. То є безуміє, данасъ преко мѣре много чинити, а сутра са свимъ ништа. То се зове καρκίνου βάδισμα рачіи ходъ. Време своє валя измѣрити, разложити, и за свако надлежеће дѣло опредѣлити; пакъ онда ово опредѣленіє и редъ никогда кромѣ крайнѣ нужде и болести не преступити. У пристойно време спавати, проходатисе и проиграти, за дати тѣлу и крови потребно движеніє, и у здравлю содержати га, ово ніє данґуба; кадъ само у своє време быва. Натура є премудра, по ньой се валя съ разумомъ владати. Како годъ, ко претовара стомахъ съ толикимъ єломъ, коє онъ ніє кадаръ скувати, на мѣсто ползе одъ єла вредъ и болесть на се навлачи; тако и онай, кои преко мѣре много чита, и преобременява умъ свой съ толикимъ вещма, коє онъ ніє кадаръ паметствовати и (да тако речемъ) скувати, ништа друго не добыва, него несвесть и вртоглавицу, доводи у разслаблѣніє мозакъ, и весма слабо и худо напредує. Оно є свагда много, што є добро и совршено. Толико читаймо, колико, кадъ оставимо кньигу, можемо памтити, и знати шта смо и о чемъ смо читали; и после сврхъ тога да смо кадри мыслити, судити и разговаратисе. Овако поступаюћи, свакій данъ, ако ће быти и по мало, но у много дана буде много. Кадъ се съ временомъ овомъ поредку и начину приобыкнемо, тада намъ се то преобрати у природу, и быва намъ ласно, мило, сладко и преполезно. Ово ћу само рећи за примѣръ: нейма одъ хіляду глава єдна, да ніє кадра на данъ баремъ седамъ врста запамтити: а свакій данъ по толико, свакъ види како то расти и умножавасе. Ништа ніє чешће чути, него да се многи туже да слабо памте: како ће ко икада памтити оно о чему не мысли? А тіи исти, кои се

тако туже, добро памте коєкакве безделице, о коима свагда мысле. Мати натура свакомъ є довольно дала, ко само то у добаръ редъ и разположеніе метне, и пристойно употреблява: и весма често, слабіе паметствованіе съ добрымъ уређеніемъ и прилѣжаніемъ, выше добыє и накупи, него друго вредно и отмѣнно безъ чина и поредка. Пасъ колико каса, да све управъ иде, отишао бы у Америку, али онъ трчи коєкудъ, докъ изплази єзикъ. Лѣность дакле, и безпоредакъ єднако су штетне и вредовите, одъ коихъ юность, како мужескога, тако и женскога пола изъ младости валя да се чува и убѣгава. Какова утѣха и радость, споминятисе у старости свои трудолюбивы, добродѣтелны, и плодородны млады година; право блаженство живота человѣческога и царство небесно овде на земльи! И безъ сумнѣнія, душа, іоште овде съ таковымъ предрагимъ, добродѣтельи и разума сокровищемъ обогаћена и спремлѣна, кадъ одавде изиће, по свидѣтелству блаженога Спасителя, іоштъ выше ће получити: ко има, вели, даће му се и претећи ће му, а ко нейма, узеће му се и оно, што себи мечта да има, а самимъ дѣломъ нейма.

Примѣчаніе.

Мала но преполезна о Празникахъ кньижица, Господиномъ Іоаномъ Мушкатировићемъ, Пештанскимъ сенаторомъ, составлѣна и издана, достойна є всеобщегъ чтенія. Овый ученый, и за своє усерднѣйше, отечеству и свой націи нашей доброжеланіе достохвалный мужъ, премудро у реченной книжицы доказує, шта су празницы, како су постали, како валя да се разумно празнують; и какова штета одъ ныій произходи, кадъ се

неразумно у лѣности проводе и злоупотребляваю. Лѣность є великій и общевредовитый грехъ; а ко не зна, да грехъ ни на празникъ не валя творити? А наипаче кадъ запопадну по два, по три и по четири у єдной недельи празника. Да су неки дни опредѣлени, за поћи у цркву и Богу се молити, овай є лепъ обычай, али не валя изъ нѣга злоупотреблѣніє чинити. Хрістосъ Спаситель учи насъ: НЕПРЕСТАННО МОЛИТЕСЯ! то єсть, и кадъ сте у послу, нека срце ваше о Богу и о добру мысли; ово є права къ Богу жертва и молитва. Нейма небу благовоннієга тамняна ни пріятніега приноса и молебствія, него кадъ добрый и поштеный човекъ дѣлаюћи Творца свога слави и о нѣму мысли; и тако съ своимъ прилѣжнимъ трудомъ полаже себе у состояніє, себи и ближнѣму своме добро учинити. По случаю, я ово у данъ недельній по литургіи пишемъ; но за то ме совесть моя не обличава; на противъ, радуємсе, желећи да чрезъ ово комгодъ полезанъ будемъ; ако не за могъ живота, ништа за то, има томе времена и по смрти: а да безпосличимъ, коя бы ми полза была?

126.

ЯСТРЕБЪ И КУКАВИЦА.

Ястребъ запыта кукавицу, съ чимъ се она рани: ова му каже, єдемъ мраве, и свакояке црвиће, но найлепша ми є часть, кадъ уфатимъ младогъ польскога миша. Насмеєсе ястребъ: међеръ си права кукавица! рече іой. Та ето те по величини тѣла коликъ я; а ни

перѣ ти нiє одъ могъ перя отлично; зашто дакле голубове, кокопи и пилиће не фаташъ? онда бы знала што є сласть и рана! То изрекавши, залетисе къ єдной куhи међу кокоши. Селянинъ, кои га давно съ пушкомъ вребаше, пукне на нѣга, и пребiє му десно крило, веже га iоште жива за ногу, и обеси га негде у авлiи, да се ньимъ и други ястребови плаше. Онда кукавица видећи га гди се обешенъ iоште копрца, рече му: Садъ ми кажи, ко се болѣ рани, я или ты?

Наравоученiє.

Ништа нiє безбѣдниє, мирниє и поштениє, него съ своимъ праведнымъ трудомъ ранитисе и содержавати: нити пакъ бѣдствителниє и срамотниє, него на туће лакомитисе, и съ неправдомъ себи помоћь искати. Праведанъ и добаръ човекъ, ако и штетує, и све што има изгуби, Богъ и добри люди неће га ни пошто оставити. Усаћено є одъ Бога у срце добримъ людма, да радо желе поштеномъ човеку у злополучiю помоћи. А неправеданъ и зао, и оно што съ неправдомъ стече, съ немиромъ и са свагдашньимъ безпокойствомъ ужива. Ако ли (како се често случава) што има изгуби, ништа му не остає него срамотно име. Ево єданъ кратакъ разговоръ некога старога капетана Рашковића изъ Голубића у Далмацiи, съ єднымъ Светогорцемъ, кои самъ у нѣговомъ дому на данъ светога Николая, коєга онъ славляше, у реченомъ селу децу учећи, слушао. И будући да є кратакъ, а весма и у самой простоти куріозанъ, оћу га овде придодати. Седећи мы при трапези, зачуєсе у авлiи топотанѣ коня, и гласъ Светогорца, кои како сяше, почне

ка' у своєй кући заповедати, да се коньма зобь даде. Несмеєсе старацъ Капетанъ, говорећи: ето ти ми куге, никада се съ тимъ човекомъ безъ кавге не могу растати: та сви калуђери ишту, али овай силомъ оће да отима. Светогорацъ. Но Капетане, пиши єдну парусію на царскій манастыръ Н. Капетанъ: Та одпочини мало оче, нека найпре ручамо; има томе времена. С. Поседићу мало, докъ коньи позоблю, алъ ми ніє до дангубе, єръ знашъ шта га є данасъ кршнака: оћемо ли записати парусію? К. Я нећу ништа писати, него што будемъ могао, даћу и безъ писаня. С. А шта ћешь дати? К. Даћу ти єданъ цекинъ. С. Цекинъ на свету гору? Ніє ли ти срамота, предъ толикимъ людма то и рећи? К. Я мыслимъ оче, кадъ човекъ дає оно што може и оће, не заслужава срамоту него поштенћ. С. Мени цекинъ; заръ самь я Марко слепацъ? К. Марку слепцу кадъ я ґазету дамъ, онъ ми вели: фала и да Богъ поможе, а теби и съ цекиномъ срамотанъ се чинимъ. С. Заръ незнашъ Капетане, да какву милостиню ко дає, онакій и благословъ прима? К. Я знамъ да є оно права милостиня, кою човекъ да онде гди валя, и добровольно, а не силомъ и преко срца. С. Онде гди валя! А заръ у свету гору не валя давати? Да одъ кудъ вамъ долази выше благослова него изъ оны светы места, за коє васъ и Богъ благосливля, и накнађа вамъ сторицею оно што вы нами даєте? Овде се Капетанъ насмеє, и овако му одговори: Калуђеру! я самъ теби толико пута рекао, да се ты самномъ не инатишъ; я знамъ добро, да Богъ благосливля оне, кои се труде и правично живе, али, да нами Богъ дає за ваше калуђерске благослове, то ты другима казуй; да вы таке благослове имате, вы бы себе найпре

благословили, и небы довека просяцы были, ни свету досађивали. С. Мы не просимо за себе, него за манастиръ. К. Опетъ онъ! За манастиръ. Та ніе ли манастиръ ваша кућа? А ко проси за свою кућу, не проси ли за се? С. Ты незнашъ Капетане, колико се людій у єдной лаври рани. К. Та у добрый часъ, ако ће васъ быти и на иляде: колико васъ є выше, толико выше можете израдити и изпословати; да оћете да се трудите, пакъ бы васъ и Богъ благословіо, и дао бы вамъ ка' и другимъ людма, али сте се вы научили съ туђомъ мукомъ живити: а гди є годъ туђе, ту ніе благословъ него проклетство; то я знамъ, и теби кажемъ. С. Небы ты тако говоріо, да знашъ шта мы Туркомъ даємо. К. Да вы о своіой муцы живите, небы толико давали; али Турцы добро знаду, да вы дерете светъ, пакъ оће и они да деру васъ; у томе су они паметни башъ као и вы. А ето Босне, видисе одавде, гди савъ ришћанлукъ Туркомъ дає, а нико не проси, него іоште у свакомъ селу наодисе фала Богу имући людій и газда. То ти я велимъ, гди се люди сами не труде, но съ туђомъ мукомъ ишту да живе, онде мора быти проклетство божіе и прошня. Сведочба ти томе наши калуђери и фратри, они никомъ ништа не даю, али све просе те просе: а да вы имате жену и децу, вы бы радили као и мы, пакъ бы васъ и Богъ благословіо, и дао бы вамъ као и нами. С. То ніе за насъ, єръ смо се мы одрекли міра, жене и фамиліе. К. Свега сте се одрекли, а наше се кесе не могосте ни пошто одрећи. Кадъ сте се насъ одрекли, што ћете међу нами, и што намъ мира єданпутъ не дате? Кадъ мы одъ васъ ништа не иштемо, не иштите ни вы одъ насъ, прођитесе насъ и оканите. С. Не иштете ни на-

шега благослова? К. Я самь ти казао, благословите вы себе да выше не просите; а мы у свакомъ селу имамо наше Свештенике, кои ће насъ благосиляти. С. То си ты научіо одъ онога Грка канцелиста у Книню; а не знашъ да онъ нити є Латининъ ни Грекъ. Опетъ се старацъ Капетанъ здраво насмеє, говорећи: прођисе ты оче Грка и Латина; мы ако нисмо Грцы ни Латнни, дао намъ є Богъ паметь као и ньима, да ако очемо, можемо знати, шта є добро и поштено, шта ли ніе. С. Дай ми баремъ и тай цекинъ, и Богъ да прости, башъ ме є данасъ скупо стао. К. Ко ти є кривъ? ты добро знашъ, да кодъ мене коєкакве турске мусеведе не пролазе. — — — Овде се є нашъ светогорацъ іошть паметно резговарао, знаюћи да є реченый Капетанъ таковый човекъ, кои неда ласно на се настртати; али на други мѣсты долазило бы до вике, кавге и анатема. Ево права причина, зашто су већь такови калуђери свуда и међу свы народы у презренію; и ништа іи іоште не држи, него суєвѣріє и простота людій, кои како упазе калуђерске капе и манторосе и кукулце, ни сами не знаду шта себи о ньима воображаваю: а навластито кадъ упазе коєга, да є сувъ као угаракъ, неочешлянъ и издрпатъ, и кадъ чую, да не само месо него ни рибу не єде, онда већь мысле, да изъ нѣга све знаменія и чудеса лете; држе га за прозорльива, и нѣгове речи за оракулумъ. Сврхъ свега, кадъ є таковый іоште лукавъ, да се уме владати, онда нека нико предъ нѣга не излази. Апастолъ Павелъ явно каже: Чадо Тімоѳеє, доћи ће бѣдна времена, кадъ ће неки за светиню држати, да се одъ законога брака удаляваю, и одъ меса уздержаваю: но за луду; калуђери веле, да то ніе за ньи него за Манихее; алъ већь

не служе измышлѣни извѣти и толкованія; валя право говорити, ово є за свакога кои тако чини, буди ко му драго. А за кога є ово, што Спаситель Хрістосъ вели? Горе вамъ, кои прождирете домове удовица, и дугачке молитве чините, да васъ люди виде! Ко годъ жели, да є правый хрістовъ ученикъ, неће се на ово што пишемъ срдити, него ће и самномъ заедно желити, да се исправленіе у свашто уводи, и што годъ нити є полезно нити валя, да се одбаца.

127.

СТАРАЦЪ, ЯРЕ, И ТРИ ПАНДУРА.

Старацъ купи на пазару яре, напрти га себи на плећа, и понесе га дома за празникъ. Виде га три пандура, и договоресе да му га како излажу. Изиђу понаособито испредъ нѣга, пакъ онда првый рекавши му: добра кобь, упыта га смеюћи се: Деко, єси ли читавъ! Што пса на леђи носишъ? Мало после сукоби га другій, и крстећи се почне му беседити: Богъ съ тобомъ Чико! Што си пса на леђа упртіо? Іоштъ тога чуда нисамь видіо! Каква пса, люди! Што вамъ є данасъ? Та ово є яре. Яре! Ха ха ха! стане онога; и тако се размину. Не проће много, кадъ етоти трећега. Бабо! рече му, та не чини тога покора, помагай! Вежи пса за вратъ, пакъ води за собомъ, не срамотисе подъ старость; кога си іоште видіо да пса на леђи носи. Ее! то є много, помысли

старацъ, кадъ тебе савъ светъ за пса припознає, ты валя да си правый пасъ; какавъ си да си, ие може на ино быти. Стовари съ себе яре, забацы га негде у међу, пакъ се врати да што друго купи. Онда пандури, кадъ се онъ удали, ондесу яре, испеку га и прочая.

Наравоученіе.

Инглезъ сверхъ ове матеріе овако вели; е фаалсъ ѳинкъ біингъ канфермдь бай афтинь рипетишнь еть лесть исъ биліивдъ, ендъ песъ фарь е коренть трууѳь. „Єдна лажна вещь будући „потверждена чрезъ често повтореніе, на конацъ „вѣруєсе, и пролази за єдну трчећу истину: си„речь, за такову истину, коя вреди да се за истину признає. Сва измишлѣнія, преваре, и лажна мнѣнія извиру и произлазе или изъ незнаня или изъ лукавства. Оне лажи коє произходе изъ незнаня, лакше ји є одъ себе отрести; ибо како човекъ позна оно што єсть, тай часъ почне за ништа држати оно што ніе, али само валя му добро дати познати оно што ніе, и што є лажно. Оне пакъ лажи коє се изъ лукавства раћаю, неке бываю, тобожъ, съ добрымъ намѣреніемъ, а неке са злимъ. Кадъ мати немирно и плачљиво дете съ плашньомъ оће да примири и вели му: ето куряка у помрчини! ето вештице! ето вампира! и прочая, она то чини аки бы съ добрымъ намѣреніемъ, то єсть за примирити дете, нити зна коя се зла изъ овакове плашнѣ раћаю. Са злимъ намѣреніемъ бываю, кадъ лукавый, за свою користь, простієга оће да обмани, као ове басне пандури старца, за излагати му яре. Оваковы лажа има найвыше на свету:

кое, будући да су съ великомъ хитростію измишлѣне и саставлѣне, найтрудніе се є одъ ньій избавити: зашто, кздъ се гди укорене и утврде, за истину пролазе, и вѣруюсе како исто Евангеліе. Садъ, кадъ гди, велико число людій неке створи лажне за истините почитую, ако се ко нађе, да те вещи како лажне изобличава, таковый чинећисе да многе люде за преварене држи, и да іи сатерує у лажь, мора быти зло гледанъ, почитуєсе за невѣрника, и често ограише: ево за овакове су вещи сви Апостоли, и самъ Хрістосъ гонѣни и убієни были. Зашто, (то што є найгоре) по вышой части, наодесе међу свима людма такови, кои одъ оны превара свой прибытакъ и користь имаю; и зато башъ ако іи они и не вѣрую, ништа манѣ, оће на свакій начинъ да іи други вѣрую, єръ ньима тако торна конатъ. Овакови су дакле први, кои како се коя истина ньіовимъ интересомъ противна появи, на ма' црква и законъ пропаде! вичу. Камо, гди су тѣлеса Апостолска и светога Ніколая? Време и воздухъ у ништа су іи обратили, тако ће и проча коя се іоштъ наоде. Да є Богъ хотео да они нетлѣнни остаю: ньи, нити бы могла ватра сажећи, ни време разрушити. Али иди, и кажи то онима кои при томъ губе, пакъ се држи онда! Они показую оне, кои се іоштъ наоде, и съ коима они добываю: а за оне кои є нестало, были пакъ прошли, о ньима ћуте; или показую ньіове кости, пакъ и съ нима добываю; то є ньима све єдно, само некъ имъ што у тасъ, а изъ таса у кесу доће. Са мало здраве человеческе памети ово се може постигнути; да оно што Богъ оће да непокварено остане, то никаква сила земна ни небесна не може покварити. А оно што изгорети, и мало по мало у пра и у ни-

шта обратити се може, што и сами на парчета режу, и разносе по свету и продаю, то се види шта є како ли є. Христосъ доће да насъ избави свакога поклонѣнія и службе тварій и дѣла рукъ человѣческихъ, а они, те окрени те обрни, пакъ опетъ морашъ се кланяти дѣлу рукъ человѣческихъ. И што є грће и горе, пишу светога Христофора съ пасіомъ главомъ, морашъ іой се кланяти: образъ преблагословене Спасителѣве Матере са три руке пишу! То што бы у натури, (сачувай Боже) чудовище было, томе се на икони морашъ кланяти. Ево браћо моя, докле суєвѣріє и слепота може доћи и стигнути! И овакове вещи не само што бы довѣка морале остати, ниго бы іоштъ све на горе ишле: зашто зло кадъ отме ма, неће да се устави, но све то већма напредує. Обаче промысалъ благога Бога то не допушта; него дає у срце некима людма любоистинито и смиреномудро дерзновеніє, да кажу людма пресвету истину, да іи моле и братолюбно увѣщаваю, да се преваре чуваю. Ова увѣщанія ако се и не послушаю, брзо и за ньіова живота, но съ временомъ и после ньій, мало по мало нађу своє мѣсто и послушаюсе. Такови люди, любећи са свимъ срцемъ и душомъ Бога, кадъ познаду божію истину, любе є већма него сваку свою привремену користь, и него истый маловременый животъ на земльи. Изъ любови божіє рађасе у ньима любовь къ свимъ осталымъ людма; но любовь разумна и словесна, коя люби душе человеческе и просвештеніє ума ньіова. Такова любовь не ограничуєсе само онима, кои у ньіово време живе, него се распространює и до оны далеки родова людій, кои ће на иляде година по ньима живити. Зато желећи да учине коє добро дуговеменно, и ако є возможно вѣчно;

често су принуждени замѣритисе онима, у коихъ време живе, и ньіово негодованіє на се привуѣи: и гнѣвъ, злобу и мрзость противъ самы себе воздвигнути. Но ньіова поштена и чиста совѣсть за све то ньи, не само у великомъ спокойству содержава и утѣшава, него іоште савыше богато іи награждава; представляюѣи имъ, да є злоба человѣческа весма кратка и съ животомъ свой конацъ прима; а истина и добродѣтель то су ствари вѣчне, како є и самъ Богъ вѣчанъ. Кадъ бы хотео людма угождавати, вели блаженый Апостолъ, хрістовъ рабъ небы быо! Зашто и Хрістосъ да є Книжникомъ и Фарисеемъ угождавао, нити бы га гонили ни на смерть предали; ово су нѣгове исте речи: Тако подобаше пострадати Хрісту, и по томъ внитиво славу свою! Оный премудрый Григоріє Назіанзинъ, ево како лепо фали неке соборе свога времена.

Οὐδε τί που συνόδοισιν ὁμόθονος ἔσσομ' ἔγωγε
Χηνῶν ἢ γεράνων ἄκριτα μαρναμένων.

Нити ѣу гди соборомъ сосѣдатель быти я,
Гусака или ждралова неразсудно воюющихъ.

А да кадъ є тако было у нѣгово време, кадъ є тобожь выше светинѣ было; шта се є дакле после нѣга догаѣало? Свашта и свакояко, како су наумили, да се покажу мудріи и одъ самога Хріста. Оригена држаше триста година за найвеѣега црковнога учителя; (како и єстъ таковый) а после триста година проклеше га као еретика, и кньиге нѣгове, коє могоше сажегоше. А зашто? ето зато, што онъ ніє мысліо као су они мыслили. А како є онъ могао знати, шта ѣе други на толику силу година после нѣга измыслити? Ништа му то не помаже. Леонъ Папа Римскій, и Іоанъ Постникъ, Патріархъ Цариградскій, докъ су

годъ живили, проклињали су се, и єданъ другогъ Аитихрістомъ називали; а кадъ по смрти, обадва Свеца, и правила имъ се чате у цркви. То се зове срећа! Ово ни зашто друго не напоминѣмъ овде кромѣ само зато, да кавга, инатъ и мрзость међу поштенимъ и добримъ людма за законъ не быва. Свакій є Хрістянскій законъ светъ и добаръ по Евангелію, а све остало што су люди измыслили, они ће то опетъ съ временомъ нешто одметнути, а нешто поправити. Богъ зна најболѣ ко є светацъ, и онъ ће свакоме дати по дѣлу; а мы међу нами свакога ко є поштенъ, разуманъ и добродѣтелянъ у обществу, како правога свеца цочитуймо и любимо, зашто, кога видимо како живи и шта чини, онога управъ можемо познати єли светацъ, и што є іоштъ выше сынъ вышняго или не: Слава и честъ всякому дѣлающему правду, нѣсть бо у Бога лицезренія; учи насъ блаженый Апостолъ.. При томъ, памтимо добро нашега старца; не три, но триста иляда пандура да намъ реку, да яре ніе яре, него нешто друго, некъ иду они своимъ путемъ, а мы яре носимо дома: зашто яре ницта друго не може быти него яре.

128.

ЋЕЛАВЪ ЧОВЕКЪ.

Ћелавъ човекъ не привеже добро свою паруку, и путуюћи съ другима на коню, дуне якъ ветаръ, и однесе му шеширъ и паруку заедно. Онда сва дружина, видећи га са свимъ

ћелава, начну се смеяти; тада и онъ смеюћи се съ другима рече: хе браћо! ніє чудо што ме туђе власи издаю, кадъ су ме и моє исте издале.

Наравоученіє.

Разчличне лепе науке могу се изъ ове басне извадити. Прво, кадъ єсть што у нами смешно, чему се други мораю смеяти, не срдимосе на оне кои намъ се смею; зашто чрезъ то ништа не добывамо, него іи чинимо да намъ се выше смею, и управъ посмеяваю и ругаю. Што є годъ, у комъ му драго смешно, томе ніє могуће да се люди не смею: дакле найболѣ смеймосе съ ньима заєдно. Чрезъ ово три ствари лепе добываемо: єдно, што намъ се неће нико ругати, видећи да и мы сами наше недостатке познаємо и смеємо имъ се; друго, бывамо другима пріятни и любве достойни, кадъ се за мале вещи на ньи не срдимо; треће, чинимо да смей престане, отимлюћи му сваку непріятность и гордость, и примаюћи га за незлобиву шалу. Свойство разумнога човека у томе се состои, да самъ себе свакій данъ неумитно суди, и што у себи позна посмѣянія достойно, томъ се посмеява, што ли нађе за похужденіє, то похуждава: и тако се исправля. А неразуманъ и высокоуманъ оће у свачему да има право, и тако све то луђій и горый постає. На по пута є къ добродѣтельи доспео, ко своє слабости чувствує и припознає. Но овоме се оће чисто срце, коє, ко има, блаженымъ га вѣчна истина нариче. Друго, чему насъ басна учи, ово є, да смо трпельиви и великодушни у злополучію и у штети, кадъ намъ се приключе, разсуждаваюћи, да оне исте вещи, коє

намъ є природа дала, за време су наше, кольми паче оне, коє смо мы стекли. Єдномъ спадаю власи, другомъ испадаю зуби, младость и лепота вене и изчезава, дни наши пролазе, и мы съ ньима, съ тѣломъ къ гробу се приближавамо, а съ безсмертномъ душомъ къ вѣчности; коя, каква ће намъ быти, одъ употребленія овога краткога овде времена завыси. Ко неће добаръ, праведанъ и поштенъ быти, ко ову чувствителну и очевидну истину чувствує и добро познає? Ко се небы неправде и злобе удалявао, кадъ бы како надлежи познавао, да оне, временно и вѣчно човека несрећнымъ чине? Ко ли небы честность, благонаравіє и добродѣтель возлюбіо, знаюћи, да є съ ньима и на земльи рай соєдинћнъ, и да оне саме вечно блаженство дариваю? Любострастно и изштећено срце, наоди своє задовольство само у тѣлеснимъ наслажденіяма, као црвъ у ђубрету, не познаваюћи ни мало, коє су сладости ума и непорочне душе. Срамотный Неронъ и худый Калигула, погрезнути и загушени у смрадномъ блату злоће и нечистоте, никадъ нису осетили сладость оны благородны добродѣтеля, коє су одушевлявале Тита и Марка Авреліа. Придодаймо и ово къ науцы ове басне: Не ваља да смо ласносклонни къ посмѣянію другихъ; ово є худъ и маймунскій обычай, на кои сви добровоспитани и разумни люди мрзе; и ако се за часъ и смею таковимъ маймуноподобнимъ подражателѣмъ, обаче у себи презиру іи, и за ништо држе. Ругаєтся гражданомъ лишеный разума, вели Соломонъ. Явна и самопроизволна злоба, безстидно, што'но речь съ барякомъ злонравіє и безчиніє таковы людій, кои, као свимъ людма у пркосъ и у инатъ бездѣлствую и беззаконую; ове су само вещи достойне,

не само всеобщега поруганія него и гражданскаго наказанія. Зашто, ништа ніє штетніє обществу цѣлога народа, него, кадъ необуздана злоба отме ма, и кадъ развращенонаравни и зли не само, што се не стиде и не боє, него іоште дижу главу, и поносесе у своимъ преступлѣнія-ма. Ово є, што привлачи за собомъ всеобще изкоренѣніє свакога прозябла и семена честности и добродѣтели.

129.

МАГАРАЦЪ И КОНЬ.

Магарацъ се усуди утркивати съ добрымъ конѣмъ; а кадъ остане далеко страгъ, и почне му се сва присутсвуюћа животиня смеяти и ругати: онда онъ съ своіомъ магареѣомъ памећу и безобразіємъ одговори: Ее да се я нисамь ономадне убоо, и да ме нога не боли, видли бы вы! Тада, проча животиня не могући выше трпити толико бездстидіе, псуюћи га и ружећи отераю га измећу себе, и одъ онда и име магареће остане посмеятелно и срамотно.

Наравоученіе.

Лепо сверхъ овога говори Француз: L' effronterie repand sur les defauts de l' ame un coloris, qui les rend encore plus laids qu'ils ne sont par eux memes. Безобразіе просипль сверхъ недостатковъ душе бою, коя ію чини іоште ружніе

неголи су по себи. Да сви незнамо све, и да нисмо кадри за све, и да имамо потребу, докъ смо годъ живи, одъ други што примати и учити, ово є природна и права истина. Соломонъ насъ шалѣ да се научимо трудолюбію одъ мравка: и полезномъ упражнѣнію одъ пчелице. Ево причина, зашто є басна прва человеческа наука. Ибо изъ начала, сматраюћи паметни люди што животна чине, многимъ су се прекраснимъ и преполезнимъ научили вещма. А єли ово већъ престало? Никадъ докъ є годъ света. У колико већа познанства люди долазе, толико богатію и преизобилнію наоде матерію, мудрость Творца у створеню изнаодити, познавати и дивити іой се. За то правый ученъ и разуманъ свагда се учи, и свагда зна да іоште мало зна, и зато нити му кадъ пада на умъ да о своме знаню высокоумствує, него, непрестанно и прилѣжно внима, што се око нѣга говори, и нейма дневи ни часа у животу, кадъ онъ не жели да што добро и полезно чує и прими. Слепъ рођенъ мора се смеяти, кадъ чує, да се окати толикимъ многочисленнимъ и различновиднимъ боя а и цветомъ чуде и диве, о коима онъ сирома никакова понятія ніє кадаръ имати. Таковый ніє посмеянія, него сожаленія достоянъ: али, кои бы могли што познати, а за упорство и высокоуміє неће, они су достойни поруганія и осужденія: а савыше іоште кадъ ко осећа у себи, да му што нибудъ ніє добро и ясно познато; а то исто утврждава, само зато, што су и други то утврждавали, о томе се и нати и виче, икаже да онъ не мари, нити оће што друго да чує ни да зна; ово є найпоследньій степенъ неразумія и безсловесности, коя нимало човеку не приличествує; разве по тому, што, кадъ човекъ оће да є зао,

горый є одъ звера, и кадъ оће да є глупъ, глуплыій є одъ истогъ магарета. Ево узрокъ, зашто просвештенъ човекъ оно што мысли и вѣрує, речма доказує, а глупый варваринъ утврждава своє мудрованѣ и вѣру съ силомъ и съ оружіємъ. Какова є кротка и сладка Спасителя нашега наука! ИСПЫТАЙТЕ, вели намъ, писанія, она сведоче о мени. Свободне насъ жели одъ сваке слепоте и рабскогъ суєвѣрія, како є и самъ свободанъ. Иго моє благо є, и бремя моє легко; зашто не иште одъ насъ, развѣ да смо разумни, просвештени, добри и сынови вышняго.

130.

СЛАВУЙ И ПАУНЪ.

У єданъ лепый пролетныій данъ сладко пояше славуй; остале птице, неке изъ зависти, а неке изъ простоте и недостатка осећаня, нити се обзирау да га виде. Самъ паунъ како га чує, устависе ту, начне га внимателно слушати и радо гледати. Упази га славуй, престане пояти, и кадъ съ єднымъ кадъ съ другимъ окомъ начне га сматрати. Зашто не поешъ, рече му паунъ, што ме тако гледашъ? Ко те не бы гледао, одговори славуй, какавъ си лепъ и красанъ? А зашто ты овде толико за дуго стоишъ, и мене гледашъ? Како не бы стаяо? отвеща паунъ, и како те небы гледао, кадъ тако сладко поешъ? Одъ тога времена и до данасъ паунъ и славуй велики су пріятельи.

Наравоученіе.

Одъ древнѣйши времена утверждавалосе є чрезъ многе ово мнѣніе, да люди велике отмѣности и достойнства међу собомъ єданъ другомъ завиде и ненавидесе; то исто и до данасъ многи увѣраваю. А съ друге стране многи доказую, да вреданъ вредна и достоянъ достойна познаюћи како надлежи, мора любити и почитовати, наодећи у нѣму она иста качества, коя самъ у себи за добра држи и высокопочитує. Приклади, кои осведочаваю и доказую како єдно тако и друго, не само што се наоде премногы у свимъ Історіяма, него и повседневнѣ искуство о томе намъ неда сумняти; єръ видимо многе такове кои се мрзе и навиде, а многе пакъ, кои се искренно любе и нелестно почитую. Како ћемо дакле ову зановетку погодити и размрсити? Врло ласно, кадъ ово што идемъ рећи, себи представимо. Они кои се мрзе, и себи взаймно завиде, при свимъ ньовимъ лепимъ достоинствама, неимаю срце одъ злобе чисто и свободно: зашто, завистъ и мрзость, то су злобе, коє су кадре найученіега и вреднієга са свимъ заслепити, на таковый га начинъ залудити, и до толике безсловесности довести, да оне исте дарове, коє у себи безмѣрно почитує, у другоме и мрзи и ненавиди. Обратимо садъ погледъ нашъ на сладко и весело зрилище чиста, беззлобна и непорочна срца, тди она прекрасна и первородна божія кћи, света добродѣтель живи и царствує; шта ћемо ту угледати? Взаимно высокопочитаніе, согласіе, непритворну любовь, вѣрно дружество, и сродство душе и срца: за коє, она златоречива Еврипидова Муса овако сладко пое: *Ἔϛι δή τις ἐν βροτοῖς ἔρως, ψυχῆς δικαίας σώφρονός τε κ'ἀγαθῆς.* Есть нека међу

людма любовь, душе праведне, цѣломудре и благе. О овой чистой дружеской любави и светый Григоріє Назіанзинъ съ речма играюћисе овако поє, *Φίλοι φιλοῦσι τὰ τῶν φίλων φίλα.* Любезнпцы любе любезныхъ любимая. Овакова блажена срца и у исты злотворы свои ако што добро виде и познаду, то почитую и похвалюю; зашто изъ источника добродѣтельи ништа нечисто не може извирати. Ко управъ познає и люби божію премудрость и доброту, онъ никоємъ добру у натури не може завидити, знаюћи да є свако добро одъ Бога. Срце, коєга є любовь основана на любови къ Богу и къ добродѣтельи, радуєсе и весели, видећи да се међу людма свако добро, вредность, просвештеніє и благополучіє разпространява и умножава: и на овый начинъ, іоште овде предощущава и ужива ону вѣчну радость будущега живота.

131.

КОНЬ И БИКЪ.

Добаръ конь носећи на себи младића, трчаше и поиграваше; види га бикъ, и почне, ругаюћи му се говорити: нека бы я тако носіо на мои леђи то дете! познало бы оно шта є бикъ. Бы я, одговори конь; зашто коє бы ми поштенѣ было, дете съ мене сметнути, и надъ слабымъ юначство показивати?

Наравоученіє.

Поштеный, и истинито храбрый мужъ за

срамоту себи вменява, надъ слабіимъ своє юначство показивати. А зверонаравный варваринъ, и надъ женама и децомъ свою срамотну и скотску храбрость оће да покаже; ако ништа, онъ ии граби и у робство продає. Да войска на войску и на градове удара, то има свой разлогъ; али надъ невооруженымъ свирѣпствовати, неповину децу одъ родителя раставляти и у робство продавати, ово нити є храбрость ни витежство, него варварско и скотско безчеловѣчіє.

132.

ЧВРЧАКЪ И СЛАВУЙ.

Не поносисе већь толико съ твоимъ поянѣмъ! рекне чврчакъ славую, єръ ти я могу показати толике, кои и мене по васъ цѣлый данъ, башъ тако радо слушаю, како годъ и тебе. А кои су то? Ако ти є драго милости, нудеръ ми ии кажи, рече славуякъ. Косачи, отвеща чврчакъ, жетаоцы и остали польски работницы; кои знашъ да су добри и поштени люди. Я ньи признаємъ, одговори славуй, не само за добре и поштене, него и за весма обществу полезне люде, али изъ свега тога іоште не слѣдує, да се они найболѣ у пояню разумеваю. А при томъ, да ньи, ньіовъ посао на полю не држи, мало бы они ту, или башъ ни мало за атаръ твоєга цврканя стаяли. Видишъ ли ты онога пастира, кои и самъ лепо флуромъ свира, слѣдователно у музики и пояню се разумева? Догодъ нѣга ты, съ твоимъ поянѣмъ къ себи не при-

вучешъ, и не учинишъ га да остави флуру свою, и да тебе съ удовольствомъ и съ услажденіемъ за дуго слуша, дотле ты никомъ немой рећи, да лепо поешъ.

Наравоученіе.

Свакоме є своя пѣсна мила, башъ ако неће и ништа друго быти, него Філипи ундъ Якоби, Якоби ундъ Філипи. Свакъ радо слуша што самъ говори; обычаваше рећи нашъ добрый Карамустаф'ага. Свакъ радо чита оно што самъ напише, было шта было. Ако є истина оно што моя покойна мати говораше, (вели Жилъ Блазъ) у цѣломъ Сентиланту, у време мога детиньства ніе было ни лепшега ни паметніега детета одъ мене. Но валя знати, да одъ овы выше речены неки имаю право, а неки криво, и у овоме стои сва различность. Да су се Димостенъ и Цицеронъ и ньима подобни, у своемъ говореню услаждавали, то ће свакъ, ко се у овомъ послу познае, докъ є годъ света, рећи, да су весма право имали и мыслили. Здраво трудитисе и зноити за заслужити, у кому нибудь дѣлу, похвалу; и тако желити ю, ово има свой правый разлогъ: али здраво єсти и пити, за дуго на кревету се окретати и протезати, а остало време зевати, гледати ко кудъ пролази, ландати и у ветаръ блебетати: и што є много горе, сквернословити и друге злословити, и ништа манѣ за похваломъ зіяти, ово є крайнѣ будалаштине изискованѣ. Разуманъ жели похвалу; али є жели одъ паметны и добры, а навластито одъ оны, кои се у дѣлу познаю. Морао бы ко быти смеса зла и добра, и самовещно лукавство и притворность, подобанъ лукавомъ Шези, Лудовика четрнаестога духовнику, кадъ

бы злимъ како годь и добрымъ угодити умео. Горе вамъ, єгда рекутъ вамъ добрѣ вси человѣцы! вели намъ неложна истина: а зашто? зато што по несрећи на свету іоштъ има много злы и лукавы людій, кои о ономъ не говоре добро, ко ньима по ћуди ніе. Но за садъ нека на страну, што о нами други мысле и говоре: разсмотримо паче, што мы о себи мыслимо и мудруємо: за овымъ весма много стои; а кадъ се ово у пристойный поредакъ положи, и друго ће болѣ слѣдовати. Мы сви себе природно любимо; но зато, єли право да сами себе заслепляваmo и варамо? Нипошто. Ево како, башъ сврхъ овога єданъ Французъ врло лепо говори: L'amour propre bien entendu corrige de tous les defauts, et previent toutes les fautes de l'amour propre mal entendu. Своєлюбіе разумно исправля одъ свію недостатака, и пдедварава све погрешке своєлюбія неразумнога. Я се добро споминѣмъ, да є о овой матеріи на выше мѣста была речь; но разсуждаваюћи колике є ово наравоученіе важности и ползе, (ако се добро прими) и съ коликимъ старанѣмъ о томъ, свію нарэда учени люди говоре и то налажу, не боимсе, да ћу у излишеречіе пасти, о томе често опоминюћи. Не може човекъ имати хитрієга ни лукавієга ласкателя, кои бы га кадаръ быо тако заслепити, као нѣгово исто неразумно своєлюбіе. Ово є оно, што чини чврчка да мысли, да толики посленицы цѣлога лета жаръ трпе, само за наслушатисе нѣга. Заисто, страшно и ужасно мора быти состояніе, у овомъ пункту, навластито владѣтеля и велике господе: кои, своє природно своєлюбіе, као и остали люди, у нѣдры носе; а при томъ мучніе него сви други, могу такова истинолюбителя наћи, кои бы имъ чисто у очи казао шта мысли. Одъ самога

нѣжнога детиньства окружени наодѣнисе одъ таковы, кои се силе, како ће имъ већма угодити, и кои ји обожаваю. Зато, Царъ, владѣтель, и свакій велможа, ако нієе управъ у добродѣтель залюблѣне душе, оштра ума и отмѣниогъ духа, ако не люби правду, и ако се свагда не учи и не просвештава, да є кадаръ люде, и потаєне ньіовы срца свитке и заплетке разпознавати, онъ мора быти найпревареніи човекъ подъ небомъ. Єданъ просвештенъ Владѣтель миліоне людій просвештава, прославля, и на путъ добродѣтельи и благополучія поставля. Сва Европа и Азія види, и све то выше познаєе слѣдованя трудовъ и подвиговъ, законовъ и уреженія Петра Великаго. И не само велики Імператори, и славне на свету Імператрице, овакова дивна и роду человѣческому преполезна исправленія у дѣйствіе производе: него и далеко маньи у обществу поглавари, кадъ су добродѣтельни и учени, много добра чине. У єдномъ селу судія и свештеникъ, благонаравни и разумни будући, све село на добро наставляю, уразумляваю, къ трудолюбію и къ праведномъ животу приводе. А шта є друго потреба човеку, колико за овый временный, толико и за будущій вѣчный животъ? Дакле, само онда, кадъ єданъ народъ буде имати добродѣтелне и учене поглаваре и свештенство, може съ основаніемъ и съ благомъ надеждомъ ову пророческу творити молитву: Наставн мя Господи на истину твою! А пре тога, колико є простіи, толико выше о себи мысли, башъ као ове басне чврчакъ.

133.

ФИНИКСЪ И ГОЛУБОВИ.

Новый прекрасный фиииксъ родисе изъ родительскога пепела: нарасти, и начне разширивати и трести крила своя, къ стогодишнѣму летеню спремаюћисе. Упази га ято незлобивы голубова, долети къ нѣму, обколи га и пріятно гледаюћи на нѣга запыта га: каквога є рода и племена, и на кои се путъ приуготовлява? Каже онъ, ко є и одъ кудъ є, и да ће сто година живит' и летити. Сто година! викну голубови! О благо теби! А гди ти є другъ? вопроси га єдна голубица. Я немамъ друга, я самь самъ и єданъ овога рода на свету. САМЪ на свету! са ужасомъ вопію голубови: поздраве га, честитаю му срећанъ путъ, и одлете; са сожалћніємъ међу собомъ говорећи: о несрећне на свету птичице! како ли ће толико дугій и бѣдный преживлѣти и провести животъ, и безъ брата и безъ пріятеля, безъ сестрице и безъ вѣрна друга!

Наравоученіе.

Одъ кадъ є Богъ люде на земльи створіо, и одъ кадъ су међу ныма цареви; ни єданъ царъ ніе веће благодѣяніе роду человѣческому показао и учиніо, одъ онога, кому є Богъ у срце вдохнуо, да се чрнцы и чрнице, калуђери и калуђерице одъ робства, у свободнимъ земляма, и одъ вѣчны безъ сваке кривице тамница избаве и освободе. Благословено и свето остаће име нѣ-

гово до вѣка. Колико се више человѣческій родъ буде уразумлявати, одъ мрачнога суєвѣрія освобождавати, и чистымъ разума светомъ озарявати и осіявати, толико ће се више нѣгова человѣколюбна душа одъ рода въ родъ ублажавати, и паметь и име нѣгово поминяти и славити; и све оне иляде иляда людій, кои се небы родили, а за нѣговъ узрокъ родиће се; за сладкій даръ Божій, за животъ и за словесну безсмертну душу, БОГУ, и ІОСИФУ, Сыну Францишкову и Маріину, дужни ће быти благодарити. Да се наоде неки међу людма, кои су, или за єстественне или наравне недостатке и узроке, и лютомъ нуждомъ усилѣни не женитисе, и тако безъ народа и безъ плода живе и умиру; то по несчастію и бывало є и быће. Али изъ тога законъ, и што є найужасніе, светый и Хрістіянскій ЗАКОНЪ установлявати и правити, ово є управъ противъ божіегъ намѣренія, волѣ и благослова, противъ богосозданогъ єстества, противъ сваке искрице памети и разума, на умалѣніе, истреблѣніе и на погибелъ рода человѣческога; слѣдователно всеконечнога безумія измышлѣнѣ и дѣло. Я самъ остаріо већь са многи народа и єзыка калуђеры; (и самъ, да коя самъ гуя, него калуђеръ; кадъ овако самъ живимъ? разве што у црнимъ альинама обученъ не одимъ), іоште, фала господу Богу! нисамъ ни у єдномъ роду и єзику такове дрвене и нечувственне калуђере нашао ни познао, кои за женомъ не уздишу, не чезну и не гину. Онимъ древнимъ у непроходимимъ Ливійскимъ пустиняма пустиникомъ (како житія ньіова гласе) воздушни, или болѣ да речемъ, чрезъ ньіово воображеніе начинѣни духови, у жене (и по свой прилицы лепе) су имъ се претварали, и како на санъ тако и на яве долазили. А да шта є дру-

го ово, разве непобѣдимая воля Бога Творца, и непоколебимый, и вовѣки неподвижимый єстества законъ? кои чини, да човекъ безъ жене не може быти, како годъ голубъ безъ голубице, како риба безъ воде, и како све што живи и дише, не може быти безъ воздуха. Оно што свещеный поє пѣвацъ, не разумевасе само за водноє, него за све єстество и редъ, кога є премудрый и всемогућій уредіо Богъ: Предѣлъ положилъ єси єгоже не преидутъ. Одъ овога свештенога и вѣчнога предѣла ко се годъ удали, мора сирома тумарати по мраку, и главомъ коє о шта лупати, и носъ гди не валя завлачити: мора, ако му се и неће, за люту неволю блудити, и као изгублѣна овца заблуждавати, и ако ће анђелско срце имати, принужденъ є нзштетити га и покварити. А како и зашто? Ето зато, зашто є прешао оный предѣлъ, єгоже не прейдутъ, и кога іоштъ нико ніє съ читавымъ вратомъ прешао. Я благодаримъ Творцу моєму, што ме є упутіо къ науцы полезны єзика, и учиніо ме наћи сладку забаву съ кньигама; а иначе у ономъ земномъ, раю подобномъ месту, у прекрасномъ Опову, коєга свагда съ услажденіємъ срца споминѣмъ, не бы несрећніегъ одъ мене човека было. Но како, (може ко помыслити) у таковомъ мѣсту, а несрећанъ? Каково противоречіе! Ніе противоречіе. У найлепшимъ мѣстама, чувствителна срца найвећма чувствую. Срце, коє є за любовь одъ Бога сотворено, мети га само у рай, пакъ не жели му горега пакла: Но любіо бы Бога? рећићешъ ми. Мы смо мало пре опоменули, да они пустиницы, кои су съ три смокве на данъ живили, а остало, по свой прилицы, валя да су као хамелеони съ ветромъ надокнаћивали; па каждеръ ми, што су имъ жене на паметь и на ср-

це долазиле, те іоштъ онде, гди имъ ніє было ни гласа ни трага? А мы у Опову! гди су фала Богу праве жене, као што ім є Богъ створіо и мати родила, оћешъ заръ да о њима не мыслимо? Све су лажи съ временомъ за луду; валя да имъ се трагови нађу. Ко годъ ніє кадаръ себи подобна створеня любити, некъ лаже колимо му драго, онъ ни Бога никада неће быти кадаръ любити; зашто, у срцу ладномъ и нечувственомъ никаковой любови ніє мѣста. И што є чудніє и ужасніє, они люди, кои су себи метнули были у главу, да осимъ сваке къ людма любави самога Бога любе, до толикога ихъ є буйства и бешенства њ̀ова любовь довела, да су люде за любовь божію проклиняли, убіяли и живе пекли. Ово ти имъ є плодъ њ̀ове поштене любови! Ево дакле сва тайна, кою люди далеко траже, а у нѣдры є носе. Даћу вамъ, вели Богъ чрезъ пророка, законъ новъ, на скрижалѣхъ срца вашега написанъ. Ово є законъ Христа Спасителя; кои ништа друго ніє ни длаке, ни манѣ ни выше, него вѣчный законъ просвештене, и у своє право совершенство доведене и узвышене натуре, илити єстества. Што є годъ противно правди и добродѣтельи, то є противно и єстеству, и самому Богу, кои є премудрый єстества зиждитель и Творацъ. Съ коимъ, сиречь єстествомъ, кадъ се, како надлежи соєдинимо, онда ћемо се соєдинити са сваком добродѣтелію, и са свимъ добримъ и честнимъ людма, съ нашимъ правымъ благополучіємъ временнымъ и вѣчнымъ, и съ самымъ Богомъ во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, кому слава, честь и поклоненіє во вѣки вѣковъ, аминъ.

134.

ГУСКА ВОЗГОРЂЕНА.

Међу белимъ гускама нађесе єдна найбеля одъ свію и найлепша. Све є гуске радо гледау, и нѣйзину лепоту хваляу; докъ се ова понесе и метне себи у главу, да она мора быти рода лабудскога. Одлучисе одъ прочи гусака, почне пливати по єзеру уєдинѣна, кадъ дижући и протежући, а кадъ накривлюючи шію свою, за показатисе оно шта ніє: и дотле доће, да смѣхъ и поруганіє свимъ гускама буде.

Наравоученіє.

Изъ ове басне, свакъ себи ласно може полезну науку извадити. То єсть, да дарови како тѣлесни, присталость и лепота; тако и душевни, остроуміє, разумъ и наука, пріятне су вещи и похвалне: но дотле, докъ съ ньима ко смиреномударєвує. А како се ко, на подобіє ове наше гуске, са своими каквимъ нибудъ преимуществами, почне гордити, главу выше дизати, него што валя да є подигнута, на єдне као съ куле гледати, а на друге уста и образъ искривльивати, тай часъ етоти намъ ове Лессингове басне гуска. Зато нека намъ є свагда на памети онай прекрасный латинскій стихъ: Deo proximus est ille, quem ratio movet. Богу є найближій онай, коимъ разумъ управля.

135.

СВИНЯ И РАСТЪ.

Свиня долазаше често подъ єданъ жировитый растъ, и ту се съ жиромъ раняше. Растъ му рече єдномъ: колико се съ моимъ плодомъ питашъ, а никада нећешъ на ме да погледашъ, ни да ми зафалишъ! Свинче, да се покаже да и оно нешто паметно уме мыслити, одговори: Е башъ! као да ты мени за любовь тай плодъ раћашъ и просиплѣшъ!

Наравоученіє.

Точно мудрованіє оны людій, кои наоде свакояке извѣте, но безсловесне и свинске, да нису благодарни Богу, родителѣмъ и благодѣтелѣмъ. Богъ є неотлучно соєдиніо са свакомъ добродѣтелію таково свойство, да онай кои є исполнява, како надлежи, мора у исто време чувствовати у срцу своєму задовольство и услажденіє. Такова є и благодарность: и ко годъ ову свештенну добродѣтель исполнява, не само што, свою дужность къ благодѣтелѣмъ своимъ, него и къ самому себи обвршава: прво, показуюћи себе достойнымъ примлѣнога благодѣянія, а по томъ чувствуюћи и наодећи себе больимъ и благополучніимъ, у сохраненію честному човеку пристойнога мударствованія. Чиста благодарность права є слава, коя се Богу воздає. Та десеторица сте се излечили; а гди су они деветъ, како нису се вратили, дати славу Богу? пыта кроткій и преблагословеный Агнецъ божіи, благодарнога и благоразумнога

Самарянина. Познато є, да Римскій Императоръ и Россійска Императорица, за интересъ царства свои съ Турцы воюю; но ништа манѣ, свака благоразумна и человѣколюбна душа благословляће имена ньіова, коє є вѣчный промысалъ за орудія своя избрао, за умалити непоредакъ, варварство, кугу, мракъ суєвѣрія и невѣжества, и сва злополучія коя се изъ овы раћаю, съ временомъ истребити изъ человѣческога рода. Бѣдно и са свимъ одъ безсловесныхъ безсловесніє мора быти оно ядно срце, коє никакове благодарности у себи не чувствує; зашто волъ и оселъ познає ясле господина свога. А ко Богу не благодари на дару бытія, живота и словесности, знакъ є да є свега тога недостоянъ. Ко никомъ ніє благодаранъ на сладкой любови и пріятельству, показує да нити кога люби, нити га ко люби: а нашто му такій животъ? Но буди благодареніє Богу, оваковы чудовища мало є у натури. Човекъ природно радо гледа бездушно но листовито древо, коє га у лето осѣнява, и радо се споминѣ свы оны мѣста, у коима се є у детиньству играо, и потока у коима се є купао: а шта є то него благодарность? Сладка благородна добродѣтельи! Ты оживлявай срца наша, и одушевлявай душу нашу, да смо благодарни єданъ другому, и сви скупа вѣчному Творцу: съ овымъ свештеннымъ сродствомъ соєдинѣни, и овде благополучно да живимо, и вѣчногъ живота достойни да се покажемо.

136.

КОНЬ И ЗОЛЂ.

Добаръ конь на войсцы убієнъ почне трунути. Залегусе у нѣму золѣ, кое кадъ начну изъ нѣга излетати, фалећисе међу собомъ почну беседити: о чуда преко чуда, каквога смо мы славнога рода! Не далеко одатле, пчела облетаваюћи цветове, и собираюћи медъ, чує то, и зуєћи одговори имъ: болѣ бы вамъ было знати, шта сте вы, а не одъ куда сте произишле.

Наравоученіе.

Нека се нико не фали съ благородствомъ свои стары, кои ніе наслѣдіо оне исте добродѣтельи и преимущества, чрезъ коя су нѣгови предцы благородство заслужили. Предивно сверхъ овога говори Італіанацъ; Folle! tu vanti nobilta in vano, se tuoi costumi sono da villano! Лудо! ты се съ благородствомъ поносишъ за луду, када наравь имашъ орятску и худу. Одъ простога рода, воспитанія и состоянія людій не могу се очекивати ни изискивати такова качества, какова, правично и неотложно изискуюсе одъ благородны и имући родителя роћены; кои су имали начинъ и средство благородно воспитатисе, научити и просветити; и у коима малене погрешке противъ благопристойности и благонаравія за велике се вменяваю. Да се бѣдный сирома превари, за неколико грошића, или ако ће и дуката лагати и худо поступати; то премъ да се нѣговомъ неваляломъ воспитанію и бѣдности припи-

суѥ; ништа манѣ, съ тимъ извѣтомъ закони грађански нису задовольни; но оћею, и право оћею, да се таковый по достоинству накаже, и научи памети. А кадъ се нађе ко благороданъ и и муѣь да лаже и худо поступа, ту се са свимъ види худородно и одъ блата срце; и толико ѥ веће срамоте и наказанія таковый достоянъ, колико, не само што себе безчести, него и поштено и славно име свои родитеља и дедова оцрнява. Ко мысли, да ѥ зато благороданъ и у обществу отмѣнъ, да му ѥ слободніе противъ сваке пристойности, и аки бы у пркосъ честности и закономъ необуздано поступати, съ такимъ валя управъ у оспиталъ, и ово ѥ наймекше и најслаће, што му се изрећи може; коѥ онъ себи за велико поштенѣ мора држати. Законъ грађанскій мудро ѥ установіо, да се за велике заслуге къ отечеству, не само заслужени отечества синови, но и породи ньіови отъ рода въ родъ благородствомъ обдариваю и прославляю; за возбудити чрезъ то витежку, и саму временну смерть за безсмертіе себи вменяващую добродѣтель. Али при свемъ овомъ похвалномъ установлѣнію, не валя никада съ памети сметати, да ѥ законъ ѥстественный, а то ѥсть законъ божіи, далеко старіи, мудріи и совершеніи одъ закона грађанскога, и ово ѥ законъ вѣчанъ, да се свашто, и свакій толико цѣни, колико валя и вреди, ни манѣ ни выше. На што су онимъ последньимъ изштећенимъ и порабощенимъ Аѳинейцемъ и Македоняномъ, прва, ньіовы стары, витежства и добродѣтели, разве на већу срамоту и уничтоженіе, служиле? О овомъ бы се много дало беседити; но прво, што паметну ѥ мало доста; а друго, намѣраваући, ако ми Богъ дарує животъ, на идуће лето велики и знамениты людій, на крат-

ко Історіє издавати, онде ће се у самы примѣры о подобной матеріи выше видити, зато садъ довольно. Толико и изъ овога, свакъ добро види, да є величайше нужде дѣло, наипаче благородной и поглавара дѣцы пристойно воспитаніє давати, и ньи изъ прве младости къ трудолюбію, къ науцы, къ благородномъ мударствованію, къ свакой честности и добродѣтельи путеводствовати и пріобычавати.

137.

СТАРА КЛИСУРА И ВРАБЦЫ.

У єдной старой клисуретини обиташе сила врабаца, кои се ту плоћау. Господаръ мѣста да є разваліти, и на томъ мѣсту сазидати училища и зданія за фабрике. Кадъ се ова нова зданія сврше, сакупесе опетъ врабцы, тражећи своя прва обиталища и станке, но ужаснусе кадъ не нађу оне прећашнѣ развалине и рупе, и међу собомъ стану мудрословити говорећи: Ніє ли овай господаръ мѣста са свимъ безъ памети? Гди учини толику праску и посао, докъ поквари оно прекрасно одъ старине зданіє, а начини ово ново, коє намъ ни нашто не служи! Гди су намъ оне прве рупе и пукотине, гди су се наши дедови и прадедови съ неизказанымъ спокойствомъ и пространствомъ вогнизђавали и водворявали? Нашто му ово помагай! Кои ће му гуштери овде садъ живити? Бѣжмо браћо одавде; на часть ономъ, ко га є тако начиніо, кадъ є таке памети!

Наравоученіе.

Пуштай нека врабцы овако говоре, ньима то пролази и пристои, єръ су они прави врабцы, одъ ньій ништа друго ніе за ожидаванѣ. Али словесномъ душомъ и прекраснымъ разумомъ, Богомъ обдареный и украшеный, да се овако неки стариньски плѣснивы завычая држи; и то, ни за коє друго разумно доказателство, кромѣ, што су тако и стари држали; то значи, да силомъ оће, одъ истога врабца безсловесніи да остає. Ко не види да ово ништа не валя, да є разумномъ створеню срамотно, вольи и намеренію премудрога Содѣтеля (кои є човеку способность дао, да може данъ о данъ на болѣ успѣвати) са свимъ противно? Све Історіе, одъ кадъ су люди почели, што се годъ међу ньима чини, писати, о овой насъ истини сложно увѣраваю; да велика царства и силни народи, докъ су се словесностію и разумомъ како надлежи владали и управляли, цветали су и прославлялису се: а како су се съ овога спасителнога уклонили и свратили пута, у безчестіе и злополучіе падали су и пропадали. Нека нико не мысли, да се изискуе некакво чародѣйно и преєстествено дѣйствіе и майсторія за учинити оно, за коє древный Омиръ овако каже, да є Минерва Діомеду рекла: *Ἀχλύν δ' αὖ τοι ἀπ' ὀφθαλμῶν ἔλον ὄφρ' ἔυ γινώσκῃς ἠμὲν θεὸν ἠδὲ καὶ ἄνδρα.* Маглуштину самъ ти са очію свукла, да добро познашъ и Бога и човека. Ова маглуштина ништа ніе него суєвѣріе и криво предразсужденіе, кадъ човекъ што утверждава или одриче, незнаюћи зашто, башъ као ови наши врабцы. Мудро, съ мало речій о овомъ Димосѳень: саветуе. *Δεῖ ἡμᾶς σκοπεῖν ὅπως μὴ χείρους ἔσται δόξωμεν τῶν ὑπαρχόντων.* Валя да смотрамо, да се не чинимо слабіи него што смо: то

єсть, богоданный разумъ употребляваймо како надлежи, онде гди можемо, и одъ общега человеческога, но здраваго разума, ни у найвећой науцы не удаляваймосе. Не само одъ стары времена него и у данашньой ученой Европи, многи се наоде велике науке и честнога живота, котори само што се почну удалявати одъ здравога разума, (кои, неотложно мора служити за основаніе свію человѣчески знаня) упадаю у оно што Немцы зову швермерай, а понашки, пареніе и окретанѣ ума, и почну се сѣмотамо мотати, изтражуюћи некакве чрезєстествене Іероглифическе и рабинске тайне; и ко годь неће у ньіова, на яви, сновидѣнія и кривоглавице да пристане, и у ньіовъ тефтеръ да се запише, веле да є профанъ, то єсть, несвештенъ мирянинъ. А ко се ту запише и прилепи, ако ће и во обще познатъ быти да є злонараванъ и невалъо човекъ; ништа зато, онъ є братъ; ћути! зато, мила браћице! Благо кући, коя има добра и паметна домаћина. Благо народу, кои има правдолюбива, бодра и просвештена цара, кои не чува сарай и жене као Сардапапалъ, нити лови муе као Домитіанъ, него обилази царство своє, као вреданъ домаћинъ; домъ свой, старе клисуре и кулетине дає развальивати, и на ньіова мѣста воздвиже училища, фабрике, оспитале и овимъ подобна общеполезна зданія: не марећи што зановетаю и мумлаю врабцы и совуляге. Благо ће быти и свимъ людма, кадъ се буду словеснымъ здравымъ разумомъ, како надлежи, и добродѣтелію управляти, не мрзећисе, не разделяваюћисе, разве одъ злы и невалялы, не наричући єданъ другога профани, зашто ово є псовка, и нієдномъ честномъ човеку ніе угодна нити пристои, разве злонаравну и злочинцу. Света є она речь онога старца Ерцеговца, да ће

онда зли пропасти, кадъ се сви добри соєдине. А кои су ти добри? може ко помыслити. Сви они кои трудолюбно, паметно и поштено живе, себе и своє фамиліє богоугодно содержаваюћи, и за общу ползу сложно, єдиномисленно и єдинодушно стараюћисе.

138.

ЛИСИЦА И РОДА.

Лисица упази у пролеће новопришедшу роду, приступи къ ньой и запроси є, да іой што лепо изъ дальны мѣста, чрезъ коя она пролази, каже. Онда она затегне дугачко и пространо разсказиванѣ, какве се баре и ритови у Индіи и у Египту наоде, и какве су у ньима жабе. Пређе у Ципаръ, пресловуту Грецію, Мацедонію и Далмацію, пакъ каже, какве су туда планинске жабе и зелене жабице, што се и на древеса пеню, и каквога су коє вкуса. Ала си за ништо, кадъ изъ толики мѣста друго казивати не знашъ, него какве су гди жабе, рече лисица, окрене іой репъ и оде одъ нѣ.

Наравоученіє.

По многой части ова греческа сентенціа истинствує; *χαρακτὴρ ἀνδρὸς ἐκ λόγου γνωρίζεται.* Изображеніє човека по беседи се познає. Разуманъ свуда гледа, да што паметно види, позна и научи, какови су гди люди, ньіове нарави, обычаи и прав-

лѣнія; науке, художества, упражнѣнія и забаве; што є гди достойно похвале и подражанія, штоли пакъ похужденія и отвращенія. Ево како божественный греческій Стихотвораць безсмертну свою починѣ Иліаду; *Ἄνδρα μοι ἔννεπε μοῦσα πολύτροπον, ὅς μάλα πολλὰ πλάγχθη, πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω.* Мужа ми кажи муса многоискусна, кои є много странствовао, многій є людій видіо градове и умъ познао: Ко тражи разумъ, разумніи куѣи дође: а лудъ се луѣій врати, него што є кадъ пође, зашто овогъ еспапа, єдногъ као и другогъ свуда се наоди. Съ каковима се обходи, и самъ или є онакій, или ће мало по мало постати. *Ἐσθλῶν μὲν ἄπ' ἐσθλὰ μαθήσεαι ἢν δὲ κακοῖσι συμμιχθῇς ἀπολεῖς καὶ τὸν ἐόντα νόον.* Одъ добры ћешь се добру научити; ако ли се међу зле помешашъ, изгубићешь и оно што имашъ ума. Ово валя разумевати не само за обхожденіє, него и за читанѣ кньига. Има мноразличны бездѣлица написаны и наштампаны, коє болѣ є не читати, или кои чита, дужанъ є здраво разсуждавати, и добро, одъ неваляла, разпознавати; прво благоразумно примати, у срце и у паметь слагати и сокровиществовати; а второ како непотребно одметати. У овомъ творимо како Ісократъ Димоника учи, *ὥσπερ γὰρ τὴν μέλιτταν ὁρῶμεν ἐφ' ἅπαντα μὲν τὰ βλαβήματα καθιζάνουσαν, ἀφ' ἑκάστου δὲ τὰ χρήσιμα λαμβάνουσαν.* Како што пчелу видимо на сва прозябенія спуштаюћи се, и одъ свакога благопотребная узимаюћи; савъ прекрасный божій светъ пунъ є меда и млека, нектара и амвросіє! Духъ светый, благій и истинный, свуда преизобилно излійва знаке вѣчне мудрости, промысла и благоустроєнія, за добра срца и благоразумне душе. Отвараймо само на све предмете кои насъ окружаваю, очи наше, разсматраймо ии са вниманіємъ ума! И єже ли бы до века живили, небы никадъ престали са свештенымъ пѣвцемъ вопіюћи: Воз-

величишася дѣла твоя господи, вся премудростію сотворилъ єси! На овый разумный начинъ поступаюћи, или странствуюћи или кньиге читаюћи, не само имаћемо о многимъ прекраснимъ вещма и мыслити и разговаратисе, (а не као рода само о жабама, и піяница о вину и ракіи) него што найвыше сви желимо, то ћемо получити; сиречь свакъ у своме состоянію, быћемо спокойни и благополучни. Не требує човекъ маћически тайна знати, нитъ како ће бакаръ у злато претварати, за наћи своє блаженство: навластито комъ є Богъ дао, те се наоди подъ праведнымъ управлѣніємъ. Трудолюбіе, умѣреность и паметно владанѣ, чиста и непорочна совѣсть, братолюбно и человѣколюбно срце, ово є сва тайна, ово є злато и сокровиште временно и вѣчно, безъ коєга богатый Мидасъ и сластолюбивый Сарданапалусъ ништа нису, него жебрацы и просяцы. Vivitur exiguo melius; natura beatis omnibus esse dedit, si quis cognoverit uti. Живисе са малымъ лепше; єстество є блаженымъ свима быти дало, ако ко позна да употреби. Ко ове речи за истините не припознає, онъ своєвольно неће да є благополучанъ. А кадъ неће, нека га; мы га силомъ не натерасмо.

139.

ОРЛИЋЪ И СОВА.

Младъ орлићъ упази негде у шуплѣмъ древу сову, приступи къ ніой, и упыта є, шта ту чини? Ево мыслимъ и размышлявамъ; от-

вешта сова. А о чему мыслишъ, приложи орлићъ, о добру или о злу? Та падне ми кадкадъ, и што зло на паметь, рече она; али волила бы, да се може, све о добру мыслити, зашто добре мысли чине ми млого болѣ. Кадъ ты толико много мыслишъ, придода, валя да ты знашъ што выше него мы прочe птице, кое и не мыслећи толико, опетъ гди што знамо. Кажи ми, молимъ те! єли истина оно, што кажу люди за некакву птицу меропа, да она лети у высину съ тртицомъ къ небу, а съ главомъ окренута къ земльи? Насмеесе на то Минервина фаворитъ-птица; и одговори: єсть истина; али валя да знашъ, да су та птица они исти люди, кои тобожъ веле, да бы ради небо заслужити, а са свимъ су къ земльи прилеплѣни, нити бы є кадъ ради изпредъ очію изгубити.

Наравоученіе.

Ове предивне басне, небеснога Лессингова ума прекрасни породи, тако су остроумне и у науцы богатоизобилне, да бы се много могло сверхъ ныій беседити. Да мы сви любимо овый временный животъ, и ову землю нашу, коя намъ є дата за време, како участіе обиталища нашега, у томе право имамо, и добро творимо, слѣдующи врожденномъ и природномъ єстества закону. Свакъ вреданъ и разуманъ, кадъ намѣрава у єдномъ дому, не све време живота, него само годину или месецъ, или краће времена, пребывати, онъ се стара да му є тай домъ чистъ, уређенъ, за здравлѣ полезанъ, и колико выше може быти, пріятанъ: нити оће безъ неволѣ да живи у ђубрету и смраду; зашто ово є не само здравлю

вредовито, него и самой души словесной худо и недостойно. И како се ко види да безъ нужде у ђубрету и непоредку живи, правично се о нѣму и худо мнѣніє зачинѣ и има. Но, est modus in rebus! єсть начинъ у вещма, како смо и на другомъ рекли месту. Кадъ смо дужни, као словесна и разумна створеня, за привременно тѣло, колико выше можемо, старатисе да є наранѣно, здраво и чисто, кольми паче дужни смо несравнѣнно већу старость прилагати за словесный умъ, и за безсмертну душу, да намъ є наранѣна здравомъ и разумномъ наукомъ, да намъ є здрава одъ сваке наравне болести и недостатка, и да намъ є непорочна и чиста одъ сваке мане и блазни, како чиста и цѣла голубица, достойна Бога творца свога, одъ кога она почетакъ и родъ свой признає и има. Кадъ є праведно и разумно, старатисе да су намъ авлія, домъ и постеля, село, градъ и предраго отечество у милой, пріятной чистоти и поредку, да у ньима мирно и задовольно преживимо, и да ін лепо и благоустроєне милимъ нашимъ потомкомъ оставимо; колико выше морамо се старати за оно безконечно и блажено обиталище и отечество, за свету вѣчностъ. Мы сви видимо, нити ко о томе сумня, да царске фамиліє, и силни цари на земльи, како годъ и други люди у болесть падаю и умиру, нити има на земльи богатства ни власти, коє бы могле кога одъ смерти одкупити или сачувати; дакле сви ћемо, кои мало пре, кои мало после, путемъ смерти одавде поћи. А зашто ово напоминѣмъ, што свакъ зна? Еда ли зато, да се већма смерти страшимо? Нипошто и никако! И ово є оно што свакъ не зна, и за коє є моя речь овде. Ко се икада сна бои, кадъ му се задрема? Нико, разве да є пао у какву меланхо-

лію. Ко се икада смрти може плашити и боя-ти, кои како надлежи вѣрує да єсть Богъ, и да є душа безсмертна? А ко то не вѣрує, онъ є сирома морално меланхоликусъ, зато се плаши и стои га дрека. Ко ће му помоћи, кадъ є таке памети? О таковомъ овде ніе речь. Ово наше тѣло, жиле и кости, одъ єла се и пића, найпре у утроби матере наше, а за тимъ, и наполю сложило и нарасло; дакле што му є ново и необычно, да ћемо га єданъ путъ свући и оставити? Мы смо плакали, кадъ смо промолили главу на овый светъ, алъ онда баремъ ништа нисмо знали, нико намъ се неће зато ругати: али да плачемо и кадъ пођемо одавде, кадъ смо фала Богу паметни, и знамо што намъ надлежи радити? Ово ништа не валя, ово є старый обычай, коєга треба међу варваре, простаке, невѣрне и зле у заточеніе оправити. А мы, кои смо по милости божіей светомъ евангелскимъ просвештени, и вѣруємо Бога, и безсмртіе душе наше, сматраймо привременну смерть како санъ, и радуймосе съ онима светима речма: блажени уснувши во Господѣ. Ништа ніе тако способно, како ова благородна хрістіянска мудрованія, човека къ добродѣтельи возбудити; нѣга достойнымъ словесне душе показати, и къ нѣговомъ истинитомъ благополучію довести. Живити разумно и добродѣтельно, на ползу и радость себи и другима; а по томъ, у своє време, пођи одавде разумно и добродѣтелно, съ чистомъ совѣстію и съ увѣренымъ упованіемъ вѣчнаго живота, ево савъ хероизмусъ Хрістова Евангелія и закона, и высоко совршенство, за коє є човекъ способнымъ создатъ. А меропъ птица ніе за хрістяне ни за разумне люде.

140.

БИКЪ и ЄЛЕНЪ.

Ови два паасау на єдной ливади; бикъ почне єдномъ єлену говорити: знашъ ли што є? рогове обоица имамо здраве, айде да се договоримо, ако по несрећи удари на насъ лавъ или медведъ, да се не одустаємо него да се заєдно бранимо. Єленъ му на то овако одговори: да ти право кажемъ, што є файда лагати? Какви су годъ мои рогови, опетъ се я већма у моє ноге могу поуздати, єръ добро знамъ да утећи могу; а одъ противстаяня и битве не знамъ шта се може случити; зато ти пре кажемъ, да се у мене не уздашъ.

Наравоученіє.

Совѣтує насъ ова басна, да не иштемо помоћи одъ онога, ко ніє кадаръ дати; бикъ овде греши противъ політике, хотећи да учини союзъ са єленомъ, кои є добро за страшива познатъ. Єленъ пакъ учи насъ двема лепимъ вещма, прво чистосердечности, исповедаюћи управъ то што єсть, нити ласкаюћи бику съ суєтномъ надеждомъ. Второ учи насъ предосторожности; да свагда она средства у нужди избирамо, коя су намъ известнія и безбѣднія; гди видимо и познаємо да нисмо ни пошто кадри противстати, а можемо се уклонити и спасти, ту ніє нимало потреба двоумити, да последнѣ валя изабрати. Искуство добра официра состоисе, колико, да зна гди и како валя на непріятеля ударити, и побѣдити га, толико гди є потреба, разумно уклонитисе и избѣгнути.

141.

МАГАРАЦЪ И ЕЗОПЪ.

Магарацъ упази Езопа, гди ода по полю, сматра што животиня чини, и одъ туда саставля своє басне и дає людма за науку; приступи и рече му: чуєшъ ли Езопе! Ты често мене у твоимъ баснама споминѣшъ, баремъ напиши, да самь и я кадгодъ што паметно рекао и учиніо! На то му Езопъ одговори: онда бы я био магарацъ, а не ты.

Наравоученіе.

Ко жели у каковомъ нибудъ похвалномъ дѣлу себе отмѣннымъ показати, право є да о томъ попеченіе има и да се труди. Высокоуміе долази предъ паденіемъ, вели немецка пословица. Ружна є игра и пуна бѣдствованія, издавати себе зато што ко ніе. *Ἐι τὶς ἐ δεδάηκε τέχνην σκάπτοιτο δικέλλῃ,* Ко се ніе научіо занату, неке копа будакомъ, совѣтуе Фоцилидъ, пакъ и на овый начинъ може быти поштенимъ човекомъ. Найнуждніе су вещи, честность и добродѣтель, за то іи є Богъ и вееобщимъ учиніо одъ самога Цара до селянина: што є неотложно потребно, и безъ чега се не може быти, то є дато и мраву. Свакій има толико разума, да може, ако само оће, добаръ и поштенъ быти. Єданъ краль Француzскій, пролазећи покрай куинѣ види ту момче, гди окреће ражань и пѣва; запыта га зашто є тако весео? єръ небы быо весео, кадъ ми є добро као и кралю? одговори младићь, не знаюћи съ кимъ говори. Како то? вопроси опетъ краль. Ето тако, придода малый; нашъ краль има што нѣму по-

требує, а я имамъ, што мени. Овый се ответъ тако поћуди владѣтелю, да узме малога међу своє ближнѣ служителѣ, кои съ временомъ постане знаменитымъ лицемъ. Некъ нико изъ овы речій не заключава, да свакъ валя да остає такавъ какавъ є; не, ово є за магаре, а не за човека: него надлежи добро знати, да є превелика различность, самымъ дѣломъ постати больимъ, одъ мечтати себи и чинитисе больимъ. Пишу за Іуліа Цесара, да є быо ћелавъ, али є онъ заслужіо толике побѣдоносне лавре, да є имао чимъ преславно ћелавость свою покрити. Ко ніє ученъ, а старасе добротомъ своіомъ недостатокъ науке надополнити, онъ паметно мысли и дѣла, како годъ реченый Цесаръ. Али, ко ніє довольно ученъ, а оће да се покаже да єсть, и само зато, свему ономъ што онъ ніє кадаръ разумети, противоречи: и ніє то тако, виче: а упытай га, зашто ніє? онъ или незна казати, или ако што и каже, оно му є горе одъ истога незнаня; противъ овога се овде говори. Нашъ добрый комшія Стойко, онъ самъ каже и чистосердечно признає, да нити є остроумамъ, нити за особита вреданъ дѣла, ништа манѣ, трудолюбивіега ни поштенієга човека у цѣлой вароши, одъ нѣга нейма. И онъ дакле у своєй окружности како истый Іуліє Цесаръ поступа. Смотримо садъ онога ветреняка Обркнежевића; у просте дне кадъ ніє лепо обученъ, разговарасе како тако; а како ти буде о комъ празнику, те се обуче у златогалонирате альине, накитисе и напудра, онда све му сапрлотираня изъ уста лете: ты му говоришъ, а онъ звижди, гледа свой везенъ пруслукъ, и каже, да ће му другій нове моде, скоро изъ Беча доћи. Єднымъ словомъ, друге альине на нѣму, друга паметь у глави. Пакъ іоштъ ако се наће

коя и духовна персона овакова, етоти лепа огледала и примѣра другимъ. Честна и разумна жена, ако ће и просто обучена быти, достойна є высокопочитанія. А она суєтна и безпослена цыфрашица, коєй съ шуштенѣмъ свилены альина окреће се и мозакъ, разтежу іой се речи као цицвара; гди се о безделицы, о опорицаню и посмеянію другога не говори, ту она ніє пристала; такова некъ се сакріє и некъ не излази изъ куће, она є за какавъ Турскій сарай а не за свободне люде, гди се паметь и разумъ гледа и изискує. Овимъ дакле подобне пороке остроумный и премудрый Лессингъ представля подъ символомъ, илити знакомъ магарета; о коима, кобы добро хотео говорити, морао бы самъ магаре быти. Сматраюћи на после насъ слѣдующа времена, о овомъ напоминѣмъ овде. Како су годъ пре на свету изменѣнія бывала, тако ће и после быти. Турска нити є одъ искони Турска была, нити ће довека остати; сама є Божія власть вѣчна; а человѣческа правлѣнія измењаваће се како и пре: а при измененію владѣнія уводиће се наука и нови обычаи. У таковимъ дакле желаємимъ обстоятелствама, на ма' изъ почетка дужни су народни поглавари све попеченіє своє полагати, да се юности, колико за гражданску, толико и за црковну службу определѣной, полезне кньиге, лепа наука и добродѣтелно воспитаніє дає; зашто кадъ се изъ почетка ствари на добро упуте, све на болѣ иду и напредую.

142.

БАКАРНА СТАТУА.

Упалисе єданъ храмъ, и у нѣму истописе єднога свеца, древнымъ некимъ майсторомъ искусно начинѣна статуа. Дође новый майсторъ, и одъ истогъ бакара, содѣла, по новому вкусу у нечемъ различну, а въ прочемъ подобну первой статуи. Види є зависть, зашкрипи зубма одъ муке: но съ овымъ се утѣши говорећи: Онъ є небы ни оваку кадаръ био сдѣлати, да ніе было онога првога майстора бакара.

Наравоученіе.

Ніе се чудити, да у саданѣ доба учени люди што лепше саставе и напишу, и вредни, у чемъ му драго, майстори што лепше содѣлаю, него ли су други прежде ныій. Подай вредномъ трговцу добаръ капиталъ, на ма' ће болѣ трговати, него да почне съ празнимъ рукама. Предивно пріуподоблѣніе овому дає намъ блаженый Спаситель: уподобися (вели) царствіе небесное человѣку домовиту, кои износи изъ сокровища своєга ветхая и новая. Што су први знали, то су други за њима готово и написано нашли; а што су за иляду и за две иляде година изнашли, то они први нису могли знати; ово є натурално. Да су Аристотель, и Архимидъ друге себи подобне пре себе имали, и да су живили у време Нефтоново и Айлерево, и они бы знали шта и ови. Похвальиваюћи садашнѣ велике люде, чрезъ то се не чини ни длаке

умалѣнія єлаве первыхъ: Они свагда остаю и остати ће во вѣки велики и славни. На истый начинъ после садашньи доћи ће други, кои ће ньи превзићи, и тако далѣ, докъ є годъ науке међу людма. Наши поглавити церковни учительи, како Василій Кесаріискій и Григоріє Назіанзинъ, учили су се у Аѳини одъ елинскога ѳілосоѳа Ливанія; слѣдовательно оно што се є у то време знало, то су могли и они знати; а проче науке, коє су се после ньій постигле, како годъ и Америка, нису имъ ни на санъ долазиле. Ово ко годъ съ зрнцемъ соли памети разсуждава, види да своимъ єстественнымъ правымъ путемъ иде; и да нипошто не може иначе быти. А да зашто се дакле наоде многи, кои су за старымъ погинули? коє чуємо да уздишући подвикую: Ее стари, стари! Гди су стари! Те лише што є за веће чудо и сіясетъ, ово се найвыше одъ оны чує, кои нити знаду (што' но вели Црногорацъ) майде ћаволѣ мрве, ни шта су стари ни млади. Пытасе, одъ кудъ ово произлази? У простима изъ незнаня, и овима се ніе толико ни чудити, зашто природно, ко што незна, догодъ не зна, онъ то не може знати, ако ће сто глава а не єдну имати. А у онима кои знаду, пакъ тако говоре, ево намъ каже Лессингъ у овой басни, да изъ ньій ништа друго него зависть говори. Окаянна, слепа зависть, коя неда ни видити ни познати, а іоштъ много манѣ почитовати полезноє! Но колико є зла и опака, баремъ ово добро има, што мучи, разтрза, и чини шкрипити зубма онога, кои съ ньомъ има посла. Словесно створенѣ човекъ, ако ни зашто, баремъ за своє исто добро, миръ и спокойство, валяло бы да очисти срце своє одъ ове пакостне и общевредовите злобе; коя є многа царства и безчисленне народе

превратила и упропастила. Нієе ли лепше и разумніе овако мыслити? Богъ, кои є по єстеству сама и совершеннѣйша премудрость, создавши човека словеснымъ, даровао му є душу способну разума и мудрости; дакле гди годъ видимо ове вещи, ако ће быти у Еллину или у Латину, у Брамину илъ у Мандарину, почитуймо іи како даръ божіи; и тащимо се ныма ползоватисе. Перви гречески мудрецы искали су науку у Египтяна, у Фіникіана, у Халдеа и Індіяна: а они су є по томъ у велико совершенство довели, своє исте учителѣ много превзишли, и прочимъ є Европейскимъ народомъ спріобщили и приподали. И будући, да на овой земльи бываю различне премене; видимо данасъ, да исти паметни и любоучителни Грецы, нимало се не стыде у просвештену Европу прелазити, за пріобрести науку и мудрость. А кадъ Богъ вышньій изволи, ныи одъ варварске власти и удрученія освободити, (какови су они остроумни и любоучителни) у мало ће времена све друге постигнути и надвысити. Зашто, Греція є природный домъ и пріятнѣйше обиталиште муса; и елинскій єзикъ, онъ є свію грація по превозходителству фаворитъ єзикъ; и быо є, и єсть, и быти ће. Овако мударствуюћи, мыслићемо као словесни люди, и чувствоваће срца наша сладость и радость. Просвештена и благоразумна душа нити оће нити може иначе мыслити. Радуймосе дакле свѣтлымъ и сладкимъ божіимъ даровомъ; почитуймо іи, и желимо іи. Ко имъ се овде радує, много выше ће имъ се радовати, кадъ му се душа одъ слабостей тѣла и одъ попеченія житейскога размрси и освободи. И ако іи є ко до садъ, или за незнанство, или зашто му драго, ненавидіо; некъ престане, ово є паметніе и болѣ, тѣлу и души и свему обще-

ству полезніє. Честному човеку не пристоє кабале, зависть и проче худости.

136.

ХЕРКУЛЕСЪ.

Овый славный витезъ, кадъ сврши све труде и подвиге своє, очисти землю одъ вредовиты и злы зверова, и освободи люде одъ варвара и мучителя: онда се топрвъ удостои на высокій попети Олимпъ, у светле дворове Цара Юпитера улѣсти, и за трапезу, гди се Ципарскій нектаръ и малвазійска амвросія піє, сести. Ту кадъ дође, свему се царскому роду и племену, синовомъ и кћерма поклони, све по пристойности и по реду поздрави; а навластито и по превозходителству великой Госпођи, честитой Царицы Юнони, маћіи своіой, покаже своє высокопочитаніе и вѣчну благодарность. Како то? чудећисе упыта га Юпитерова кћи, премудра Минерва; оной коя те є найвыше ненавидила, и люта на те гонѣнія воздвизала, толику благодарность? Ньой истой, одговори Херкулесъ; зашто, да ніє нѣйзины гонѣнія было, я ни полакъ моє славе небы заслужіо.

Наравоученіє.

Ко небы тисящекратно ублажавао и благословивляо ону свету Лессингову душу, коя намъ є тако высоку и благородну науку у своимъ премудримъ оставила баснама? Може ли и каква

філософическа кньига съ лепшимъ, вразумителніимъ и дѣйствителніимъ основаніємъ показати, превелику ползу, кою човекъ може одъ свои завистника и непріятеля имати? Исти завистницы сами бы се ужаснули, кадъ бы добро разсудити могли, какова ньіовой жельи и намѣренію, противна дѣйствія и слѣдствія изъ ньіове худе зависти рађаюсе и произходе. Но нека ньій на страну, айдемо мы къ нашемъ лепшемъ и болѣмъ послу. Добродѣтелный и вредный човекъ може имати неке слабости и погрешке, коє и самъ онъ, како бы валяло, ніє кадаръ примѣтити: слѣдователно нити се стара да се одъ ньій како отресе. Нѣгови найбольи пріятельи, или за преизлишню къ нѣму любовь, и сами те погрешке не опажаю, или му іи пращаю и извиновляваю, зашто ово є обычай любови и пріятельства. А правый непріятель, онъ за шалу неће да зна; него са своя два ока, или ако є по случаю ћоравъ, а онъ и съ єднымъ, болѣ гледа и види, него стоокатый Аргусъ. Пакъ ако ће быти, оно шта онъ види трунакъ, нѣгове су очи такове натуре, да се ньима то чини коликъ найвећій пань. И ако се срећомъ не бои, онъ за атаръ не мари, него каже, не за леђма, него управъ у очи оно шта онъ види: а ово є таманъ то, што є разумномъ човеку, кои се исправити жели, одъ найвеће потребе. Ово є прво. И како свакъ види, ніє малена стварь, али є прама овоме шта ћемо рећи, багатела. Природно свакъ вреданъ и паметанъ човекъ люби како славу и честь, тако и своє спокойство. Таковый свакъ трудисе и настои, да заслужи лепо име, и да стече колико му є довольно, да може по томъ (разумевасе, по своємъ состоянію, и у своєй окружности) у лепой чести и задовольномъ спокойству живити. Саде,

мы у свимъ Історіама премногe наодимо, и своимъ очима у наше дне многe видимо, кои су се за довольно времe разумни, трудолюбиви, вредни и добродѣтельни показали, докъ су по своєй жельи и намѣренію честь или имѣніє или достоинство получили: а по томъ дошли су у немарность, разслабили су се, изштетили, и са свимъ другоячіи постали. Одъ иляду примѣра довестићу єданъ, али здравъ; за доказати дѣломъ то што велимъ. Ніє могао болый, ни трезвеніи, ни паметніи Царъ быти одъ Александра великога, докъ ніє іоштъ покоріо быо Азію и побѣдіо Дарія. А кадъ получи све што є хотео, предасе савъ суєтной и лудой Персійской гордости, неограниченому раскошу и піянству, нити довольствующисе царскомъ честію, да себе обожити, и постане одъ човека зверъ, одъ премудра цара мучитель, и почне за трапезомъ убіяти найвѣрніє и найболѣ своє пріятелѣ и официре. Єли нужда, помыслиће ко; да кадъ човекъ дође у славу и господство, да се разврати и поквари? Ништо; ако є управъ паметанъ. Августъ Цесаръ, цре него постане цесаремъ, быо є доста зао, а по томъ ніє болѣга ни блажіега човека надъ њимъ било. Изъ овога се дакле види, одъ какове ползе, добромъ и вредномъ човеку може быти завистникъ и непріятель, одъ коєга стоєћи свагда на опазу, ако и на велику честь и достоинство дође, не да се разслабљнію ни разблуђиваню. Имаюћи се кога чувати, непрестанно бодарствує, нити се дає ласно заслепити чрезмѣрними похвалами оны кои му ласкаю. Што годъ добро и похвално учини, све му се чини, да є мало, догодъ зна, да се ко наоди, коц ће настояти да то умали, и за несовершено покаже. Зато свагда у предострожности и у дѣйствію, не

ослаблява, нити престає путемъ добродѣтельи теѣи и напредовати, докъ достигне къ таковой мѣри совершенства, гди веѣь и сама зависть мора онемити и сакритисе; коє ако се не случи за живота, а оно ће потомъ; разуманъ се стара за єдно како и за друго. Изъ свега овога нека нико не заключава, да є зависть добра вещь, будуѣи да и она може другда узроковати што добро и полезно: не; она остає худа и зла, зашто нѣйзино намѣреніє, ніє да што добро причини и произведе, него да то воспети, удручи и уничтожи; и кадгодъ іой се пода и узможе, она то и чини. Добродѣтель обаче, будуѣи рода и свойства божественнога, она има овый прекрасный даръ и преимущество, да, и исто туће зло намѣреніє, на добро преобрати и употреби. Остає намъ да речемо шта є зависть, и како се раћа. Зависть є скорбь о совершенству другога. Ово кратко опредѣленіє показує у исто време и шта є она, и начинъ на кои се раћа. Како ко жали, и радо не види, да є другій болый одъ нѣга, и да му є болѣ него нѣму, онъ му завиди, пакъ почне га и ненавидити, то єсть мрзити и желити му зло. Грецы є наричу φθόνος одъ ἀυτὸς, η, φόνος то єсть себе убійство, зашто завистникъ себе убія. Первѣйше возбужденіє и начало ове страсти у незлобивой природи, ако се само на зло не окрене и не употреби, не само што ніє зло, него добро и полезно, єръ є любоподражаніє и жеља успѣха. Деца кадъ се утркую ко ће болѣ, добро чине; али кадъ єдно подмете другомъ ногу, да ово падне на носъ, а да га оно претече, овако быва зло. Што є годъ єстество усадило у човека, ако се пристойно и разумно употреби, све є нужно и добро; а злоупотребльніє све на зло окреће.

144.

ДЕТЕ И ЗМІЯ.

Дете упази змію, узме штапъ, и рече іой: не приступай къ мени, єръ ћу те съ овымъ по средъ главе. Я самъ чуо, како є нека одъ васъ єдно дете уєла, и смерти предала. Чуй садъ, одговори змія, и оно што іоштъ ниси чуо, а валя да чуєшъ, ако си радъ знати стварь одъ края до конца. Оно дете хотело є убити змію, садерати іой шарену кожу, и навући ю на свой штапъ, зато га є она уєла и убила. Оде дете, каже оцу шта є чуло, пытаюћи га, єли то тако? То може ласно быти, сыне мой, отвешта отацъ, зато одъ садъ немой никада вѣровати єдну вещь, кою на полакъ чуєшъ. Него чекай докъ є сву, и са свимъ нѣйзинимъ обстоятелствама не чуєшъ; пакъ и онда добро разсуждавай, пре него речешъ, тако є а не иначе.

Наравоученіє.

Сва прелащенія человѣческа на свету, како смо на выше мѣста рекли, произходе или изъ незнанства, или изъ недостаточнога и кривога познанства; коє, како є недостаточно, тако све што се о нѣму суди и горори, мора быти, или са свимъ, или одъ части лажно. А да зашто тако ласно люди вѣрую, и вараюсе? Ево зашто. Знати є лепа вещь. А свакъ природно оно што є лепо, жели имати; а желити имати, или у самой вещи имати, то свакъ види, да є весма єдно одъ другога далеко. Имати што и знати, томе се и-

зискую средства, начинъ и трудъ; а желити што, или себи мечтати, да оно што ко жели, има: томе се неће ни полакъ труда. Зато се случава ово што Інглезъ вели: Е менъ шалъ хердли спіикъ ени єинкъ со ебсордъ, бошъ хи уилъ файндъ хисъ епрууверсъ. Єданъ човекъ єдва ће говорити што ни будъ тако будаласто, но онъ ће наћи своє соутверждателѣ. И наша србска речь лепо ово исто представля, у пословицы: Лакше є вѣровати, негъ ићи пытати. Ништа ніє чешће него децу чути, да се инате и єдно другомъ веле: ты не знашъ ништа. Кадъ бы човекъ пристойно хотео и могао разсудити, да све нѣгово наравно благополучіе изъ чистога и правога понятія, мышлѣня и суѣеня произходи; нити бы у испытиваню вещи итіо, нити бы себи воображавао, да зна оно што не зна, нити бы, на конацъ, ласно вѣровао све што на полакъ чуе, и што обстоятелно не зна. На примѣръ: ко вѣрує и исповеда да єсть Богъ; разумно и вѣрує и исповѣда, зашто види толике чудне предмѣте, съ таквомъ премудростію устроєне, да мора быти всесилный и премудрый зиждитель и содѣтель, кои є све то создао, тако дивно уредіо и содржава. Али кадъ намъ, ревнивый дервишъ доће казивати, да тай истый Богъ самимъ Туркомъ добро жели, а на све проче народе да мрзи; онъ се люто вара, нити има чисто понятіе о Богу: о коєму овако валя мыслити: Мрзити, срдитисе, завидити и прочая; то су страсти и несовершенства; а Богъ є безстрастанъ и совершенъ, онъ се никада ни на кога не може разсрдити: ако чини зло, самъ га себи чини. Нерона истога и нѣму подобне, ныова ће ін зла совесть и зла дѣла мучити, а не Богъ. Бѣднога Монтезуму, Американскаго владѣтеля, немилостиви Шпа-

ніоли осуде на сожеженіє. Дође Францишканъ, да га обрати у свою вѣру, обѣщаваюћи му по смерти рай. Запыта га Монтезума: иду ли Шпаніоли у тай рай, кога толико фалишъ? Каже онай да иду. Дакле я тамо нећу, отвеща неправедно осуђеный. Онъ ніє могао другояче мыслити него овако: гди зли и неправедни люди иду, (нека говори ко што оће) то не може добро мѣсто быти. Ко зна да отровъ трує, и ко се небы радъ отровати, онъ своєвольно и при здравой памети неће отровъ пити; а ко прво зна, и второ не бы радъ, а треће своєвольно чини: шта ћешъ о нѣму судити? разве да ніє при памети. Добро є лепе вещи и знаня достойне знати: али є у исто време поштено и паметно, оно што не знамо, казати да не знамо, и искати способно средство, къ правомъ познанству онога што желимо, доћи. Навластито кадъ ко што доказує, или нека паметно доказує, или некъ не зановета, и нека не чини као некій Александровъ похлѣбникъ, кои хотећи да докаже, да сномъ не валя вѣровати, доказиваше говорећи, да є тако Александеръ сніо. Свакъ зна да є истина да сни лажу, и да нису за вѣроятіє; али то на тай начинъ доказивати; значи, истину на лажи оснивати, и ню исту у лажь преобращавати. Одмећимо одъ себе крива знаня, починьимо сумняти, ово доводи къ изтраживаню, и изтраживанѣ къ познаваню истине. Ніє доста: рече тако овый, а онако оный, томе никада нема ни края ни конца; рекао є, ко є што знао и мысліо; колико глава толико капа; но разуманъ човекъ валя да сазна, зашто є ко што рекао; и єли тако управъ или криво речено? Шта га Муамедъ каже да му є Богъ рекао, мора ко быти са свимъ лудъ Турчинъ, да му то вѣрує. Онъ самъ знаюћи да те

вещи нису за вѣрованѣ, имао є толико хитрости, да іи одъ стране божіе каже: пакъ ко сме онда далѣ испытивати или сумняти? На ма' по врату. Ніе дакле ни мало довольно, што неки оће: то є духъ светый за добро нашао и установіо; многа су се Евангелію са свимъ противна мудрованія на овый начинъ увела. Зато валя здраво разсудити, єли то паметно и полезно? и како се позна да ніе ни єдно ни друго, онда се тай часъ види шта є и како є. Мы видимо некій разумъ у истимъ безловеснимъ животиняма, пакъ єли право да и одъ ныій стражньи остаємо? На примѣръ: Ртъ кадъ безпосленъ каса, онъ иде коєкудъ, а кадъ се за зецомъ пусти, лети управъ како тане: тако и мы, гди є потреба, и гди можемо найкраћимъ путемъ и управъ доћи, нашто намъ околити? Покажи ми отъ дѣлъ твоихъ вѣру твою, премудро вели Апостолъ: ово є управъ и на кратко. Ко годъ вели да добро вѣрує, а видишъ га да зло дѣла, крстига се; такій и съ Богомъ лаже, некамо ли неће съ людма. Ко разумно, поштено и праведно живи, онъ таманъ вѣрує, како Евангеліе изискує. За докончати ово наравоученіе, памтимо ове две вещи: прво, што се годъ може са здравимъ общимъ разумомъ ясно познати, то ніе потреба замршивати ни потамнявати: а што се годъ чисто не разуме, зато се не валя инатити ни мрзити, но безъ пристрастія о томъ разсуждавати. А ово свакъ разуме, да є онай найпаметніи, кои є найболый.

145.

БИКЪ, ТЕЛЕ, И ПАСТИРЪ.

Бикъ пролазећи са устремлѣніємъ крозъ ниска шталска врата, са свои силны роговы, пребіе горньій прагъ. Теле видећи то, рече пастиру: садъ ми право кажи, не волишъ ли мене, кои ти нисамь кадаръ, онаку штету учинити? Расти ты брже и оячай, одговори му пастиръ, пакъ се ни мало ты не старай за штету, што ћешъ ми причинити, она ће се мени тобомъ обилно наплатити.

Наравоученіе.

На ма' овде у почетку приложићу одъ слова до слова Лессингове речи. Беседа телета, беседа є малы філософа. Злый Баилъ! Колике є поштене душе съ своими продерзльивими сумнѣніями опечаліо! О вы Господо, колико бы ми ради были опечалѣни быти, кадъ бы само свакій одъ васъ Баилъ быти могао! Овако благородне и велике душе о великимъ людма мысле и говоре. Верхови превысоки гора оставляю далеко подъ собомъ црне облачине. Многа се у месецу тамна мѣста виде, ништа манѣ онъ намъ велико добро чини, кадъ насъ у ноћи просвештава. У самоме сунцу, чрезъ на то пріуготовлѣна орудія, видесе неке маће, но зато нико неће рећи, да є сунце мрачно. Не можесе ни одъ кога изискивати, да є безъ найманѣ слабости и порока, (ово є само божіе), а међу людма онай є найболый кои найвыше добра у себи има. Лажльиви сынови человѣчески, вели Царъ Давидъ, а зашто? Єръ су неправедни у мѣрила, неће пра-

во да мѣре. За малене слабости у човеку, опорочаваю му и презиру велике добродѣтельи; свакъ види да є то весма неправедно и неразумно. Всесилный и свемогућій Богъ не натерує никога силомъ, да у нѣга вѣрує; ко оће да не види, може, и кадъ є сунце на средъ неба, нека само веже очи. Спаситель нашъ, небесну и пресвету науку дающи, ево како є налаже: ко има уши да може чути, нека чує!. Овде ніє силе ни натериваня. И то є исто што доказує сунцеподобну истинность и божественность нѣгове науке, коя є тако природна и увѣрителна, да, ко само има здраве и чисте одъ сваки предварителны лажа уши, не само што ће є чути, но и за истиниту познати, и на своє велико добро и благополучіє примиће ю. Свако доказателство, коє се подупире съ проклетствомъ и съ анатемама, или (што є іоштъ опачніє) съ сабльомъ по врату, то се већь види шта є; само некъ є слободно казати. Баилъ, коєга Лессингъ фали, и онъ као човекъ, могао се є ласно у некима вещма преварити; али є премноге лажи откріо, и општеполезне истине изясніо и показао, а ово є таманъ што паметни люди и націє желе и ишту. А по томе нећићесе, ко ће и нѣгове речи просіяти, башъ тако како є и онъ другихъ, и показаће, у чемъ има право, у чемъ ли не; іоште, што є найважніє, съ каквымъ є намѣреніємъ писао; све то люди изнаћу, по оной речи: кртина исподъ землѣ оди, пакъ опетъ іой се трагъ наће. Поштенѣ Платону и Аристотелу, али истини найвеће, веле Грецы; и овако сви благоразумни народи умствую. Вещи коє се могу съ паметнимъ изяснити речма, нашто ту кавга, анатеме и сила оружія? Светъ и истина Евангелска ніє се съ силомъ нити оружіємъ разпростpла ни

разширила; нитъ требує да се ньима подупире ни защищава. Како гди доће кавга, вражда, лукавство, кабале и насиліє; одатле здравый разумъ, мудрость, истина и хрістянска наука бѣже: Зашто коє причастіє свѣту съ мракомъ, мудрости съ варварствомъ, и духу кротости и мира съ свирѣпостію и съ немиромъ? Турцы докъ су тога закона, никада се неће съ наукомъ просветити, зашто имъ ньіова вѣра не да; коя будући съ силомъ и съ оружіємъ разширена, на ньима є и утврждена; ко се ту усуди найманѣ што рећи, противъ онога што оце и дервиши кажу, на ма' оде глава као печурка. Блажени дакле народи, кои пресветой Іисусовой науцы слѣдую; кадъ годъ буде, они ће се сви съ мудростію и съ наукомъ просветити; зашто гди є годъ права мудрость съ найздравіимъ разумомъ, съ непорочнѣйшомъ и съ чистѣйшомъ добродѣтелію соєдинѣна, ту є право мѣсто и домъ Евангелія, и царство небесноє, коє намъ се чрезъ нѣга обѣщава. Покайтеся, приближибося царствіє небесноє. Коє є ово, разве хрістова наука, коя се сва состои у свету разума и добродѣтельи? Изъ овога свакъ може чисто видити, како греше и противъ своє ползе поступаю они одъ наше предраге браће, кои, како виде што ново, ньима іоште необычно написано, на ма' се почну срдити и пытати, ко є то написао? Ао, то му и то было! Нек'доръ онъ доће овамо, пакъ ћемо га мы научити, како се пише! Е добро, айде, пакъ башъ и да доће (што онъ весма жели), шта бы му учинили? Истукли, па етоти га, некъ зна другій путъ, како ће писати! Чуда люди! Заръ се и томе оће велика наука, за истући слабіегъ одъ себе? Али онъ добро зна, да вы то небы учинили! Нѣговомъ срцу слад-

ки люди! Онъ васъ све скупа болѣ познае, него вы сами себе. Нека онъ вами іоштъ што напише; а у славной націи има благодареніе Богу и садъ, и быће уздамосе у Бога, у напредакъ много выше, и премного ученіи и больи одъ нѣга людій, кои, гди годъ и у чемъ годъ, онъ буде као човекъ погрешіо, познати ће и показати; и тако то неће никакова вреда нанети. А благо нѣму, ако што добро и полезно напише! То е све нѣгово блаженство, кое онъ себи одъ Бога іоште за кои данъ живота на овой земльи жели.

146.

ЛИСИЦА И ВРАНЪ.

Често вранъ леѣаше на алтаре богова, узимаше слободно гдикое парче меса на жертву принешена, и нико му небы сметао, почитуюћи га свакъ за птицу, коя будущая прориче. То гледаюћи лисица, помысли у себи: я бы рада знати, дали е зато врану слободно, месо са алтара узимати, што е онъ пророкъ? или га зато за пророка почитую, што онъ посвећено месо, никога не пытаюћи носи, пакъ еде?

Наравоученіе.

Преводећи ову Лессингову басну, дође ми на паметъ нешто куріозно, што ми се е у Далмаціи случило, кадъ самъ се вратіо изъ Азіе мале и Греціе; прво, зато што самъ остао быо безъ

крайцаре и новца, дођемъ у Далмацію за учити гди децу и стећи што; друго, дати себи времена, пре него што друго почнемъ, за утвердитисе болѣ у прекрасномъ Еллинскомъ єзику; изберемъ неко планинско, около предивны и широки долина, са свимъ за Омирова и Исіодова чтенія пристойно мѣсто, зовомо Плавно; ту се остановимъ и сакупимъ доста дечице. На єданъ празникъ, не даюћи лекціє, у лето, сѣдимъ међу црквомъ и моіомъ школицомъ, подъ растомъ у ладу, съ моимъ любимымъ другомъ, попомъ Даніиломъ Моранскимъ, и слушамъ (съ изобилно текућимъ изъ очію мои сузама) умилителну повѣсть нѣгове вѣрне, но несчастливе любови, коя га є у толико очаяніє довела, да се покалуђери, и Корциру, своє отечество остави. Кадъ ето ти къ нами свештеникъ непознатъ на коню; сяше, поздрави насъ, скине пуне бисаге са седла, да коню путъ у долину на пашу, седне кодъ насъ, и почне ми беседити: драгій брате Школниче; мы се іоште не познаємо, али добри люди ласно учине познанство; брзо ћемо се ако Богъ да, и болѣ познати, єръ смо комшіє. Ено ти моє село за оном главицомъ, што намъ башъ спрама носа стои, и за оном растовомъ шумомъ, што се преко нѣ промолила; я самъ ти попъ Маукъ, а моє се село зове Отонь. Ево самъ ти донео у бисага два варићака чисте пшенице како злато, оку масла и єданъ сирацъ; простићешъ, ово є мало, али быће и выше ако Богъ да. И молимъ те да ми у неделю дођешъ, и моимъ селяномъ єдну здраву и вредну предику изкажешъ: и кадъ будешъ имати времена, да ми што лепо напишешъ, да кадкадъ и я што моимъ людма кажемъ, єръ радо слушаю, кадъ имъ се што добро беседи. Зафалимъ му я на дару, и обещамъ се єдно и

друго, што одъ мене жели, учинити. По томъ разговаралисмосе коє о чемъ, између прочегъ предложи ми ово чудновито пытанѣ, говорећи: кажи ми молимъ те, зашто насъ попове зову Светый Оче? Дає ли намъ се ова светиня заєдно съ поповствомъ; или бы мы морали быти безъ сваке шале свеѣи? Презнемъ се на таковый вопросъ; и речемъ му, зашто то пыта? Ако є прво, одговори, у добрый часъ, некъ иде; ако ли є второ, у триста злы часа! то нека добро знашъ; я имамъ толико посла на глави, да ми светиничењ ни на умъ не пада? Други су ту были, и други, пакъ нису се могли посветити, алтроке попъ Маукъ! Онда самъ му я одговоріо, по моєму тадашнѣму начину мышлѣня, да свештенство будући даръ светога духа и власть духовна, зато ко ово има, по тому онъ є светацъ; тога є упокоило, и оде. Садъ обаче овако бы му одговоріо: да свештенство, како годъ и остала достоинства воєнна и гражданска, неотложно изискує неке службе и дужности, коє, ко не исполнява, не само ніє да се нариче светымъ оцемъ; него и да се лиши тога достоинства и званія: а ко ихъ исполнява како надлежи, онъ є правый светый отацъ и высокопочитанія достоинъ, носећи попеченіє о ономъ, што є светѣйше у человѣческомъ роду, то єсть, благонаравіє, свеобща любовь, миръ, непорочность и чистота совѣсти.

147.

ЛИСИЦА И ТИГАРЪ.

О да ми є твоя снага и брзость, рече лисица тигру, весма бы ми драго было! А заръ за мою шарену кожу не маришъ? рече іой тигаръ; онда бы се показала и споля суща, каква си изнутра, хитра и шарена. На томе ти лепо фала! отвеща она; я не желимъ да се покажемъ такова каква самь.

Наравоученіе.

Ова басна съ великимъ остроуміємъ показує, да ніе добаръ знакъ, кадъ ко небы радъ да се покаже таковъ, какавъ є у самой вещи. Притворность є природно подозрителна, ни пошто не да о себи добро мыслити, и свагда оно што Латіни веле: Latet anguis sub herba, крієсе змія подъ травомъ; а мы велимо покривенъ углѣнъ, предполаже. Іезуити су у свой майсторіи знаменити были; пакъ, кадъ бы до последка, што имъ поможе? Попешесе на толико высочество богатства и силе, како ће ужасніе превалитисе и са свимъ скрушити. Ово правило, коє идемъ рећи, уливено є одъ самога Бога у єстество; да чистосердечіе и нелестность нарава свезує и утверждава пріятельство. То исто служи и за благопоспѣшно обхожденіе са свимъ честнимъ у обществу людма. Примѣтимо обаче: да и вѣрный другъ, гди нужда и разумъ изискує, и за време, одъ дражайшаго друга може неку тайну (навластито туђу) сакривену чувати; ништа нейма безъ изятія. Ово се не говори за са свимъ особита

обстоятелства, него за характеръ срца и за обще правило обхожденія и живлѣня. Нейма ти горе, бѣдніє, ни скаредніє, одъ свагдашнѣга у притворности живота; а то онде мора быти, гди лисичіе погане нарави преобладаю. Зашто є природно и єстеству человѣческому непріятно и отвратително, кадъ види ко двоє, међу другима, да свагда шапћу и хихичу? На то свакъ мрзи, башъ ако ће знати да се нѣга ни мало не каса. Свето, богосоздано, беззлобно єстество! покажи людма све пріятности и блаженство чистоте срца и нарава, да блажени буду на земльи! Но нашто ми ово восклицаніе, за коє ће ми се (може быти) многи посмеяти? Ово є свакомъ показато, кога злоба и лукавство не заслеплява. Nemo felix nisi bonus. Нико счастливъ разве добаръ. Древня истина, коя никадъ неће остарити.

148.

ОВЦА И ЮПИТЕРЪ.

Овчица дође къ цару Юпитеру, и почне му се тужити, да іой многе обиде на земльи бываю; молећи га да учини, ако се како може, да то у напредакъ престане. Овцо моя, рече іой Юпитеръ, то иначе престати не може, разве да ти какво нибудъ средство дамъ, съ коимъ ћешъ ты твоє злочинце одъ себе одбіяти. На примѣръ, да ти дамъ уста и очи єдовите, и како заданешъ или погледашъ на кога, да га отруєшъ. Духъ! Не говори то Юпитеру! Уста и очи єдовите! Ко бы

то радъ имати; заръ оћешъ, да самъ гора одъ зміе? — — Кадъ ти се то не допада, да ти дамъ зле зубе и нокте, као у лава. И то є зло, нећу; дай ми што друго. — — А оћешъ ли дакле величину бика и страшне рогове, да те се свакъ бои? — — Нећу ни то, я не желимъ да ме се ко страши. — — Іоштъ єдно остає, пякъ ако ни ово не будешъ хотела, а ты морашъ страдати, како си и до садъ: хитрость и лукавство лисичіе. — — Нећу ни то, рече овца, ни то ми ніе мило. Волимъ страдати, кадъ се безъ зла не могу зла избавити. Онда благослови царъ Юпитеръ овцу, заповеди да у напредакъ овце имаду пастира, кои да се може ньима ранити и одевати? но да іи чува и да се за ньи стара.

Наравоученіе.

Ништа ніе свеће ни чистіе одъ овце, веле наши Далматинцы: и нћйзине брабонке изцћди човекъ изъ млека, пакъ єде млеко, нити му се гади. Сама доброта благи и добры людій, довольна бы была, за доказати безсмертіе душѐ и будущеє награжденіе. Има много на свету тако благонаравны и добре душе и срца людій, да често за свою исту доброту страдаю: дакле премудрый Творацъ, коєга се премудрость у свемъ створеню богато показуе, ће несумнѣнно таковимъ, праведно и своєму величеству и благости пристойно награжденіе учинити. Радуйтеся, вели намъ небесный Учитель, и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Друго примѣчаніе, коє се настоєћемъ наравоученію приличествуе (коє смо выше кратъ напоминяли;

но некъ се опетъ спомене) ово є: Колико су дужни небесномъ промыслу благодарни быти, народи, кои се у блаоурежденимъ царствама наоде и живе, гди силанъ и неправеданъ мучисе и гризе у зломъ и пакосномъ срцу своме, а не може нити сме слабіега обидити. Ко годъ ніе ходіо по варварскимъ и злоуправляємимъ земляма, и ніе видіо люта страданія, коя родъ человеческій за скудость добра поредка и добры закона подноси и трпи, никада не може себи вообразити, каково є благополучіе на земльи, да човекъ може себи рећи: поштенъ самъ и праведанъ, не боимсе никога. Безбѣдство и миръ начална су и найвећа у обществу добра, а въ прочемъ како себи ко простре, онако ће и лежати; како сеє, тако ће и жети. Али ено неволѣ! Гди човекъ добро посеє, и Богъ да те лепо роди; а кадъ пожнѣ и ovрши, пре него саспе у житницу, дође другій и однесе; а онъ остане съ женомъ и децомъ те гладує. Ко не жели да се мучителство, неправда и свако зло истреби измећу людій, онъ нити зна за Бога нити кадъ о нѣму мысли; и ако га речма споминѣ, чини као папагалъ. Човекъ є на земльи за благополучіе своє, онде гди є свакому дужность нѣгова опредељна и позната, и гди є свакъ вѣрно и радо исполнява; а гди тога нейма, ту є несрећніи него звериня, коя у горама живи. Природно свакъ жели и иште своє благополучіе, къ коєму се овымъ путемъ долази: гди се зли подъ страшномъ уздомъ и лютимъ бичемъ, а добри съ мудрымъ совѣтомъ и съ чистомъ наукомъ воде, наставляю и управляю.

149.

КОЗЕ И ЮПИТЕРЪ.

Козе се согласе, дођу све скупа, и учине молбу Юпитеру, да имъ даде рогове. Совѣтуе ии Юпитеръ, да се проћу тога зактеваня, казуюћи имъ, да се съ роговы іоштъ нешто мора дати, што ньима неће быти по вольи. Ништа то не служи, козе оће рогове, съ чимъ были да были. Айде, изрекне Юпитеръ, некъ нарасту рози. Но ужасъ нападне на козе, кадъ виде на себи съ роговы заедно и браде; стане ии дрека, тресу главомъ, скачу, яо и помагай, што ће нама браде! вичу; но све залуду, мораю и до данашньій данъ браде носити, илъ имъ се оће илъ неће.

Наравоученіе.

Ала мой човече, вели гдикоя жена мужу своме, да су ми онаке альине, ништа небы желила! Но у тому се люто вара. Желя излишнѣга подобна є отрову зміе зовоме жеднице, коя, кадъ уеде човека или животно, такова люта и неугасима жећь нападне на ньи, да пукну піоћи, нити жећи угасити могу. Алфонсъ, мудрый Арагонскій Краль, не могући ни на кои начинъ возбранити женама свога времена, да не носе на альинама злато; учини таковъ законъ, да се то дозволява само онимъ женама носити, коє су познате за непоштене; и тако ти се тай обычай нама пресече. Колико умножава ко, излишнѣ желѣ и потребе своє, толико већма усторичава зло на главу свою. Колико бы велможа, блаже-

номъ божеству за доброту свою уподобитисе ласно могли, да оћею само да умѣре раскошне и непотребне трошкове. Они бы тисящекратно срећніи были, име бы имъ се благословляло на земльи, и пошли бы съ радостномъ и чистомъ совѣстію съ овога света. Єли право, да се иляду незлобивы фамилія удручаваю, само за моћи болѣ трпати у сто безпослены и неблагодарны трбуа? Но тако оће обычай и мода! Велика господа мораю великолѣпно живити? А ово се не може безъ просипаня, а одъ кудъ бы се просипало, кадъ се небы подданимъ цѣдіо и измождавао мозакъ изъ костію? Вишньій Боже! Кадъ ће те єданпутъ и велика господа познати? Правдо! человѣчество! добродѣтельи! кадъ ће васъ већь єдномъ и велможе чувствовати? Кадъ ће сматрати на нагу и гладну дечицу трудолюбивога и неуморенога землѣдѣлца съ овымъ благороднымъ чувствованіємъ: овихъ є тѣло као и моє! у ньима крвь тече како и у мени! Има душу словесну, подобну моєй, и чувствую, чувствую и зло и добро, коє имъ се чини! Благородни! Може ли ико благороданъ быти, безъ благородны и человѣчеству достойны чувствованія? Воспитаніє дакле благороднимъ! Но воспитаніє начално и нужнѣйше у человѣколюбію, милосердію и правди, ако желе да су предъ здравымъ разумомъ и предъ Богомъ то што се наричу, да буду цвѣтъ и украшеніє рода свога, и да служе за примѣръ честности и добродѣтельи свему обществу.

150.

ДИВЯ ЯБУКА И РУЖИЦА.

У шупльину дивіе ябуке улѣзе рой пчела, и напуни ю меда. Онда се она почне поносити и фалити съ медомъ у себи. Неразумна и луда гордости! рече іой ружа, што се съ туђомъ сладостію поносишъ? Учини ты, ако си кадра, да сладость меда уђе у плодъ твой, ако желишъ удостоитисе, да те люди фале и благосиляю.

Наравоученіе.

Агесилау, Лакедемонскому воєводи, почну неки, кои су у Персіи были, разказивати и фалити одѣяніе, богатство и величество цара Персійскога. Што вы ту у вѣтаръ беседите, рече имъ онай. Кажите вы мени, єлъ онъ мудріи, искусніи и добродѣтелніи одъ мене? И ако то ніе, онъ є ништо спрама мени. Онай што пролази онуда, єли то Архімандритъ манастира Н? Заръ не знашъ? Онъ є садъ Епіскопъ Н. СКІЙ. Пакъ заръ зато онъ онако главу диже, и окреће као Креуза на театру. О гордости! Достоинство епіскопства нѣму ніе кадро дати ни зрна науке, памети ни добродѣтельи выше него има. Али има на годину толико иляда карагроша! Горе іошть за нѣга; по томе може много горый быти, а паметніи не, ако ніе до садъ быо. Може ли то быти? и како? Може врло ласно; овако: пре тога ако є и имао коіу слабость, за получити то достоинство, коє валя да се дає честнѣйшимъ и найбольимъ у народу; ніе іой се са

свимъ пуштао; а садъ имаюћи у шака то што є желіо, и уздаюћисе у толике иляде карагроша, показаћесе савъ какавъ єсть у натури. Овый кратћій разговоръ може съ временомъ быти полезанъ за оне, кои се спремаю на такова достоинства: да се не уздаю, да ћею одъ нихъ получити оне вредности коє неимаю; него паче да се весма стараю съ своєличномъ достойностію узаймљено достоинство да опоштене и украсе. Ово се зове сласть меда у свойственый плодъ пренети. Имамъ у комшилуку єдну познаницу, коіой є име Діакрисисъ; ова, како што напишемъ, оће да іой прочитамъ; и често ми чини сверхъ свачега, различна примћчанія. Кадъ самъ іой ово прочитао, рекла ми є: Не мыслишъ ли ты, да ће се за ово ко на те срдити? Ко є добаръ и паметанъ, неће; одговоріо самъ; а ко ніе таковъ, за нћга, фала богу! данасъ нико не мари: притомъ, и ко бы быо такій простакъ, да се на ово срди? чрезъ то бы онъ самъ показао, да му є пчела на клобуку, ако само прво правило политике зна, тога ће се здраво чувати. Мы сви, кои смо садъ на земльи, колико ћемо іоштъ овде стаяти? А ово што се издає на штампу, пребывати ће, и кадъ наши костію нестане. Цари исти, просвештени и добри, радо читаю погрешке своихъ предковъ, и чуваю іи се; и радо примаю наставлћнія, коя имъ се даю. Свакъ паметанъ чувствуюћи у себи какову немощь, тай часъ тражи средство да се излечи, и одъ сваке слабости ради да се отресе. Єданъ чадолюбивъ отацъ, ако и има кои недостатакъ у себи, онъ не жели да га и синовомъ своимъ припода, но усердствує на свакій начинъ, и Бога моли, да чада нћгова буду много боля и срећнія одъ нћга. Подобнымъ образомъ дужни смо и

мы желити, да наши дражайши потомцы буду и паметніи и больи и срећніи одъ насъ. Положимо и ово, ако башъ по несчастію мы сами себе одъ неки слабостій не можемо освободити; што намъ смета да любимимъ нашимъ добаръ совѣтъ дамо, да се они тога чуваю? Не мы, него (што но веляше мой комшія попъ Маукъ) други и други су ту были, пакъ су люто поклизавали и на носъ падали. Нека чита, ко оће, црковну Исторію, пакъ ће се чудити и ужасавати премногимъ детиньскимъ и са свимъ лудимъ посломъ, те лише оны нюдій, коє за свеце држимо. Само єдно ћу казати изъ церковне Исторіе за примѣръ. Епифаніє, Ципарскій Епіскопъ, іоште за живота почитованъ є быо за свеца и чудотворца, (знаймо да у оно време, како и садъ гди є простота, ласно є было быти чудотворцу, зашто ко бы се годъ разболіо, а небы умрео, то бы нама приписивао комъ чудотворцу), но быо є пукій простакъ и слабо ученъ; овый ніє могао нипошто Орігена трпити. Ѳеофилъ Александрійскій, за привући га на свою страну: како ће съ ньимъ лакше Златоустога съ престола стерати; нѣму за атаръ прокуне Оригена, коєга є дотле браніо. Епіфанію є то доста было, и обещасе учинити све што Ѳеофилъ оће. Подигнесе и доће у Цариградъ, и ту различне будалаштине и противъ Іоана Зл. учини, натериваюћи га да прокуне Оригена, и кньиге нѣгове съ ньимъ заєдно, ако оће да є читавъ. Златоустый као човекъ ученъ, и кои болѣ познає, ко є и какавъ є Оригенъ, неће зато да зна: изъ тога кавге и анатема колико оћешъ. Ово нека нико не тражи у житіяма овы светаца, зашто су житія после скрплѣна, како су хотели они коима є торнао конатъ; а у Исторіи церковной стои башъ како є было. Оваковы посала

наћи ћешь онде силу божію: зато дакле не плашимосе ни мало, чујући неке да вичу: Свети Оцы! Свети Оцы! Ако су такови, то имъ нико неће отети, али я мыслимъ да є и нами слободно знати, писати, и казивати што су чинили; а Богъ и люди свакогъ по дѣлу суде; овай судъ не вара. На што ово? помыслиће ко; на велику ползу, ако будемо само хотели на добро употребити; то єсть да се любовь къ истини божіой почне свему предпочитавати, ако оћемо, да довека не остаємо у превари, суєвѣрію и варварству; да се истреблява измећу людій мрзость и вражда: да се мысли и суди о свачему праведно, разумно и слободно; да се свака злоба изгони, да іой ни трага међу нами не остане, и да се чиста евангелска добродѣтель, миръ и любовь уводи и утверждава; и на конацъ да се свако древо по плоду своєму познае и фали.

151.

ЛАВЪ И МАГАРАЦЪ.

Лавъ полазећи у ловъ, поведе са собомъ єдно магаре: нашто му? то свакъ зна. Друго магаре, комшія, и пре тога добаръ пріятель магарета о комъ є речь, види га съ лавомъ, поздрави га по обычаю, и нешто га запыта. Съ кимъ ты мыслишъ да говоришъ? Магаре надъ сви магарцы! викне лавовъ магарацъ, бечећи на онога очи, и дижући главу и уши. Садъ ћу те! — — те ћешъ ты познати, ко самь я садъ! Та ниси слепъ, ты видишъ съ кимъ я садъ шпацирамъ! Сирото магаре ужасне-

се, пакъ бѣжъ у село, мыслећи у себи: међеръ є мой комшія изгубіо и оно мало магареће памети, што є пре имао.

Наравоученіє.

По свой прилицы ова Лессингова басна дала є єдномъ ученомъ Инглезу поводъ, да напише два сочинѣнія, одъ кои єдно се зове магарацъ філософъ, а друго магарацъ погоспођенъ. Познато є да Инглези одъ свію народа європейски, найслободніє мысле, но на велику славу и дику и благополучіє человѣческаго рода, и найразумніє. Реченый дакле Инглезъ овако починѣ предисловіє своєга сочинѣнія: Честь и высокопочитаніє свакому разумному и правому філософу и достойному госнодину. Цѣлой є Европи извѣстно, да учени люди нигде нису ни у већемъ почитанію нити у болѣмъ благосостоянію него у насъ: Lord, (то єсть Господинъ) толико кодъ насъ значи, колико кодъ други нація Прінцъ. У овомъ дакле сочинѣнію опорочаваћесе они зовоми філософи и господа, кои, чрезъ своє злонаравіє, непотребна, худа и непристойна дѣла, самопроизволно своє званіє безчесте и прошитуираю. Пакъ по томъ онъ пространно и подробно описує како то быва. Но у мало речій, и ласно свакъ себи може цѣлу сумму дѣла вообразити, представивши себи да развращенъ поступакъ, противъ благопристойности, честности, правди и разуму, чини и показує човека таковымъ, быо ко му драго. А разумно, поштено, праведно и добродѣтелно владанѣ єднога селянина, достойно є почитанія и имена філософскога и благороднога. Ко є управъ ученъ и філософъ, што значи: любитель мудрости, онъ є дужанъ дѣлы своима засведочи-

ти и показати, люби ли онъ праву мудрость; ако ли онъ по несрећи люби лагати, лукавствовати и симъ подобная; то онъ показує да є любитель безумія а не мудрости. Сви народи на свету, кадъ виде кога да нечисто живи, наричу га свињомъ; ако ли лукавнує, лисицомъ, и прочая; у томе су сви природно согласни. Многе видимо да изъ нискога состоянія доћу на велика достоинства и господства: кои су одъ ньій благоразумни и добри, онда несравнено іошть больи постану; имаюћи выше средства за показати доброту свою; за такове обычава се рећи, да су се благородни и за господство родили: кои се пакъ почну бацакати, све око себе презирати и за ништа држати; што се о оваковимъ може рећи, то смо чули у басни. Богати и велможе у обществу имаю много средства, за моћи показати доброту свою, и чрезъ то любовь общу и лепо име заслужити; ово є само и єдно у ньима, што разуманъ човекъ може себи желити: а въ прочемъ, по вышой части, много выше немира и безпокойства имаю него нискога состоянія люди. Ко има человћеский разумъ, нека добро разсуди ово што слћдує, безъ найманћ итошти и съ вниманіемъ читаюћи. Ко годъ види, какво мудро майсторско сочинћніе одъ какве му драго матеріе, тай часъ природный разумъ совершено увћрава га, да мора быти негде мударъ майсторъ, кои є то начиніо, єръ се само собомъ ніе могло начинити. Ако се дакле наће кои зовомый філософъ или читатель кньига, кои види безчислена премудра сочинћнія, и признає іи за такова, ништа манћ премудрога майстора то єсть Бога неће да призна, него вели, то є натура тако начинила; а ово толико значи, то се є само одъ себе тако начинило, по случаю: Кои, съ особитымъ краснорећі-

ємъ или болѣ да речемъ блядословіемъ каже намъ, да патки нису зато дате таке ноге, да може съ њима пливати, него само по случаю; будући да има таке ноге, плива, а да што ће:, Кои вели, да зуби нису начињни да гризу, него кадъ су зуби, а они нека гризу, болѣ него да за луду стоє: Кои утверждава, да сунце ніє сотворено съ намѣреніемъ и на тай конацъ, да светъ гріе и просвештава, него кадъ є већъ по случаю таково, мора сяти и грејти, илъ му се оће илъ неће. Ако се нађе, велимъ ко, да овакове и овима подобне будалаштине противъ сваке искре разума, доће увѣравати; нека свакъ по совести каже, оће ли се ко моћи уздржати, да му не рече, да є луђій него магаре? Што є годъ неразумно, неправедно и неваляло, было у Філософу или у простаку, у грешнику или у свецу, у богату илъ у сиромау, то нигде свою натуру не изменява; него свуда и за свагда неваля. Ево нешто изъ црковне Історіе, што се случило у време цара Аркадіа у Александріи. Ту се тада наоћаше Епархъ, то єсть царскій Намѣстникъ надъ свимъ Египтомъ, именемъ Орестъ: Овый живяше у великой мрзости са светимъ Ћириломъ, Патріархомъ Александрійскимъ. Чую то Нитрійски пустиницы, кои Ћирила за свеца држаху, сакупи ии се петъ стотина, и дођу да убію Епарха. Овый незнаюћи о томъ, изиће изъ града на колы проодатисе, дочекаю ти намъ га петъ стотина светы отаца, пакъ удри каменѣмъ конѣ, кола, слуге, ништа се ту ніє разбирало; одъ толике силе каменя, коє изпребія Епарха, погоди га єданъ и у главу; падне савъ у крви; међутимъ и народъ доспе; удари на свете оце, кои се уплаше кадъ виде съ оне стране веће число; покажу леђа, и разбегнусе кудъ кои може; уфаге некога Аммонія, и по

несрећи башъ онога, кои є Епарха у главу згодіо. Да є овый по томъ смртію наказанъ быо, то се разуме: Но ово є за чудо, што светый Ћирилъ узме тѣло нѣгово, погребе га съ великомъ славомъ у цркви, и почне увѣщавати народъ да га признаду за свеца и мученика; но у томъ га срећомъ нико не послуша, а онъ кадъ види, да ништа не може исправити, него да се срамоти, онда ућути, као да ніє ништа ни было. У то исто време наоћашесе у Египту у граду Кирини, єданъ весма ученъ и добродѣтелнога житія човекъ, зовомый Синесій, коєга сви црковни наши учительи наричу, Σοφώτατος συνέσιος то єстъ премудрый Синесій; Овога за дуго моле и принуждаваю, да прими Епіскопство града Кирине: но онъ женѣнъ будући, (а тада се већь быо увео обычай, да су Епіскопи неженѣни), каже свима чисто, да онъ неће нипошто примити Епіскопства за два узрока: прво што жену свою небы оставіо за све Епархіє и за сва Епіскопства и Патріаршества на свету: а друго што онъ, како ученъ човекъ, не може вѣровати све што прости вѣрую; нити ће пакъ лагати, да каже да вѣрує то што за истинито не признає. Све ти то овомъ човеку ни длаке не помогне: нѣму се дозволи да онъ вѣрує, како зна да є болѣ, и жену свою да држи, и дечицу ако му Богъ да, съ ньомъ да раћа, само нека буде Епіскопъ; и на овый начинъ прими ову службу. Нѣга спомінѣмъ овде, само за показати какве є ученике имала премудра Ипатіа, Філософіє Учителница у Александріи. Ништа се красніє ни слаће не може читати одъ писама Синесія къ Ипатіи, у коима є нариче благодѣтелницомъ, учителницомъ, сестромъ и майкомъ своіомъ. У то време, (како иста церковна Історія сведочи) найвећи мудра-

цы царства греческога долазили бы ове жене науку слушати; коя, іоште є славнія была за своє цѣломудріє и непорочность житія, (тѣломъ прекрасна будући) неже ли и за науку. На ову исту жену светый Ћирилъ весма мржаше; прво зато, што она ніє была Хрістянка него Еллинка, како іой є и отацъ и савъ родъ быо; а второ, што у толикой чести и слави, као некакова богиня, бияше. Петаръ Анагностъ, светога Ћирила, ревнивъ и ужеженъ у вѣри къ Богу и къ светомъ Ћирилу, саберe многе себи подобне православне: оду у єдну ноћь, пакъ счепаю Ипатію, довуку є къ цркви, свуку є голу нагу, пакъ є почну са школькама парати, и съ нѣ живе месо на парчета кидати, докъ є тако уморе, пакъ онда съ ньомъ на ватру. Ко не признає овака дѣла за безбожна, погана и проклета? Ово, браћо моя! у црковной Історіи овако одъ слова до слова стои. Сада сравнимо оваки светаца дѣла са пресветомъ Евангелскомъ наукомъ, пакъ ћемо ласно видити како стоє; и може ли, ко Бога зна и почитує, ово знати а другима не казивати? Ко не жели оне бѣдне заслепљне варваре, каковы іоштъ и данасъ има на свету! кои су у такове богове вѣровали и ньима служили, коима су сынове и кћери своє на жертву приносили, клали и на ватри пекли! О чемъ и Псалмопѣвацъ напоминѣ говорећи: и пожроша сыни своя и дщери своя бѣсомъ! Такови богови, кои истреблѣніє и умалѣніє рода человѣческога изискую, и кои се у безчеловѣчномъ неповинне деце кровопролитію услаждаваю, шта су друго разве бесни волцы, и люти и немилостиви демони? Они! кои царскога наместника каменѣмъ у главу удараю. Они! кои цѣломдренно и живо Ипатіино тѣло на парчета кидаю, шта су друго,

него подъ лажнымъ именемъ Христяна, пустиника и светаца бесни пси, люти убіице и демони? А да како се ньіова тѣлеса посветише и миришу? ласно ће ко помыслити. Ево овако! Имѣяй ушу слишати да слишитъ! И данашньій данъ у Египетскимъ гробницама наодесе балсамирата нерастлѣна тѣлеса одъ три хиляде година; сва миришу, и изъ неки матерія масна тече, зейтину подобна и прекрасно мирише. Сада Инглези такове муміє съ илядама дуката купую; а у оно бѣдно време кадъ су хрістяни почели мощи за свете и чудотворне почитовати, савъ є Египетъ быо подъ властію царей греческихъ, све су муміє ньіове быле, нити имъ є была потреба куповати. Многа су тѣлеса и хрістяни балсамирали: али она матерія и майсторія, съ коіомъ су древнѣйши Египтяни то чинили, последньимъ ніє позната была. А паметномъ хрістянину ово є доста: кадъ су се она иста тѣлеса, коя су за Апостолска држана была, растлѣла; што иштешъ, што ли пыташъ далѣ? Разумна и поштена браћо! Разумейте ме: Праведна и добра човека я за Еретика не држимъ, ако ће се онъ, за незнанѣ своє и костима кланяти; али само почнимо слободно и разумно мыслити, судити и говорити; пакъ онда што се годъ за добро позна, некъ іоштъ болѣ утверждава, а све што не валя, само ће одъ себе пропасти. И нека намъ є ова вѣчна божія истина свагда и у свачемъ у памети и у чувствителномъ срцу, да човекъ безъ здравога разума, и безъ любови къ человѣчеству, къ правди, къ честности, и къ божественной добродѣтельи, онъ є нечовекъ и зверь, быо філософъ, быо господинъ, быо хрістянинъ и зовомый светацъ, быо найпосле што му драго. За децу, рећи ће ми ко, таке ствари пишешъ? Башъ, и навластито за де-

цу нашу предрагу! Зашто, сва садашня деца бы-ће скоро люди; а ако не почну изъ детиньства разумно мыслити, после неће моћи. Зашто сирома расколникъ, остає докъ є годъ живъ, расколникъ? И зашто све мысли, да несозданый и непостижимый Богъ носи браду и мустаће, башъ као и онъ? Ни зашто друго, него што є изъ дѣтинства расколникъ, и онда му є тако показано. А не каже ли му Спаситель и не чита ли онъ у Евангелію: Богъ духъ єсть? Каже и онъ то чита, али му то ништа не помаже, єръ є онъ онако у детиньству мысліо; а одъ тога све завыси, како ко мысли у своємъ детиньству.

152.

ТРИ АДСКЕ ФУРІЄ.

Царица Юнона пошалѣ Дугу, слушкиню свою, да іой нађе на земльи три здраве велике и лепе девойке, коє су безъ никакова чувствованія любови и милошће у срцу, и да іой іи доведе на Олимпъ, да іой буду камерюнгфре. Отиде дуга, обиће сву землю, па кадъ ето є сама дође. Камо? гди су? пыта Юно. Нема таке, какве ты оћешъ ниєдне, каже дуга. Быле су само три, алъ є Меркурієпре мене дошао, и одвео іи у адъ. Когъ ће яда тамо? запыта она; да буду паклене Фурієи да муче онде зле и осуђене душе, отвѣща дуга. Насмеєсе Юнона, и рече: Гледай ты хитрога Меркурія! како є онъ то лепо умео изабрати!

Наравоученіе.

Тврдо и немилостиво срце ни у мужескому полу не валя ништа, али у женскому ту є са свимъ противъ натуре. Любкость, милошћа и доброта женскога срца и душе, тако су премудрымъ Творцемъ устроєне, да ако бы што и было у мужескомъ полу твердости и немилосерђа, да се чрезъ ньихъ умекчава, ублажава, и къ милостивомъ природе чувствителству привлачи. Смотримо човека изъ первогъ младенчества; пре него разумомъ позна чувствованія благодарности къ родителницы своєй, наодећи рану и животъ свой у персима нѣйзинима, као да већь савршено зна, да се безъ нѣ нити живити може, безъ нѣ плаче, ню жели, на ню се найпре починѣ осміявати, и ню као своє прво блаженство милує и люби. Ово є изворъ и начало свію слѣдующи, найслађи и найсветіи чувствованія и дужностій человѣчества, благодарности, вѣрности, любови и благотворенія. Прву милость Богъ къ човеку, по створеню показа, кадъ му дарова жену, и првый благословъ, што му изрече, ово є: раститесе и плодитесе. Кадъ бы дакле (сачувай Боже) хотео Богъ найвећу немилость показати човеку, што бы му учиніо? Узео бы му натрагъ жену, пакъ етоти га. А кадъ бы хотео и да га прокуне, шта бы му рекао? не растіосе ни плодіо, но некъ ти пропадне родъ и колено, и некъ те нестане на земльи. Ко има мозакъ и паметь, самъ себи изъ овога може прекрасне и преполезне науке давати; ко ли нейма, илъ неће да има, нѣму се све за луду беседи. Но о доброти и благости срца, буди мужескога или женскога, ово примѣчаніе господина Абта придодаћу: Menschen! Wenn eure Seele schlecht ist

so prahlt nicht mit dem guten Herzen. Люди! ако є ваша душа неваляла; не фалитисе съ добрымъ срцемъ. Кадъ душа разумна, просвештена и правдолюбива управля и разполаже съ добротомъ срца, онда є ова доброта савршена; а иначе, сама доброта срца безъ разума може лясно човека у различне погрешке довести; и неправеднымъ, злымъ и несрећнымъ учинити га. Но (осимъ велики, и другима вредовиты зала) во обще, много се може човеку презрети, и простити, кадъ є управъ позната доброта срца нѣгова, и кадъ се може о нѣму рећи: ніє изъ зла срца и намѣренія то рекао или учиніо. Зато се самъ Богъ нариче праведный судія, зашто онъ самъ совршено познає свакога срце и утробу: и зато намъ премудрый Спаситель налаже говорећи: Не на лица зряще судъ судите! Ласно се є преварити, на лице глѣдаюћи; а шта є у срцу, ко ће намъ то казати? Многій се споля чини светацъ; а кадъ после, чудишсе шта у нѣму нађешъ. Кадъ се о човеку по дѣломъ нѣговимъ суди, ово иде своимъ путемъ, и ово є єдино найизвестніє и безгрешніє правило, по коєму можемо заключавати о живима како и о усопшима, о праведницы, како и о грешницы. Само се собомъ каже, да ко годъ знаюћи лаже, тай є са свимъ лажа; нити се гледа ни пыта, ко є? Ко му драго. Веле Таліанцы за свога именитога Папу Ксиста: Papa Sisto non perdona ne a Giesu Cristo. Ево што є овой речи поводъ дало. Єзуити у Риму начине у своимъ манастиру статуу Христову, у коє главу метну сунћеръ, пакъ кадъ бы годъ хотели да христова статуа учини чудо и да плаче; воде у сунћеръ, пакъ суза колико оћешъ. Дође тужба Папи, да савъ народъ одустає све цркве, и иде къ Єзу-

итомъ, гди Христосъ плаче. Оде и Папа, алъ понесе чекичъ у цепу: Како ти статуа почне плакати, а онъ чекичемъ у главу, пакъ имашъ шта наћи! Сунћеръ пунъ воде. У томе є Папа свето дѣло учиніо, зашто: Христосъ, вѣчна истина, неће ни пошто да се нѣму за атаръ лаже, и ко то чини, онъ Христа нити вѣрує нити познає. Соєдинимо дакле съ добротомъ срца и честность срца, и даймо овимъ нѣговимъ благороднимъ свойствама здравый и просвештеный разумъ за управителя и путеводителя; пакъ ћемо онда, за исто наћи у нѣму источникъ нашега єстественнога и наравнога благополучія.

153.

ВРБА И ТРНЪ.

Врба гледаюћи да трнъ свакога кои покрай нѣга проће, за альине заквача; упыта га, зашто онъ туће одѣяніе къ себи вуче, и наштo бы му башъ да и има то? не требую мени альине, одговори трнъ, нити іи я оћу, него само мило ми є дерати и парати. Ова басна изображава зло и пакосно срце, кое безъ сваке своє ползе, наоди некакво проклето задовольство у штети и озлобљенію другога.

154.

СТАРАЦЪ И СОЛОМОНОВЪ ДУХЪ.

Єданъ старацъ, добаръ и имућъ газда, по довольной летньой радньи седне у ладъ за одпочинути: кадъ етоти яви му се єдно сѣни подобно, но великолѣпно и царско видѣніє. Запыта старацъ, коє то? Оно му отвеща: я самь Соломоновъ духъ, и дошао самь те пытати, како живишъ? Ево, рече старый, како си ме ты научіо; совѣтуюћи ме да се одъ мрава научимъ трудолюбію, то самь одъ младости приміо; и томе, овако старъ како ме видишъ, слѣдуємъ, непрестанно трудећи се и радећи. Ее мой старче! Само си полакъ моега совѣта приміо, а ваљало бы да савъ примишъ. Мравъ се труди у лѣто, али у зиму почива, и трудъ свой ужива. Та и ты; трудіо си се и мучіо у лето снаге и крепости, зашто садъ дакле у зиму старости и слабости не почивашъ и не уживашъ? То изрекавши изчезне.

Наравоученіє.

Одвећь любостяжателнъ, лакомъ, или во обще ређи неразуманъ човекъ, онъ є дошао на овый светъ да се мучи. Докъ є іоштъ оскуданъ, и ради да стече; има право и разлогъ, али кадъ доће у изобиліє, да може ређи, имамъ довольно, не само да спокойно могу живити, него и лепо за собомъ име оставити; иакъ му є све мало те мало, и све се стара и гризе и у срцу мучи; оваковомъ ко ће помоћи? ко ће му паметь дати, кадъ є онъ неће? Онъ самъ оће и жели, да бу-

де светога свога сребролюбія многострадалный мученикъ. Найвећіи нѣгови непріятельи не могу му већега зла желити, него што онъ самъ себи причинява. Не валя му ништа говорити! Нека се пече, и молви! Некъ уздише и єчи! И колико годъ већма зна и може, пуштай нека себе обезпокоява! Ово є у єстеству вещи. Срце, къ благодѣтелному промыслу неблагодарно, то исто заслужує. Нека се добро чува, да са своимъ имѣніємъ никаква обществу добра не учини; зашто те чести онъ ніе достоянъ. А за найвыше нека се никада не усуди помыслити, да то имѣніе, што є онъ съ великимъ попеченіемъ и съ дуговременномъ штедньомъ сабрао, да му є то Богъ дао. Овога некъ се остерегава, како жива огня! Овый є начинъ мышлѣня за простаке, а не за нѣму подобне люде! Зашто, ако онъ по несрећи овако што помысли; природно доћи ће му за тимъ и ово на паметь, да оно што му є Богъ дао, онъ є дужанъ на добро употребити: пакъ ако то почне, тай часъ ће почети чувствовати задовольство и сладостъ великодушія и благотворенія; онда бы му се облегчало срце нѣгово, и душа бы му се зачела радовати и веселити; и тако вѣнацъ вышереченнога мученія са свимъ бы за нѣга пропао. Марко, Далматинскій слепацъ, често бы овако говоріо: Фала Богу, што у Далмаціи нейма никаква чудотворца; єръ бы ме учиніо силомъ да прогледамъ, пакъ бы онда морао радити да се ранимъ; а овако вилаєтъ ме рани, а я ништа него пѣвамъ. Ово што є онъ сирома шалећисе говоріо, у моралнима стварма са свимъ истинствує. Ко се годъ наоди у слепоти ума, или у блату невалялства, тай мрзи на свакога, кои му што говори о просвештенію разума, о чистоти и честности нарава.

Принцъ Фенелонъ, Камбрейскій Архіепіскопъ, у свои прекрасны разговоры, саставіо є єданъ међу Одисеомъ, Иѳакійскимъ царемъ, и Гриломъ, нѣговымъ офицыромъ. Цирце чародѣйца претвори яднога Грила у крмка. Одисей мудростію Минервиною вооруженъ, дође и онъ къ реченой чародѣйцы; ова покусисе да и нѣга преобрази у ярца, но не може: зашто гди є здравъ разумъ и права мудрость, оваковимъ преображеніяма ту ніє мѣста: истргне мачину и рече іой: Грила ми брже на среду, єръ ћу те сву на парчета! Каже му ова, шта є садъ Грилъ, моли га да утиши свою ярость, обештаваюћи му се, да ће довести Грила у прво состояніє, само ако онъ узоће, ибо безъ нѣгова соизволѣнія то се не може учинити. Како небы хотео одъ свинчета човекомъ быти? оду къ нѣму у свињцъ. Ужаснесе Одисей, видећи га у такомъ чину, и рече му: Гриле, яданъ Гриле! Какавъ си то? Г. Какавъ самъ да самъ, болѣ ми є него теби: О. Та не будали кукавче, я самъ дошао, да те возвратимъ у првый образъ, само рецы да оћешь, пакъ ћешъ на ма' быти човекомъ. Г. Иди ты своимъ путемъ: мени є много болѣ овако; да ты знашъ, како є мени садъ добро, и ты бы желіо быти као я. О. Каква ти є то паметь Гриле! Волишъ свинчетомъ быти, и у томъ смрадномъ и згадномъ блату се валяти, него словеснымъ човекомъ, и у своемъ отечеству съ людма, и у своіой фамиліи живити? Г. ћути ты! Моя є паметь садъ боля него твоя: єръ я волимъ онде живити, и онако, како є мени болѣ. Видишъ ли ты ово блато, што теби смрди, и на коє се ты гадишъ, ово мени мирише као миро и ружица, и што годъ изъ нѣта єдемъ, слаће ми є него найизбраніє ваше пите и уштипцы! Пакъ се я гоимъ,

и све то деблый бывамъ; нити самь толикимъ болестима подложанъ, као пре што самь быо; нити имамъ прѣжньи мыслій, попеченія и коєкаквы главоболя, што вы люди за велике и славне ствари почитуєте и држите. Вѣруй ты мени Одисею! Ако оћешъ да знашъ, шта є животъ и сласть овога света, буди свинче, као я што самь, пакъ ћешъ онда знати! Ограише Одисей съ овымъ, кои неће ни зашто друго да зна, него само за оно што чувства нѣгова осећаю. Најпосле употреби сву силу красноречія, и почне му изображавати преимущества человѣчества и разума; благородство словесности; сладость и красоту добродѣтельи; божественно сродство безсмертне душе; и познанство всевысочайши божіи свойства мудрости, благости и промысла. И съ овимъ у тако га умилѣніє доведе, да зажели и соизволи човекомъ постати. Ово є, како свакъ види, причта, но весма истинита у моралнимъ вещма. Коя годъ страсть са свимъ облада човекомъ, заслепи га и не да му прогледати; обаче сребролюбіє у овомъ є отлично и горе одъ прочи, што друге страсти имаю, по вышой части, свака своє време, подрже човека као нека врућичина, пакъ и пусте; имаю снагу свою и слабость, младость и старость; само сребролюбіє неће никта одъ тога да зна: кадъ заквачи кога у своє нокте, не пушта га ни при издисаню; и колико выше ко стари и изнемаже, толико се већма ова страсть у нѣму помлађує и распалює. Но доста већь о томе; докончаймо науку ове наше басне, коя намъ ово показує, да колико є похвално съ правдомъ и трудолюбіемъ стећи; несравнѣнно веће є чести и похвале дѣло, знати, разумно то уживати; и како способнѣйше къ общей ползи, слѣдователно къ своєй слави сред-

ство, употребити: а безъ овакова употреблѣнія, найвеће имѣніе своєму є истомъ стяжателю мученіє, често и безчестіє; и као у Турской прекій путъ къ конопцу.

155.

СЛАВУЙ И ОРАО.

Колико те я ублажавамъ высокопарный орлу! рече му єдномъ славуй, достоянъ си да те царемъ свію птица наричу! Како се славно у небесне высине возвысуєшъ! Ты валя да много лепше красоту небесну видишъ, него све мы друге птице оздо. Ее мой славую! Башъ си сасвимъ простъ, и ништа не знашъ! Заръ ты мыслишъ, да се я небесной красоти за любовь тако высоко пенѣмъ? Я то чинимъ, како ћу лакше кога зеца, корнячу или єжа на земльи упазити. Умукне славуякъ и помысли у себи: некъ те одъ садъ фали ко оће, я башъ нећу; кадъ ты и на толикой высини ни о чемъ другомъ не мыслишъ, него о трбуу.

Наравоученіє.

Да бѣдный просякъ, и оскудный убогъ одъ ютра до мрака ни о чемъ не мысли, разве како ће гладь свою утолити, и празну утробу задовольити; нико се томе неће чудити: али господинъ, човекъ у достоинству и изобилію, о томъ истомъ да мысли, и у томе своє упражнѣніє, за-

баву и блаженство да наоди; каково пузеће сръце! Какова низка и худа душа! Овый слѣдующій блатогмижућій разговоръ, често одъ многи случавао ми се слушати: Нашто нами наука! на каква господства, славу и богатство, чрезъ ню уздамосе доћи? Каково сиромашко познанство и презрително мудрованѣ оны, кои тако говоре, о науцы имаю! То є опачніє, неразумніє и луће, него да болестанъ рече: нашто ми здравлѣ? Неразуманъ: нашто ми разумъ и паметъ? И слепъ: нашто ми очи? Ни у Англіи орачи и копачи, тежацы и пастири, касапи, чизмеціє и проч: нитъ су ритори ни філософи; али єсу сви Епіскопи и све свештенство, сви сенатори и судіє, сви магистри до найпоследнѣга и у найманѣмъ селу. Колико є оваковы людій у свакомъ многочисленомъ народу одъ потребе? А овакови люди ако су невѣже и неучени, шта су? По души, чести и совѣсти, ништа! И много выше, опачніє и горе него ништа! Човекъ, кои нити зна лекарства, нити оће да є лекаръ, неће ме излечити, алъ ме неће ни утући; а онай, кои оће да ми є лекаръ, а тога заната не зна, утуче на место, и самъ незна, како ни зашто? Учитель, безъ науке, како ће ме научити, кадъ онъ и самъ сирома не зна? Онъ изъ цепа, ни изъ трбуа науку не извади. Али ће те учити како зна! О велика ти фала на такой речи! Гди си ту мудрость почерпао! Изъ такове се науке раћа права морална смертъ, и то є изворъ и начало свакогъ суєвѣрія, слепоте, и што є горе, вражде и мрзости међу людма. Морао бы ко быти или са свимъ злобанъ, или всеконечно несмысленъ, кои бы само помыслио, да се ово пише съ намѣреніємъ, за опорочити наше настояще свештенство; коє или є са свимъ безъ науке, или безъ довольне за

своя званя. Свима намъ є добро познато, шта се є до ономадне изискивало одъ наши кандидата. Уме ли коєкако читати? Има ли новаца, да купи парохію? Єли одъ добре куће, да може давати онде гди надлежи? и кадъ му се напрти каква кривица, да се може одкупити? Ево ти му класси и школе, коє є морао абсолвирати. Шта слѣдує изъ овога? разве какве классе, така и наука. Такове сохрани Боже опорочавати или осуждавати! Соболѣзновати, то є све. Ово се дакле говори за одъ садъ; а ово одъ садъ не валя одлагати. Свако средство, коє се къ овомъ дѣлу може употребити, тай часъ предузети; све што годъ цркве и манастири имаю недвижимо и движимо, за ово не штедити. Ученъ и благонараванъ свештеникъ болѣ ће просветити црковъ свою, него миліони свећа да у ньой гору. Торонь, звона, полиелеи, кандила сребрна и чирацы; све є то мірска помпа и украшеніє, а не Христа Спасителя уневѣщене цркве, за коју є онъ свою пресвету проліо крвь. Душе народа просвештене и добродѣтелне; нарави непорочне и чисте, ово є братіо моя! правый небесный Сіонъ, и христова невѣста по свидѣтелству Апостолову: Вы єсте церковь Бога жива! кою, ко краси, украсиће нѣга Богъ; а не зидови, звона, златоткане одежде (женска украшенія) и сребрно посуће. Зато, све те вещи (коє ни на какову дѣйствителну ползу никомъ нису, развѣ на детиньску и суєвѣрну очію забаву, и на неразсудну света гордость), нека се уложе у єданъ капиталъ; а при томе, наћи ће се многи, кои ће радо и добровольно и одъ себе што дати, да се могу, ако не выше, баремъ две стотине младића за будуще свештенство и за учительску службу воспитавати и учити. Ово ће быти православіє и бла-

гочестіє, дѣйствително хрістіянство, и церковна слава и украшеніє; а не празна и велеречива имена безъ никаква плода и разума. У време простоте и варварства како ко може и оће, онако и живи; докъ умре, пакъ се степе и нестане га; а садъ є већъ време дошло, да се имена и паметъ оныхъ, кои што значе у обществу, или вѣчной чести и слави, ако су добри; или вѣчному безчестію и поруганію, ако су зли и неваљали, предаю. Свакъ, кои себи за честь почитує словеснымъ човекомъ нарицатисе, и кои вѣрує, да разумну и безсмертну душу има, онъ мора овако мыслити: волимъ быти у Семартону или у Войтегу сирома Свештеникъ, съ просвештенымъ умомъ и съ чистомъ совѣстію: него ли у Београду Митрополитъ, съ мрачнымъ невѣжества умомъ, и съ немирномъ совѣстію. Они, кои ишту науку, само да чрезъ ню на некакова зовома господства дођу; а не, да разумніи, просвештеніи, болыи и совершеніи буду, пакъ ако ће и у селу децу учити: такови, криво, мрачно и худо мнѣніє, како о науки тако и о своіой души имаю; и подобни су басне орлу, кои се высоко пенѣ, само да гди зечића или корнячу угледа.

156.

ПРЕПЕЛИЦА И ПРЕПЕЛИЧИЋИ.

Препелица излеже у житу своє препеличиће: пакъ кадъ ови поодрасту, и жито почне сазирати, пре него бы кудъ препелица одлетила, свагда бы налагала пилићемъ своимъ, да

мотре што се око њиве твори, и да слушаю, шта се туда говори. Єдном, кадъ долети мати, нађе своє птичиће у великомъ страху и трепету; пыта, што имѣє, шта ім є тако уплашило? Кажу ови, да су слуге господара њиве ту были, и видећи да є жито сазрело, отишли су по српове и доћи ће жети; зато да се бѣжи, кудъ се пре може. Не бойтесе, рече имъ мати: догодъ не видите домаћина да доће, и не чуєте да онъ то рекне, не плашитесе. Свакій посао, гди правый домаћинъ не присутствує, слабо напредує, често пропада; ПУСТО МЛЕКО ПСИ ЛОЧУ.

157.

ХЕРКУЛЪ И ЛОПТА.

Херкулъ поштапаюћисе съ своимъ страовитымъ айдамакомъ, съ коимъ на лавове и медведе удараше, упази некакву лопту: удари є, но она одъ ударца нарасте већа. Чекай дакле! помысли у себи; замане са свомъ снагомъ и удари; она ништа, него іоштъ већа постане. Дивећи се онъ необычной вещи, покаже му се Минерва, и рече му: Не дирай у ту лопту, видишъ да є то инатъ! Колико є више ты будешъ ударао, толико ће она растити; а како престанешъ ню дирати, она ће се помалити, и быти како пре.

Наравоученіє.

Преизрядно изображеніє распре и ината! Нейма ти горе муке инатціи, него да се нейма

съ кимъ инатити и терати процесъ. Млогоме се тамо негде кућа продаѥ; а онъ у Бечу иште коѥ одъ кога узаямъ, да тера процесъ. А коя му одъ тога полза? велика! Да може казивати, докъ ѥ живъ, како ѥ съ Президентомъ Н. и съ Конзиліары Н. Н Н. говоріо. Знашъ ли како самъ имъ кресао? Бре нису знали шта ће ми одговорити! Него само, шонъ гуутъ, шонъ гуутъ! — И кадъ ово казуѥ, варнице му изъ очіо лете; єръ за нѣга нейма блаженства надъ овымъ. Нека се само гди появи какавъ процесъ, чіи му драго; не старајсе ты, онъ ће наћи начинъ, како ће се у нѣга помешати, и тераће га о своме роћеномъ трошку, у томъ послу онъ незна петъ ни деветъ, то ѥ нѣговъ елементъ, безъ коѥга онъ дисати не може. Давнашньи Еллински стихотворцы представляю намъ страданія и мученіе оваковогъ бѣднога у изображенію Іксіона, кои ѥ осуђенъ быо, да валя узъ єдну превысоку гору воденичный каменъ; а како бы га съ великомъ мукомъ доваляо башъ на врхъ, неимаюћи ту места, да се устави, съ великимъ устремлѣніемъ бы се сваляо тай часъ у долину: а сирома Іксіонъ опетъ съ ньимъ узъ гору као и пре, и тако до века. Зашто дакле међу словеснимъ и разумнимъ створенѣмъ вѣчна, луда и срамотна кавга, кавга, коя имъ огорчава дне живота? Ніе ли намъ милостивый Творацъ даровао ово неколико дана живлѣня, на славу свою? на сладость и радость нашу? Инатъ за тврдоглавство и упорство! Инатъ за привременный интересъ, и често безъ свакога узрока, само изъ зла сбычая и за несмыслену ината любовь! Но што ѥ найгоре, и Хрістяномъ найсрамотніе и недостойніе, инатъ, кавга, мрзость и гонѣніе за вѣру и законъ мирнога, кроткога и преблагословеннога

ИСУСА! Пытасе дакле, зашто ово быва? Ево причина. Люди се уче говорити, пре него науче добро мыслити и судити. Оћемо свакъ, и сви што насъ є годь на земльи, да имамо право; а не долази намъ на паметь, да найпре испытамо и совершено познамо, имамо ли право или не? Свакъ утверждава своє право на томъ, што є одъ други чуо. Ово є изворъ и почетакъ свега несогласія и сваће. А да они други, заръ се нису могли преварити? Те здраво! Време є већь да сви чистосердечно признамо, да смо зло и неправедно творили, инатећисе и мрзећи, у самы светы нѣдры и наруча Евангелскога закона, кои є изворъ любови, мира и доброте. Садъ дакле кадъ благодареніе Богу, нити се пиште, нити се мысли, да се церковь греческа латинской подвргне: но желисе и настои, да свакъ при своєй церкви, и сви заєдно, будемо истинити Христови ученицы; а то значи, праведни и поштени, умомъ просвештени, а срцемъ и дѣлы добродѣтельни; садъ послушаймо свете Апостолске речи: Распре међу вами да не бываю! Но миръ божіи да водворяется въ сердцахъ вашихъ! Блажени миротворцы, яко тіи сынове божіи нарекутся. Знамо чіе су ове речи; чувствуймо сву сладость ньову! ако желимо сынови Оца небеснога быти. Ово што ћу рећи, управъ изъ овы Спасителѣвы речій слѣдує; то єсть; Окаяни немиротворцы, яко тіи сынове діаволи нарекутся. Ако прве речи за истините вѣруємо, како и єсу, мораю всячески и ове друге неложне быти. Церковь гонима и удручаєма, была греческа или латинска, може быти христова церковь. А она коя гони и удручава, ни пошто не може быти. Зашто є Христосъ, Богъ мира и любови, а не вражде ни гоњнія.

Дѣла поштена, она су нелестный знакъ истинитога хрістянства; а ко годъ вели, да право вѣрує, а неправедно и зло живи, онъ є савъ лажа одъ главе до ногу, нити онъ има вѣре ни закона.

158.

ВРАНЪ И СЛАВУЙ.

Вранъ упыта славуя, колико година славуи живе на земльи? Седамъ година, одговори малый пѣвчићъ: кадъ манѣ, кадъ выше; мы се не старамо, колико ћемо живити, него само да лепо и мирно поживимо. Мећеръ се люди ни мало у пояню не разумѣваю, рече вранъ, кои су толико у вашъ гласъ залюблѣни, и радо васъ слушаю. А ели икада могуће, да вы лепше поете одъ насъ, кои по сто година живимо? То рекне пакъ одлети на высоко древо, и почне изъ свега грла краакати.

Наравоученіе.

Сѣдина бо єсть мудрость человѣкомъ, и долгота живота не состоисе у числу година, премудро Соломонъ учи: Само добродѣтелному и честному човеку принадлеже ове, коє у истомъ мѣсту слѣдую речи: Скончався въ малѣ, исполни лѣта долга- придодає узрокъ зашто: Угодна бо бѣ, вели, господеви душа єго. Изъ овога видимо, да у самой добродѣтельи состоисе сва цѣна науке и мудрости; сва честность старинске сѣдине; и сва долгота жи-

вота, коя превозходи Меѳусалова лѣта; ибо чрезъ ню саму душа Богу угождава, и блажену вѣчность заслужує и добыва. Сви кои се наоде у добримъ обстоятелствама, и имаю довольна средства да могу тѣлу своме угодити, и сва чувства своя насладити; по вышой части, та иста средства, на зла и недозволѣна услажденія употребляваю; и то, ни зашто друго не чине, разве што себи дугачакъ животъ обѣщаваю. А овай долговременный животъ свой држе у педесетъ, или найдуже у сто година. Чини имъ се дакле, да тимъ годинама неће быти краја ни конца: и зато, као онай у Евангелію богатацъ, говоре души своєй: Єди и пій мила душице! Имашъ одъ кудъ за сто година дана! быће ти и претећиће ти! Да ови исти люди, по случаю сазнаду, да неће живити, него само іоште два или три дана: бы ли тако души своєй говорили? Мучно бы се и одъ стотине єданъ нашао, разве да є са свимъ, ништа друго него марвинче. А да што бы чиніо? Ако є неразуманъ, ништа него яо! леле! и помагай! Ако ли є разуманъ; а онъ бы употребіо та два или три дна, да найлепше, найблагороднієи найславніє своє вещи разположи и остави. Сада дакле свакъ паметанъ нека намъ право каже, сто година, кадъ прођу, што остаѳ одъ ныій? Нигде ништа. Ово дакле число година, коє ће прођи, и у ништа обратитисе; небы ли разумніє и полезніє было на добро, на честь и на вѣчну славу употребити, него на суєту, на будалаштине, и што є горе, на вѣчно безчестіє и вредъ? Кадъ бы люди здраво, чисто и разумно о времену живота свога мыслили, пропало бы између ныи свако зло; а на овога мѣсто дошло бы и преобладало свако добро и благополучіє. У Арапскимъ Історіама, наодисе єдна, коя

у самой вещи ніє ништа друго него, причта, и баснословна повѣсть; али нѣйзино наравоученіе тако є лепо и полезно, и толико се къ овой матеріи допада, да се не могу уздржати, съ инглезскога єзика да є не преведемъ, и овде не напишемъ. Єданъ Египетскій Султанъ зло живљаше, и своє поддане удручаваше и мучаше. Некій поштеный, и за добродѣтель свою за свеца почитаємый дервишъ, представляюћи реченомъ Султану краткость живота, моляше га, совѣтоваше и увѣщаваше, да престане одъ зла и неправде, и да не привлачи на душу свою са неколико минута живота вѣчно срамотно име и савише муку. Султанъ, у самой младости своєй, као зверъ силовитъ, не може никако да разуме што тай дервишъ оће, напоминюћи му толико краткость живота; кадъ онъ мысли, найманъ, іоште педесетъ година живити и царствовати. Кадъ дервишъ већъ сазна, да є ова надежда дугога живота начална причина, коя Султана заслеплява и не да му у чувство доћи; наће га єдномъ на дивану међу прьы поглавары и официры царства и рече му: Іоштъ єдну ствар што ти речемъ, молимъ те да учинишъ, пакъ ти за тимъ выше нећу досађивати. Валла! (ако се само може) оћу што годъ речешъ, само да ме се већъ проћешъ! Тада дервишъ заповеди, да се донесе єданъ великій чабаръ пунъ чисте воде, надъ коіомъ онъ нешто очита, пакъ рекне Султану, да замочи сву главу у ту воду, и да є ту за толико држи, за колико може своє диханіе уздржати. Шта главу? одговори радъ и весео Султанъ; бре оћу се савъ, како ме видишъ, загнорити; само памти! да ми у напредакъ не долазишъ на очи съ твоимъ Наравоученіемъ, говорећи ми да є мой животъ кратакъ; ако си радъ да не ограишешъ! Главу

само, рече дервишъ, пакъ држи є у води, колико дуже можешъ. Онда ти онъ съ главомъ у чабаръ; постои неколико, па кадъ є изъ воде извади, гледаюћи са ужасомъ на дервиша: Айме ниєдна вѣро свече! што учини одъ мене! колико ли ме намучи, да одъ Бога нађешъ! Шта ти є учиніо? запытаю офицыри. Како шта ми є учиніо! Ево равно двадесетъ година како трпимъ неисказане муке! Пакъ почне изказивати своя страданія на овый начинъ. Како умочи главу у ону проклету воду, нађемъ се на брегу Нила рѣке; дигнесе ребелія на ме, и истераю ме изъ царства: те ти я бѣжи оставлѣнъ одъ свію свои, преко некаквы страовиты пусты планина и песковиты поля; дођемъ у туђу землю, гди за не умрети одъ глади, наймимъ се, и служіо самъ седамъ година. Умре ми господаръ; а я се, у злый часъ по ме! оженимъ съ нѣговомъ удовицомъ, зломъ женомъ и проклетомъ, да іой подъ небомъ у злу нейма пара! Седморо деце съ ньомъ самъ изродіо, и све за луду; бре тукла ме є та жена! бре мучила ме є! изказати вамъ не могу, шта самъ ту поднео и претрпіо! А кадъ прирасту деца, зла као имъ и мати; найпосле сложесе съ матеромъ, пакъ каменѣмъ бацаюћисе на ме, отераю ме одъ куће: тада ти я, кудъ ћу? што ћу? те опетъ преко исты поля и планина вратимсе натрагъ. Кадъ дођемъ на брегъ Нила, дочекате ме вы, и признате ме опетъ за своегъ Султана. После толики страданія и мука што самъ искусіо, задаємъ вамъ мою вѣру! нећете болѣга одъ мене човека у цѣломъ Египту наћи. Чуде се они и кажу му, да ништа тога ніє было; нити є могло быти за толико кратко време, одъ кадъ є онъ главу у воду умочіо. Ніє могло быти? кратко време? Вами є до шале! Бре мене вы пытайте!

кои самъ све то, што вамъ кажемъ, преко главе преметнуо! Тада и дервишъ каже му, да то све што є онъ страдао, то є за толико было, за колико є онъ главу у чабру држао; да садъ изъ тога позна краткость живота: кои му се є до садъ дугачакъ представляо и чиніо; и да се у напредакъ опамети и уразуми. Было како было, рече Султанъ, я тога покора, и сіясета, и муке, и срамоте за живота не заборави! Одъ садъ помажите ми само съ вашимъ добрымъ совѣтомъ, пакъ ћете ме топрвъ познати. Господине, милый Боже, да зле женице! Избави таке и могъ влотвора! Лако се вами смеяти, єръ вы іоштъ не знате, што є зла жена! Замочдерте само главу у овый чабаръ, пакъ ћете видити, — — — Ова се повесть види да є измышлѣна; и при првомъ погледу, већма се за шалу и смей састављена чини; али кадъ здраво нѣйзино значенѣ и моралъ разсудимо, ништа не може истинитіє быти. Зашто, шта є нашъ животъ и наши сто година кадъ проћу! Ништа! Ово сви знамо, и нико о томъ не сумня. Ніє ли дакле паметніє и болѣ, разумно и добродѣтелно на нашу временну и вѣчну ползу, славу и благополучіє ово неколико година провести; него на временно и вѣчно безчестіє, срамоту и злополучіє? Сладкопѣвный славуякъ, ако ће само єдну годину преживити, вреднія му є него врану сто. Услади намъ пролеће поянѣмъ своимъ, излеже своє пиличиће и одрани, и свакъ воли єднога славуя чути да поє, него илляду врана и сврака; ове ће краакати и крекетати, колико ти драго; али пояти неће никада, ако ће іоштъ толико живити.

159.

ЛАСТАВИЦА И СЛАВУЙ.

Ове су две птице у старо време быле две милосердачне и любиме сестрице; ков су велику обиду и неправду одъ людій пострадале: и одъ многога плача и сѣтованя претворесе у ове птичице. Ласта дакле у єдно пролеће изиђе изъ града, дође у єданъ лугъ за нагледати сестрицу свою, и рече іой: Престани већь тужећи и сѣтуюћи за Итомъ сыномъ твоимъ, и пређи у градъ къ нами: онде ћешъ баремъ Господи и Госпођама пояти; а овде коме повшъ? кога ли сладкимъ твоимъ услаждавашъ гласомъ? ванъ да кога сеоскогъ пастира, и просту пастирку, кои нису за таку музику. Ахъ сестрице, како то беседишъ! одговори славуй; заръ си ты заборавила, да є онай грађанинъ и великій господинъ быо, кои є насъ люто увредіо! и мене бѣдну у толико очаяніе привео, и съ ума свео, да за осветити безчестіе теби нанешено, морала самь — — — Познати су ти наши случаи: на што ћу старе ране позлеђивати? При томъ ты знашъ, како є господи мучно угодити. А што велишъ, да пастири и пастирке нису мое музике достойни; люто грешишъ! Зашто нису, кадъ чувствую красоту єстества? Вѣруй ты мени, у ньіовимъ прсима человѣческа, вѣрна и любовна срца играю; лепша и благороднія него у многи градски жителя. Ако ли ко и одъ грађана, красоту природе чувствуе и люби; некъ ме овде дође послушати, гди потоцы по долинама шуште, чисти зефири луге прохлађую и раз-

носе мирисъ любичице; гди се ливаде съ польскимъ цвећемъ красе, и привлаче скакогъ очи на се.

Наравоученіе.

Премудрый и преблагій Творацъ таково є расположеніе єстества учиніо, да кадъ бы люди и са своє стране сва нуждна къ своєму благополучію средства употребили, несравнѣнно бы задовольніи и счастливіи были. Ова средства состоєсе у здравомъ и чистомъ разуму, трудолюбію и благонаравію. Има таковы мѣста на земльи нашой, гди є свагдашня зима, и гди се люди ране или съ рибомъ морскомъ или съ ловомъ животиня; ове исте люде да оће ко да іи премѣсти и пресели у лепше и питоміє землѣ, нипошто нећею; ту гди су се родили, найболѣ и найлепше имъ се чини, єръ за болѣ не знаю; ако ли имъ ко каже, они мысле да іи вара. Дакле, кадъ су они онде задовольни; мы кои имамо и пролеће, и лето и єсень; по свакой правицы валяло бы да мыслимо да смо у раю. И заисто, кадъ бы выше напоменута средства, како надлежи, употребили; тако бы намъ и было. Правда, да совершено благополучіє, безъ сваке болѣтице и скорби, не валя на овой земльи искати; зашто нисмо само за овде створени; али свакій, кои може быти выше задоволянъ него незадоволянъ, онъ ако є разуманъ, може себе за благополучна вменяватн: а люди бы безъ сумнѣнія, сви заєдно, могли врло ласно, много выше задовольни быти, съ помоћію вышеречены средства. Узмимо само за примѣръ єдну вещь, коя найвећу часть рода человеческа удручава, мучи и злополучномъ чини: Ова є вещь скудость, недостатакъ илити

сиромашство. Сада, управъ сиромаси не могу се нарећи, разве они, кои за крайню старость или немощь и сакатство, нису кадри свою рану ни альину заслужити. Оваковы є свуда врло мало; и ти исти кои се наоде, чрезъ милостиню добры и боголюбивы людій нигде нити су голи, нити одъ глади умиру. Найвеће є дакле число сиромаа, или за леность или за раскошь; мало ко оће да зна шта му є доста, и да умћри свой трошакъ прама своме доодку. Ево истинити извори све скудости међу людма. Зашто су трудолюбиви и разумни селяни на свемъ лицу земному (гди имъ само удрученіе и неправда не быва) задовольніи, веселіи и благополучніи него веће число велике господе и грађана? За ова два узрока: прво, што є ньіово срце чисто и слободно одъ премногы страстій и злоба, коє велики господа и богатаца срца непрестанно гризу и муче; а второ што се задовольствую съ онымъ што имаю. Я изъ совершенога искуства ово утверждавамъ, єръ самъ провео савъ животъ до садъ и съ селяны и съ ботатимъ людма и господомъ, и познао самъ ову истину у свакомъ народу и єзику, међу коима самъ живіо. Гди су годъ селяни подъ праведнымъ и благоуређденымъ управлѣніемъ, ко є годь одъ ньій радинъ и паметанъ, у нѣговой кући и авліи жене и девойке пѣваю, и ньіове пѣсне излазе имъ изъ средъ срца: а богате фамиліе, кадъ іи изъ далека гледашъ, неописано и непонятно ти се чини ньіово благополучіе; а кадъ близо дођешъ, и внутреняя срца ньіова познашъ, гди є право сѣдалище благополучія или злополучія, ужаснешъ се шта ту нађешъ! и молишъ Бога, да ти ништа таково на главу не дође. Покойный Гаврілъ, Молдовскій Митрополитъ, гледаюћи своє робове цигане, гди

скачу и пѣваю, као да незнаду што ће одъ радости чинити, често бы рекао: Та Богъ ии видіо! ништа не єду него мамалюгу, одъ кудъ имъ оно веселѣ у срцу? Ее господине! рекао бы му некій шальивъ проигуманъ, не леже ньима твои педесетъ иляда дуката на срцу! Како небы были весели? Многа су любопренія церковни учителыи имали, гди бы быо оный рай, за кога се пише! Стои написато, да четири велике рѣке изъ средъ нѣга извиру, ево четири реке: Дунавъ и Тиса, Сава и Драва. Ее башъ! Пакъ заръ ове рѣке изъ єдногъ мѣста извиру? По далѣ се теби валя измаћи, ако си радъ къ онимъ рѣкама доћи! То су акоћешъ да знашъ, Тигаръ и Ефратъ, Нилъ и Гангъ. Алъ ево неволѣ, што ове две последнѣ рѣке, одъ оне две прве, и єдна одъ друге на пляду миля далеко извиру. А да што ћемо садъ? Ништа ка' и до садъ. Коме као и мени ніє инатъ міо, мы ћемо се Г. Назіанзина држати, кои овако вели: *Παντὶ βροτῷ εὐφρονοῦντι πάσα γῆ παράδεισος.* Свакомъ човеку благоразумномъ сва є земля рай. На овый начинъ и нашъ лепый Тамишъ изъ рая извире. Здраво и прекрасно мудрованіе овога учителя; како се човекъ сваке наравне злоће избави, умъ свой одъ луды, мрачны и кривы мнѣнія освободи; срце и душу свою одъ свакогъ неправедногъ и невалялогъ зактеваня отресе и очисти; пакъ іошть сверхъ тога: кадъ съ чистосердечнымъ, любоистинитымъ, безъ сваке притворности, лукавства и злобе людма живи; гди свакъ вѣрно, прилѣжно и поштено свою дужность исполнява; болѣгъ рая на земльи некъ не тражи. А оваковы людіи (правда, гди манѣ, гди выше) али се фала Богу опетъ наоди свуда.

160.

ЛАСТАВИЦА И ПРОЧЕ ПТИЦЕ.

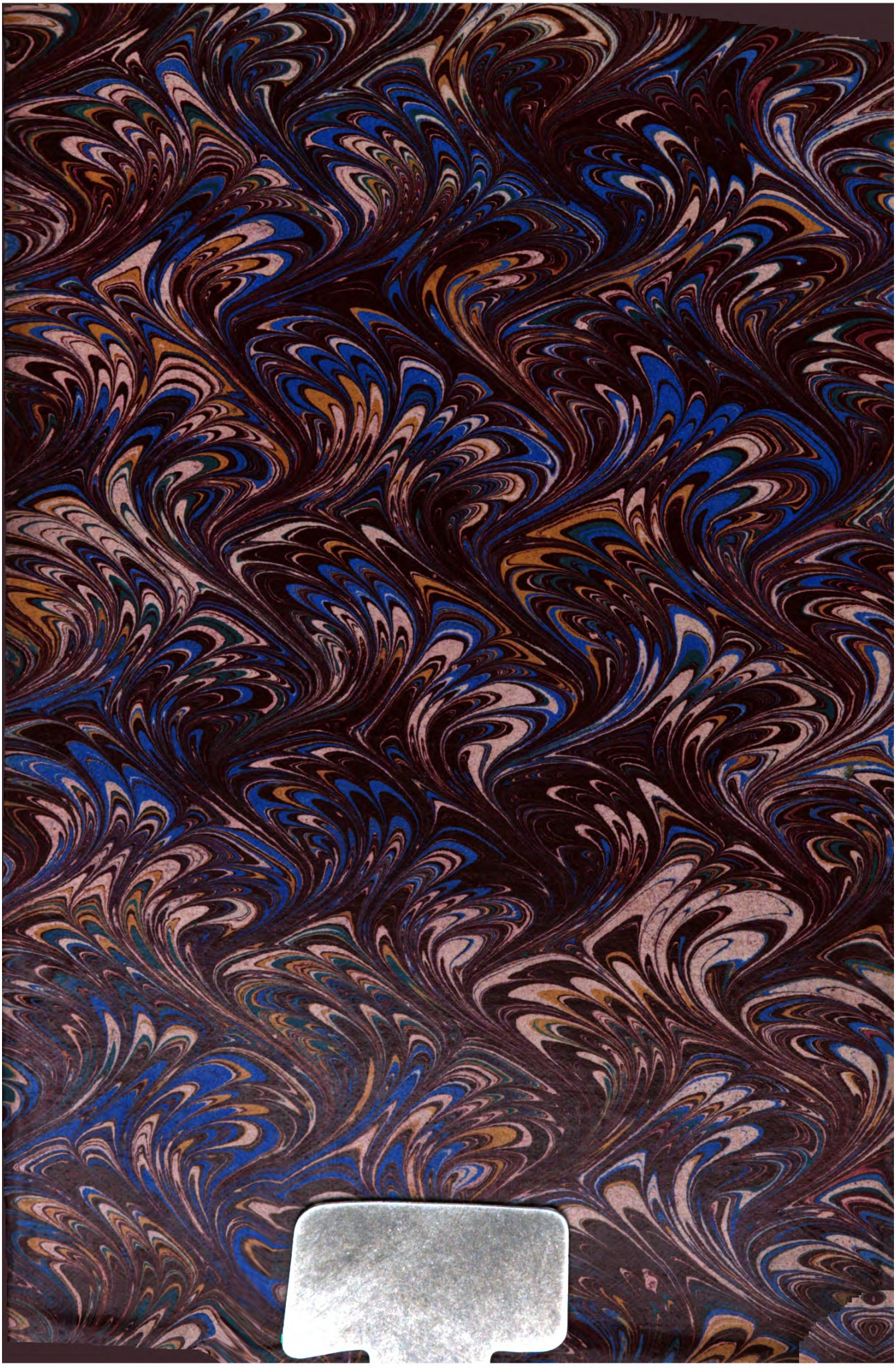
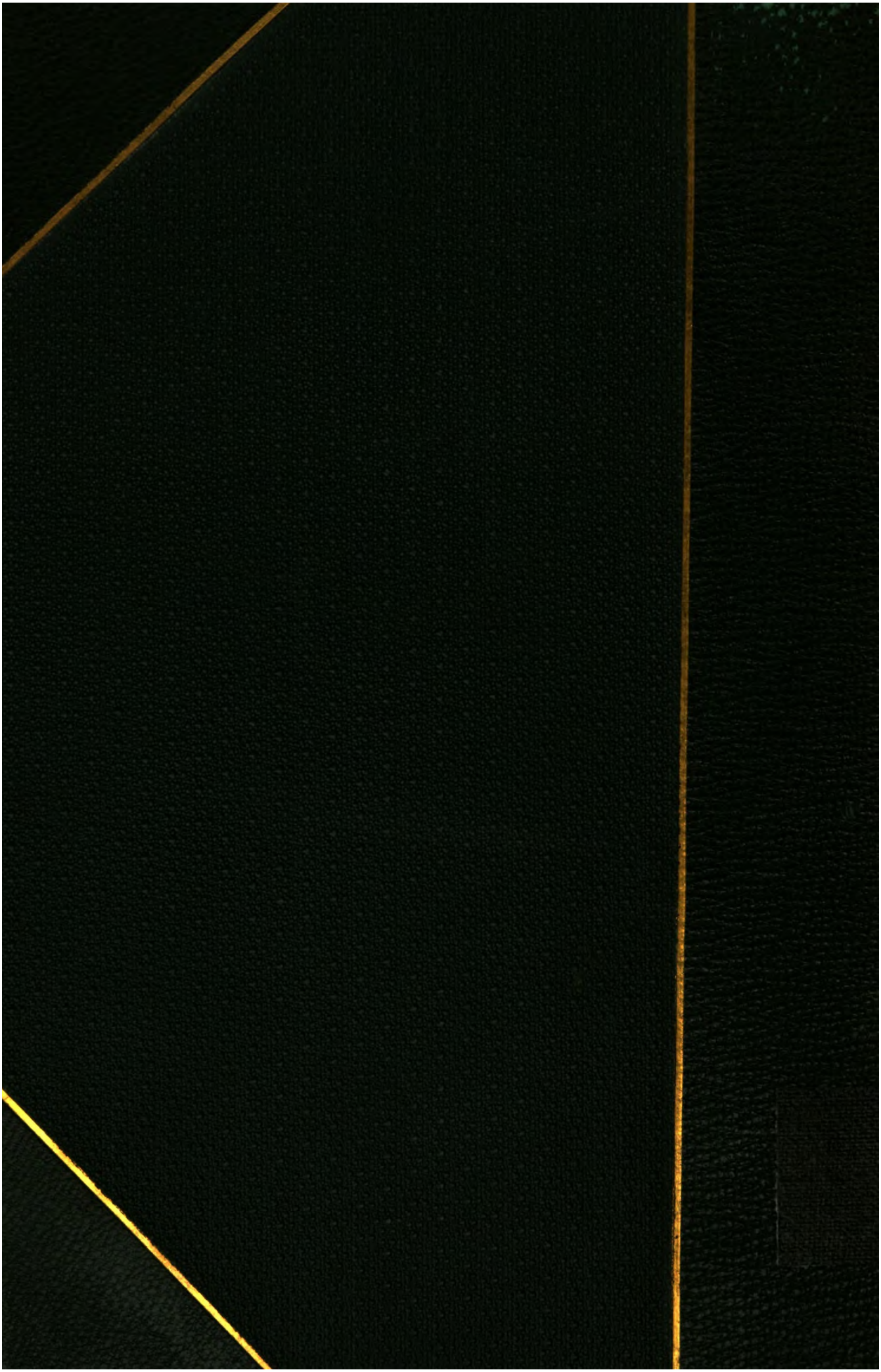
У пролеће ластавица како упази селяне да почну сеяти конопљ; сазове све птице, и каже имъ, да изъ тога сѣмена израстиће такова матерія, изъ коє ће се птицама на ньіову велику погибель, свакояке мреже плести: зато ако су своме добру раде; како селяни оду дома, да се све єдиномысленно и єдинодушно сложе, и да све оно, на ньіовъ вредъ посеято семе, изчепркаю и позоблю. Две ћемо ползе одъ тога имати: прво, што ћемо се наєсти; а друго, што ћемо у напредакъ безбрижно и безбѣдно живити. Онда птице почну што коіой у главу дође, говорити. Неке реку, мы се ранимо съ мушицама; нашто се нами мучити и землю раскопавати? Друге веле, мы єдемо гусенице и свакояке црве: треће кажу, да имаю и осимъ тога доста посла на глави, гньизда себи правећи, яя носећи, и пилиће излежуюћи и ранећи; и да имъ ніє до копаня и чепрканя. На неколико дана по томъ, никне конопљ, и позелене одъ нѣга све ньиве. Опетъ другољубива ласта, кадъ къ єднимъ кадъ къ другимъ птицама летећи, моли іи и увѣщава, да іоште младо и слабо конопљ, докъ се ніє осилило, почупаю! Птице ка' и пре, свака и о своме послу; не марећи што ће после быти; Нађу се неке, коє іой се и наругаю, и здраво є изпсую, говорећи: гледайде ты ластавичіє главе, и памети: гди она дође, да се покаже паметнія и боля одъ свію осталы пти-

ца: немашъ ли ты никаква другогъ посла, него оћешъ светъ раменомъ да испраляшъ? Како се одъ толико птица ниєдна не наће, осимъ тебе, да намъ каже, што ће сутра и прекосутра и до године быти? Кадъ ова то чує, чему се ніє надала; онда оде къ людма и измоли себи дозволѣнѣ, да при ньіовы домовы гди, гньиздо себи начини. То іой се допусти, и люди є радо гледаю, зашто она никомъ никаква зла ніє кадра учинити; и толико є свакомъ милія, што съ ньомъ и пролеће любко време долази, и славуи пропѣваю.

Наравоученіє.

Почти одъ прве колевке человеческога рода и до садашнѣга нашега времена, ово исто што намъ басна каже да се ласти случило, многима є и людма преко главе прешло. Немилостивый и злонаравный Каинъ мрзи, ненавиди, и убія доброга Авела брата свога. Праведный Енохъ, іоште пре потопа, увѣщава свога времена люде, да престану одъ зла и неправде, ако су ради, да имъ у єданъ ма свимъ заєдно зло ютро не дође! Говори данасъ, говори сутра, докле ти га у єданъ ма истомъ нестане. Рабини пишу, да є живъ на небо однешенъ быо: већь што му драго, кудъ є годъ онъ однешенъ, али нѣга између прочи нестане. Іосифъ, прекрасный Іосифъ! мучисе по пустиньи тражећи браћу свою, и носећи имъ рану: єдва ти намъ ји наће, а они съ ньимъ у бунаръ: ту ты лези, ту є теби мѣсто! Мойсей у Египту, почне молити и увѣщавати силніега одъ сродства свога, да слабіему обиде не твори; што! изврати онай, као бесанъ, на нѣга очи, ко те є поставіо судіомъ надъ

нами? Или зарь мыслишъ и мене убити, као што си Египтянина некій данъ! Чекай ты, скуваћу я теби попару! А овый онда помысли у себи: мећеръ ти овде ніе до стаяня! Ты ньима о добру радишъ, а они теби о глави; пакъ онда бѣжи, кудъ га очи воде. Добродѣтелный Сократъ, о коєму є цѣлой Греціи сведочба Делфинскога Аполлона позната была; да є, Σωκράτης ἁπάντων τῶν ἑλλήνων ὁ σοφώτατος, то єсть, Сократъ одъ свію Грековъ премудрѣйшій; страшанъ непріятелѣмъ отечества у ополченію и войни; страшанъ истимъ мучителѣмъ у бѣдномъ граждана свои междуусобномъ раздору; страшанъ, навластито, жрецемъ, лажефілософомъ и суєвѣрія защитителѣмъ. Но найпосле онъ истый, кои є мудрость съ неба међу люде донео; осуђенъ є одъ свои граћана, у време старости своє отровъ пити! После не проћу два три дна; яо и помагай! Вѣчне срамоте и покора, шта то учинисмо? Дай, сазидаймо му храмъ: воздвигнимо му алтаре! кольимо сто юнаца на жертву нѣговой праведной души! Све то веће касно и у невреме. Пилатъ, Римлянинъ будући, вели блаженномъ Спасителю: та родъ твой и братія твоя предали су те, да на смерть осуђенъ будешъ! Казуй шта си учиніо? Умива предъ свима руке своє одъ неповинне крови; а кадъ савъ народъ виче: возми и распни; некъ имъ буде, они узрятъ! У овой стотини година Волфъ Германіє просветитель, Професоръ Хаалскій, прими оштру кралѣвску заповедь, у 24 сата да се не наће у Хаали ни у Прусскимъ државама, ако оће да главу на рамены носи. У време люте зиме; жена оће да му се породи! Ништа то не помаже! фуртъ! Некъ се у колы бѣжећи пораћа! А ко ово причинява? Та то

се зна, што пыташъ? Ревностни Пастори и Богословы зашто овакови гди су годъ и чіи су годъ; свуда су єднаки; нити оће за шалу да знаду. На Лессинга, великога и премудрѣйшега у націй своей, на истый начинъ, сви, ревностію протестантскога православія ужежени и распаљени проповедницы и себезовоми філософи и богослови, подигли су се были, предъ нѣгову смертъ, на нѣга као чавке. А то опетъ зашто? За трагедію Наѳана, у коєй Лессингъ премудру божію промысаль у правди доказує: али є доказує тако, како они сви заєдно, и да іи є іоштъ толико, небы кадри были доказати; ето зашто. У свакомъ роду и єзику они су люди ужасни, кои оћею за Бога выше да ревную и да се стараю, него што самъ милостивый изискує Богъ; и кои мысле, да ныій нема, сва бы божія слава пропала. Нико ніє тако славу истиннаго Бога искао, како Іисусъ Хрістосъ, но онъ у свему Евангелію показує, да сва слава одъ стране людій къ Богу у томе се состои, да вѣрую у Бога, и да га любе; да живе праведно и поштено; и ни нашто преблагословенный сынъ и слово божіе ніє викао, него на злобу, на неправду, и на притворно лукавство. А да кадъ є ово овако бывало, како се изъ овога што смо рекли, види, одъ Адама и до данасъ; може ли ово, и оће ли кадъ годъ престати? Може врло ласно, и оће тада, кадъ сви оставимо преданія человѣческа на страну, изъ кои се ништа не раћа него кавга и мрзость; а примимо чисту Хрістову науку, изъ коє бы се родіо светый миръ и сладка воеобща любовь, и свака правда и добродѣтель. Я самъ различне націе желіо и искао познати; а навластито нашу Славено-Сербску одъ Баната до Албаніе. У Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Дал-

мацiи и Ерцеговини, свуда є у се[illegible] лѣвства, характеръ во обще єдна [illegible] єдна фамилiя. Гди годъ добро с[illegible] ликодушни, страннолюбиви, мужест[illegible] ни, на добро склонни, и здравым[illegible] щимь человѣческимъ разумомъ о[illegible] томъ и трудолюбиви. Гди се год[illegible] у комшилуку мрзе, то по найвећой части произходи изъ тога, што су неки греческога и неки римскога закона, и наричу єдни друге съ коєкаквы ружны и презрителними именами; први вторе зову, или Шокцы или Бунiевцы, или Римцы или Латини. А ови оне, Власи, Ркаћи и Шизматицы: а честно, свето и братско име Хрiстяни, то свакъ само за се држи; или ако кадъ єдна страна другу назове Кршћани, или Ришћани, то се за особиту милость и учтивость твори и држи: и по несрећи врло редко быва. Она сва вышеречена укорителна и безчестна називаня; и коя се изъ ныи раћа вражда и мрзость, прешла бы, како бы свештенство єдне и друге стране добровоспитано и добродѣтелно постало; отворило бы народу очи, и показало бы му праву, чисту, и свету евангелску любови и мира науку. Представимо себи, какова бы то сладость была и блаженство, видити толикiй поштеный народъ, да се любе као браћа, и да се поштую! Мы садъ видимо очевидно милость вѣчнога Промысла! Турска власть и величество спада и умалявасе; а Хрiетянска са свы страна расти и узвышавасе. Сербiя, Босна и Ерцеговина избавићесе съ временомъ одъ Турака и ослободити: али, ако народъ у овимъ земляма не почне отресати одъ себе суевѣрiе, и не изкорени ону древню и богомрску вражду и мрзость за законъ; они ће сами себи быти Турцы му-